

**Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Национально-исследовательский университет
Арзамасский филиал**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ:
античность, средние века, новое и новейшее время**

*Межвузовский сборник научных трудов
ВЫПУСК 9*

*Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2014*

УДК 930.9
ББК 63.3 (0)-5я 43
П 50

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского

Рецензенты: кафедра всеобщей истории и международных отношений
Ивановского государственного университета;
доктор исторических наук, профессор В.А. ЕВСЕЕВ

Редакционная коллегия: доктор исторических наук,
профессор А.Р. ПАНОВ (ответственный редактор);
кандидат исторических наук, доцент М.В. ТРЕТЬЯКОВА;
кандидат исторических наук, доцент С.А. ЗОТОВ

П 50 **Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время:** межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 9. / Отв. ред. А.Р. ПАНОВ; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: АФ ННГУ, 2014. – 142 с.
ISBN 978-5-9905848-2-2

Сборник содержит статьи, темы которых связаны с различными аспектами социально-политической истории Западной Европы.

Адресован всем, интересующимся вопросами всеобщей истории.

УДК 930.9
ББК 63. 3 (0)- 5я 43

Содержание

От издателя	5
Раздел I. История Англии в средние века, раннее новое, новое и новейшее время	
Яблонская О.В. Лондонский купец Джон Поутни в общественно-политической жизни Англии XIV века	6
Щелокова Н.В. Дискуссия Уолтера Брэта о возможности женщин быть священниками	14
Сорокина Т.Б. Представители европейской политической элиты в Жизнеописаниях Эдварда Герберта	17
Зотов С. А. Социальные проблемы ранневикторианской Британии в публицистике Томаса Карлейля	23
Зотов С.А., Кузнецов Е.В. Либеральный и консервативный проекты развития Британской империи середины XIX века (Дж. С. Милль и Т. Карлейль)	33
Эрлихсон И.М. О. Сидней в англо-американской историографии XX века	44
Берлизов А.С. Отечественная историография аграрной и социальной истории Англии XVI – середины XVII веков	53
Шандра А.В. Взгляды Э. Монтегю на проблему образования еврейского национального очага в Палестине	58
Раздел II. История Западной Европы в новое и новейшее время	
Ивонина Л.И. Битва при Рокруа как переломный момент Тридцатилетней войны	64
Ивонин Ю.Е. Новейшая зарубежная историография о Тридцатилетней войне	74
Беляев М.П. Выбор союзника: бранденбургский курфюрст Георг Вильгельм между Швецией и императором (1629–1640)	85
Раздел III. Varia	
Панов А.Р. Установление политических отношений Рима с Арменией	97
Чисталев М.С. Alexandria ad Aegyptum/in Aegypto: о некоторых аспектах восприятия города римскими авторами в середине I в. до н.э. – начале II в. н.э.	106
Белохвостов А.Н. Работоторговля древних русов	118
Третьякова М.В. Дом французского короля Генриха II по сведениям венецианского посла во Франции Джакомо Соранцо в 1554–1558 гг.	124
Ковалёв М.А. Социальные мотивы в романах Г. Филдинга: жизненная философия Джонатана Уайльда Великого	134

Сведения об авторах	141
Editor's Preface	142

От издателя

Уважаемые коллеги!

Перед вами – девятый выпуск сборника научных статей «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время». В октябре 2014 г. состоялся Седьмой научный семинар с одноименным со сборником названием.

В работе семинара приняли участие ученые из разных вузов России – Нижнего Новгорода, Смоленска, Рязани, Владимира, Пензы, Мытищ, Арзамаса. В общей сложности в сборнике представлены работы шестнадцати авторов, многие из которых традиционно принимают участие в этом семинаре.

Структура сборника тоже уже стала традиционной. Сборник состоит из трех разделов. В первом разделе собраны статьи, где рассматриваются особенности социально-политического развития Англии в средние века, раннее новое, новое и новейшее время. Второй раздел содержит статьи, в которых речь идет о социально-политическом развитии других стран Западной Европы в новое и новейшее время. Заключает сборник третий раздел, куда помещены статьи, которые по своему содержанию отвечают названию этого раздела – «Varia».

Не останавливаясь подробно на характеристике статей, отметим, что данные статьи отражают научные интересы своих авторов.

Надеемся, что наш сборник будет интересен читателю и принесет пользу и удовольствие!

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ АНГЛИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА, РАННЕЕ НОВОЕ, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94(411).03

ЛОНДОНСКИЙ КУПЕЦ ДЖОН ПОУТНИ В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АНГЛИИ XIV ВЕКА

О.В. Яблонская

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета,
г. Арзамас

Аннотация. Данная статья посвящена Джону Поутни, средневековому торговцу и политику, Лорд-мэру Лондона. Поутни принадлежал к влиятельной корпорации дрэперов, экспортировавших текстильные товары из Англии. Он финансировал множество общественных проектов, предоставлял кредиты Эдуарду III на осуществление кампаний Столетней войны.

Ключевые слова: Англия, средневековый Лондон, Эдуард II, Эдуард III, Столетняя война, Поутни, дрэпер, гильдия, благотворительность.

При изучении средневекового Лондона вполне оправдано главное внимание уделяется торговым и ремесленным гильдиям. Социальный статус горожан определялся положением в цехе. Влиятельные представители богатейших корпораций составляли столичный нобилитет, формировали муниципальные органы власти и участвовали в осуществлении государственных проектов. Одной из наиболее значимых корпораций в средневековом Лондоне была гильдия дрэперов. Её могущественный представитель первой половины XIV в. – Джон Поутни (Pulteney, Poultney, Routenei) оставил след не только в столичной истории, но и стал весьма заметной фигурой во всём королевстве.

Джон Поутни родился в местечке Поутни в Лестере. Его родителей звали Адам и Матильда¹. В декабре 1330 г. Джон женился на Маргарет Бифард (Bereford, Bureford), о чем свидетельствует заказанная по этому торжественному случаю служба². Семья Бифард относилась к богатым, у них была недвижимая собственность в столице, земельные владения в графствах Суррей, Сассекс, Кент, Эссекс³. Отец Маргарет Джон Бифард принадлежал к

---

¹ Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting in London (1258–1688) / Ed. R. Sharpe. L., 1899. Part 1. P. 578–624. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66886>. Date accessed 10 September 2014.

² Calendar of Patent Rolls, Edward III. L., 1893. Vol. 2. P. 22.

³ Calendar of Close Rolls of Edward II / Ed. H.C. Maxwell. L., Vol. 4. 1895. P. 336–339.

могущественной корпорации перечников Лондона⁴. В 1303–1304 гг. он служил шерифом в городе, в 1321–1322 гг. – олдерменом в богатом округе Винтри, в 1316 г. богатый и влиятельный купец стал мэром столицы⁵. Ко времени бракосочетания Джон не менее десяти лет был в деловых отношениях с семьей Бифард. В июле 1318 г. он был записан в качестве исполнителя воли Р. Бифард, матери Маргарет⁶.

У Маргарет и Джона был лишь один ребенок – Уильям⁷. Когда отец умер, ему было всего 8 лет⁸. Большую часть своего имущества он завещал жене и сыну. Однако супруга вступала в права опекуна и наследника при соблюдении некоторых условий. Маргарет и после смерти мужа должна была ему хранить верность, быть целомудренной и не выходить замуж⁹. В случае смерти или несоблюдения изложенных выше требований опекуном сына становился граф Хантингтона Уильям Клинтон (Clynton)¹⁰. Однако известно, что Маргарет уже на следующий год вышла замуж за Николаса Лавейна (Loveyn)¹¹. Это был богатый и влиятельный горожанин, в 1351 г. он был посвящен в рыцари¹². Сын Уильям умер, когда ему было 26 лет в январе 1367 г., не оставив прямых наследников. Имущество перешло двоюродному брату Роберту, сыну сестры Джона Эллен.

К началу царствования Эдуарда III Дж. Поутни приобрел весомое положение в Лондоне. Его имя постоянно упоминается по разным делам в городских документах. Поутни оспаривает завещания¹³, защищая имущественные права сограждан, его назначают опекуном или ему передают наследство¹⁴. Богатый купец имел возможность занимать почетные и выгодные должности. Бурный карьерный рост Поутни наблюдается с начала правления

---

⁴ Именно эта организация являлась исходной организацией могущественных столичных бакалейщиков. См.: Яблонская О.В. Лондонские grosеры Н. Брэмбр и Дж. Филпот в общественно-политической жизни Лондона последней трети XIV века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. № 1. С. 15–31.

⁵ Beaven A.P. The Aldermen. The City of London. Vol. I. L., 1908. P. 379–404. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx>. Date accessed 06 October 2014.

⁶ Calendar of Close Rolls of Edward II / Ed. H.C. Maxwell. Vol. 3. 1895. P. 623.

⁷ Calendar of Wills. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66886>. Date accessed 10 September 2014.

⁸ Calendar of Inquisitions Post Mortem. Vol. 9. L., 1916. P. 166–169.

⁹ Calendar of Wills. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66886>. Date accessed 10 September 2014.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Wareham A.F., Wright A.P.M. The histories of the twenty-three parishes which make up the four hundreds of Staploe, Staine, Flendish and Cheveley. Vol. 10. 2002. P. 46–49. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid>. Date accessed 06 October 2014.

¹² Calendar of Close Rolls of Edward III / Ed. H.C. Maxwell. Vol. 9. L., 1906. P. 349–357, 580.

¹³ Calendar of Wills. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66869>. Date accessed: 10 September 2014.

¹⁴ Ibid. P. 343–362, 401–409. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66865>. Date accessed 10 September 2014.

Эдуарда III. В 1327 г. его впервые выбрали олдерменом Коулманстрит. Управлял этим округом он до 1334 г., в 1334–1335 гг. Поутни руководил Коундлевикстрит, а в 1336–1338 гг. – Винтри¹⁵. Популярного и богатого горожанина в 1331 г. впервые выбрали мэром столицы, а затем переизбрали в 1332, 1334 и 1336 гг.¹⁶ В 1334 г. Н. Фэрндон в своем завещании передал ему должность олдермена в Ладгейте и Ньюгейте¹⁷. 12 августа 1335 г. Поутни являлся одним из руководителей, обеспечивавших безопасность города на случай вторжения противника. В марте 1337 г. Джона Поутни за заслуги перед королем и королевством посвятили в рыцари¹⁸.

Среди его друзей были влиятельные особы королевства. В его завещании упоминаются сэр Ральф де Стратфорд, епископ Лондона, и сэр Уильям де Клинтон, граф Хантингтона. Они же назначались в завещании его душеприказчиками. За это Поутни отблагодарил их щедрыми подарками. Так, Стратфорду досталось большое кольцо с рубином, а Клинтону – большое кольцо с двумя большими алмазами, а также два серебряных кувшина, эмалированные чашки с ложками и солонки. Уильям Клинтон в случае, если жена не будет соответствовать условиям завещания, получал «Колд Харбра» («Cold Harbrough») в Лондоне на период несовершеннолетия сына Уильяма¹⁹.

Среди источников богатства Поутни помимо наследства родителей и жены можно назвать и принадлежность к корпорации дрэперов²⁰. Это одна из наиболее могущественных гильдий Лондона. Её подъем по времени совпадает со временем взлета коммерческой и политической деятельности Джона. В XIII – начале XIV в. «текстильные» купцы были ограничены в возможностях заниматься широким экспортом тканей. Технические возможности английской промышленности не позволяли производить много продукции. Объемы

---

¹⁵ Beaven A.P. Op.cit. P. 107–112. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=67201>. Date accessed 06 October 2014.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Calendar of wills. P. 392–401. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66870>. Date accessed 10 September 2014.

¹⁸ Beaven A.P. Op. cit. P. 255–260. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=67222>. Date accessed 06 October 2014.

¹⁹ Calendar of wills. P. 578–624. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk>. Date accessed 10 September 2014.

²⁰ С конца XIII века вследствие развития сукноделия, расширения внутреннего и внешнего рынка, углубления специализации произошло разделение на непосредственных производителей продукции и тех, кто занимался исключительно сбытом готовых товаров и организацией трудового процесса. Производственный процесс достиг такой дифференциации, что для изготовления ткани иногда требовалось 16 операций, причем каждой занимался отдельный цех. Об этом подробнее см.: Кузнецов Е.В. Экономическое развитие Англии в XIV–XV вв. Горький, 1981. С. 36–38. Сукноторговцы стремились поставить под свой контроль всех производителей текстильных товаров. В 1397 г. лондонцы купили здание Бэйкуэлл-холл (Bahewell Hall) с большим участком земли и превратили его в рынок для сельских торговцев. См.: Memorials of London and London Life in the XIII, XIV and XV centuries / Ed. H.Th. Riley. L., 1868. P. 550.

производства ограничивались и цеховой регламентацией. К тому же английские ткачи не были столь же искусны, как фламандские и итальянские мастера. Но наличие мощной сырьевой базы шерсти и возрастающий спрос на шерстяные товары служили побудительным мотивом для модернизации сукноделия. С конца XIII в. начинается техническая перестройка промышленности. Сукновальные мельницы, несмотря на сопротивление цехов, все чаще начинают использоваться при обработке шерсти. Технические усовершенствования позволили значительно увеличить объемы текстильного производства. Эдуард III для того, чтобы улучшить качество тканей и сделать их конкурентоспособными на европейских рынках, приглашает в страну высококвалифицированных континентальных ремесленников. В 1337 г. был издан статут, гарантировавший покровительство всем иностранным сукноделам²¹. Король запретил также вывозить шерсть из страны и ввозить сукно. Таким образом, Эдуард III стремился защитить собственную промышленность и обеспечить ей благоприятные условия для деятельности. Вследствие роста текстильного производства увеличиваются доходы торговцев этого вида товара. До середины XIV в. в Лондоне их называли суконщиками (burellers или clothworkers), известно, что ее члены уже во второй половине XIII в. занимались скупкой шерсти и раздачей ее прядильщикам, ткачам и красильщикам²². В середине XIV в. суконщиков стали называть дрэперами. Кроме текстиля дрэперы торговали и другими выгодными товарами, закабалили ремесленников, занимались кредитными операциями.

Как и многие богатые купцы, Поутни занимался кредитно-денежными операциями. Уже в 1320-х гг. у него одалживают крупные суммы денег²³. Джон ссужал неоднократно королевскую власть²⁴. Эдуард III отводил особенно важную роль богатым английским купцам в финансово-экономической политике. Из-за начавшейся Столетней войны он постоянно испытывал материальные затруднения. Король предпочитал напрямую с купцами решать свои финансовые проблемы, а не обращаться с этой целью к парламенту из-за неизбежности уступок. Дешевле было купить согласие купцов, предоставив им монополию внешней торговли.

Кредиторами сначала были итальянские дома Барди и Перуцци. Но уже к концу 1330-х гг. среди английских купцов появились свои «воротилы денежного мира», среди которых выделялись У. де ля Поль и Поутни. Они

---

²¹ Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1810. P. 280.

²² Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. Саратов, 1983. С. 62.

²³ Летом 1325 г. он одолжил сначала 100 ф. ст. Роберту Бадет из Лестера, а затем 800 ф. ст. приору Госпиталя Святого Иоанна Иерусалимского. См.: Calendar of Close Rolls of Edward II. Vol. 4. P. 488.

²⁴ Calendar of Close Rolls of Edward III. V. 1. L., 1896. P. 472; Calendar of Patent Rolls of Edward III. Vol. 2. P. 225, 275, 338, 345; V. 3. P. 311, 321–322, 413, 416, 432.

помогают молодому королю управлять государством²⁵. В 1329 г. в обмен на денежную помощь Эдуард III поручил Поутни откуп таможенных доходов в Саутгемптоне. В январе 1332 г. его включили в комиссию, расследовавшую нарушения в стэпельной торговле в Брюгге. Не исключено, что высокое положение купцы могли использовать в личных целях. Вероятно, так произошло с Полем и Поутни. В ноябре 1340 г. они вместе с другими купцами были арестованы по обвинению в махинациях в торговле шерстью²⁶, однако оба купца были выпущены, а дело против них было прекращено. Вполне возможно, что Эдуард не стал преследовать нарушителей, так как нуждался в их помощи и в управлении хозяйством, и в финансировании войны.

За полгода до ареста, в апреле 1340 г., Поутни участвовал в бурном обсуждении предоставления кредита королю на военные нужды от столичных граждан. Эдуард требовал 20 000 ф. ст., но горожане соглашались предоставить сумму в несколько раз меньше – 5 000 марок, что вызвало гнев со стороны короны. Лондонцы понимали, что это может привести к лишению их свобод и привилегий, поэтому для улаживания конфликта к Эдуарду отправили Поутни, мэра Обри и других влиятельных особ для достижения компромиссного решения. Свою задачу они выполнили, правда, путем финансовых уступок²⁷.

Активная и выгодная торгово-предпринимательская деятельность Поутни позволила ему сколотить огромное состояние. В конце своей жизни он был одним из самых богатых людей. Он владел земельными и лесными угодьями в разных областях страны – Хартфордшире (Shenle), Уоркшире (Napton), Лестершире (Dadelyngton), Саффолке (Withersfield), Кембриджшире (Ditton Camoys, Chevele), Кенте, Мидлсексе. Значительной недвижимостью владел Поутни в самой столице²⁸.

Сэр Джон вложил часть своего значительного богатства в строительство. Его дома представляли собой настоящие дворцы, многие из которых будут впоследствии принадлежать членам королевской семьи и их фаворитам. В 1341 г. он укрепляет Чивли (Chevele) в Кембриджшире и Пэнсаст (Penshurst Place) в Кенте, а также свой дом в Лондоне²⁹. Особенно грандиозной была его усадьба «Колд Харбра» в Доугейте в столичном приходе Святого Лаврентия. После его смерти до 1359 г. это была резиденция Эдуарда, принца Уэльского, а затем Ричарда II³⁰.

---

²⁵ Поутни выполнял ряд почетных обязанностей: escheator (Лондон), guardian (Эссекс, Мидлсекс, Суррей). См.: Calendar of Patent Rolls of Edward III. Vol. 2. P. 283, 288, 386–388; Vol. 3. P. 283, 293, 374–375.

²⁶ Harvey A. S. The De La Pole Family of Kingston upon Hull. East Yorkshire Local History Society, 1957. P. 51.

²⁷ Memorials of London... P. 208–211.

²⁸ Calendar of Inquisitions Post Mortem. P. 166–169.

²⁹ Calendar of Patent Rolls. Edward III. Vol. 5. P. 331.

³⁰ Stow J. A Survey of London. L., 1908. P. 229–238. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=60041>. Date accessed 06 October 2014.

Поутни, как и многие богатые люди того времени, большое внимание уделял благотворительности, особенно религиозной³¹. В завещании есть отчисления на общественные нужды³². Не только добропорядочные граждане, но и преступники были им облагодетельствованы³³.

Наиболее крупным благотворительным проектом, сохранившим добрую славу о нем на века, было строительство церкви Св. Лаврентия на Коундлевикстрит. Поэтому приход Св. Лаврентия стал еще носить и имя Поутни – Приход Святого Лаврентия Поутни³⁴. В 1334 г., когда он был мэром города, он возвел часовню в честь Корпус-Кристи и Святого Иоанна Крестителя, примыкающую к церкви Святого Лаврентия³⁵ и основал колледж для мастера и семи священников³⁶. Он был назван в завещании Поутни «College or Collegiate Chapel of Corpus Christi»³⁷. А в 1369 г. в память о его основателе он называется «College of St. Lawrence de Pulteneye»³⁸. Мастер этого колледжа по завещанию получал средства для отправления поминальных служб в честь Поутни и его близких, а также для предоставления милостыни³⁹. Кроме того, он оплатил строительство монастыря кармелитов в Ковентри в 1342 г.⁴⁰, церкви всех святых на Тэмзстрит⁴¹. Сэр Джон Поутни умер 8 июня 1349 г. Есть предположения, что он стал жертвой чумы⁴².

Итак, средневековый торговец и Лорд-мэр Лондона Джон Поутни оставил неизгладимый след в английской истории. Его деятельность приходится на

---

³¹ Яблонская О.В. Религиозная жизнь и цеховые корпорации средневекового Лондона // Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия. Прага: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o, 2013. № 49. С. 30–33.

³² Calendar of Wills. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk>. Date accessed 10 September 2014.

³³ Stow J. Op. cit. P. 104–117. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/compid=60027>. Date accessed 06 October 2014.

³⁴ Stow J. Op. cit. P. 216–223. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid>. Date accessed 06 October 2014.

³⁵ Calendar of Patent Rolls. Edward III. Vol. 3. P. 60, 319.

³⁶ Harben H.A. A Dictionary of London. L., 1918. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=63198>. Date accessed 10 September 2014.

³⁷ Calendar of wills. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66886>. Date accessed 10 September 2014.

³⁸ Harben H.A. Op. cit. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=63198>. Date accessed 10 September 2014.

³⁹ Calendar of wills. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66886>. Date accessed 10 September 2014.

⁴⁰ A History of the County of Warwick / Ed. W. Page. L., 1908. Vol. 2. P. 104–105. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=36508>. Date accessed 26 March 2014.

⁴¹ Stow J. Op. cit. P. 104–117. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid>. Date accessed 06 October 2014.

⁴² Unwin G. Estate of Merchant // Finance and Trade under Edward III by Members of the History School / Ed. G. Unwin. Manchester, 1918. P. 179–205. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid>. Date accessed 10 September 2014.

начало правления Эдуарда III и Столетней войны. Для предприимчивых людей это было удачное время, они смогли укрепить не только свое личное состояние, но и способствовали экономическому подъему всей страны. Победы в войне с Францией в определенной степени были обеспечены за счет средств таких купцов, как Джон Поутни. Значительную часть своего имущества он потратил на благотворительные цели.

Литература

1. *Кузнецов Е.В.* Экономическое развитие Англии в XIV–XV вв. Горький, 1981.
2. *Яблонская О.В.* Лондонские grosers Н. Брэмбр и Дж. Филпот в общественно-политической жизни Лондона последней трети XIV века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. № 1.
3. *Яблонская О.В.* Религиозная жизнь и цеховые корпорации средневекового Лондона // Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия. Прага: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o, 2013. № 49.
4. *Яброва М.М.* Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. Саратов, 1983.
5. *Beaven A.P.* The Aldermen. The City of London. Vol. I. L., 1908. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx>. Date accessed 06 October 2014.
6. Calendar of Close Rolls of Edward II / Ed. H.C. Maxwell. Vols. 1–3. L., 1892–1895.
7. Calendar of Close Rolls of Edward III / Ed. H.C. Maxwell. Vols. 1–14. L., 1896–1913.
8. Calendar of Inquisitions Post Mortem. Vol. 9. L., 1916.
9. Calendar of Patent Rolls, Edward III. Vol. 2. L., 1893.
10. Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting in London (1258–1688). Part I–II / Ed. R. Sharpe. L., 1899. Part 1. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66886>. Date accessed 10 September 2014.
11. *Harvey A.S.* The De La Pole Family of Kingston upon Hull. East Yorkshire Local History Society, 1957.
12. Memorials of London and London Life in the XIII, XIV and XV centuries / Ed. H.Th. Riley. L., 1868.
13. Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1810.
14. *Stow J.* A Survey of London. L., 1908. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=60041>. Date accessed 06 October 2014.
15. *Unwin G.* Estate of Merchant // Finance and Trade under Edward III by Members of the History School /Ed. G. Unwin. Manchester, 1918. [Электронный

ресурсы]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid>. Date accessed 10 September 2014.

16. Wareham A.F., Wright A.P.M. The histories of the twenty-three parishes which make up the four hundreds of Staploe, Staine, Flendish and Cheveley. Vol. 10. 2002. [Электронный ресурс]. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid>. Date accessed 06 October 2014.

LONDON MERCHANT JOHN POULTNEY IN THE SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF ENGLAND XIV CENTURY

O.V. Yablonskaya

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

Annotation. The present article is dedicated to John Poultney, medieval merchant and policies, Lord Mayor of London. Poultney belonged to the influential corporations Draper, export textile goods from England. He financed a number of community projects, provided loans to Edward III for the implementation of campaigns of the Hundred Years War.

Key words: *England, medieval London, Edward II, Edward III, the Hundred Years' War, Poultney, Draper, gild, charity.*

Об авторе:

ЯБЛОНСКАЯ Ольга Васильевна

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра всемирной истории, кандидат исторических наук, e-mail: Oyablonskii@yandex.ru.

About the author:

YABLONSKAYA Olga Vasilyevna

The State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of World History, Candidate of History sciences, e-mail: Oyablonskii@yandex.ru.

ДИСКУССИЯ УОЛТЕРА БРЭТА О ВОЗМОЖНОСТИ ЖЕНЩИН БЫТЬ СВЯЩЕННИКАМИ

Н.В. Щелокова

Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал,
г. Арзамас

Аннотация. Данная статья посвящена деятельности одного из первых учеников Джона Виклифа Уолтера Брэта, а точнее его теоретическим воззрениям. Акцент сделан на идее У. Брэта о возможности женщин быть священниками, что явно противоречило католическим взглядам на роль женщины.

Ключевые слова: Уолтер Брэт, Джон Виклиф, идея предопределения, католические таинства, виклифизм.

Согласно виклифской теории предопределения, все люди волею Бога делятся на две категории. Одни после земной жизни предопределены к вечному блаженству. Другие же осуждены к вечным мукам¹. Никто не знает, и главное, не может изменить это предначертание². Из этого следует, что власть священника, осужденного на вечные муки, не имеет смысла и значения. С другой стороны, каждый истинный член церкви, будучи избранным, имеет больше власти. В «16 пунктах, в которых епископы обвиняют лоллардов»³ говорится, что «не только хороший человек, но и хорошая женщина... может совершать таинство причастия»⁴.

Сам Виклиф мало уделял внимания этому вопросу. Гораздо дальше своего учителя в этом вопросе пошел один из ближайших учеников евангелического доктора Уолтер Брэт, «грешник, непрофессионал, фермер»⁵, который был представлен перед судом епископа Герефорда в 1390–1393 гг. Уолтеру Брэту⁶ было предъявлено несколько пунктов обвинений. Один из пунктов обвинений

---

¹ Wyclif J. Opus Evangelicum / Ed. J. Losert. Vol. 2. L., 1895. P. 122.

² Wyclif J. Tractatus de Blasphemia / Ed. M.H. Dziewicki. L., 1893. P. 86: «...non potest de predestinato prescitus frieri...».

³ «Sixteen Points...» опубликовано М. Динсли в Приложении к своей монографии. См.: Deansly M. The Lollard Bible and other Medieval Biblical Versions. Cambridge, 1920.

⁴ П. 7. «every good man is a prest...».

⁵ Hudson A. «Laicus litteratus»: the paradox of Lollardy // Heresy and literacy. Cambridge, 1994. P. 222.

⁶ См.: Щелокова Н.В. Первые ученики Виклифа: Уолтер Брэт // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Выпуск 6. Арзамас, 2010.

касаясь идеи возможности женщин быть священниками и совершать таинство евхаристии⁷.

Эта идея вызвала ортодоксальное осуждение, так как официальная церковь отрицала право женщин быть священниками и совершать таинства вследствие их греховности. Насколько же взгляды У. Брэта были радикальными?

На допросах перед ним была поставлена следующая проблема: может ли женщина совершать таинство евхаристии? По сообщению Фокса, Брэт не исключал такой возможности⁸. «Я удивляюсь, почему грешные священники продают свои молитвы... более дорого, чем те благочестивые миряне и святые женщины, которые всем сердцем молятся, чтобы избежать греха»⁹. «Ничего больше не требуется для того, чтобы стать священником, кроме того, что он должен быть предопределен Богом». И далее «неученый валлиец» продолжает: «...если женщины могут крестить людей, а таинство крещения является одним из самых необходимых, если женщины могут совершать это таинство, то почему они не могут совершать и другие, особенно при отсутствии священника?». «Крещение включает в себя освобождение от грехов». Это означает, что женщины имеют право отпускать грехи принявших крещение¹⁰.

Таким образом, крещение – это таинство, которое может быть совершено в случае необходимости, при отсутствии священника, как мужчиной, так и женщиной.

Кроме этого, женщины, по мнению Брэта, могут совершать и таинство брака, так как это таинство заключается не в благословении священника, а в словах мужчины и женщины, которые женятся. То же касается и таинства соборования.

Далее Брэт говорит о том, что обучение и проповедование Слова Божьего так же возможно для женщин. «Женщины стойко проповедовали Слово Божье и многих преобразовали в веру». Действительно, женщины играли в лоллардистских общинах очень значительную роль, занимаясь вербовкой новых членов и обучением детей в русле нового вероучения¹¹. Уолтер Брэт делает акцент на том, что проповедование не менее важно, чем таинство евхаристии.

Уолтер Брэт в духе виклифских идей утверждал, что «если Бог позволяет совершать это таинство священнику, осужденному, то почему он не может позволить это сделать святой женщине». В качестве аргументов можно вспомнить чудеса, которые Иисус Христос совершил по просьбе женщин.

---

⁷ *Foxe J. The Acts and Monuments of the Church / Ed. J. Pratt. III. L., 1877. P. 176–177.*

⁸ *Ibid. P. 176–177.*

⁹ *Ibid. P. 180.*

¹⁰ *Minnis A. «Respondet Walterus Bryth...»: Walter Brut in Debate on Women Priests // Hudson A. The Lollards. L., 1985. P. 235.*

¹¹ См.: *Щелокова Н.В. Гендерные стереотипы лоллардов // Общество. Гендер. История. Сборник статей II всероссийской научной конференции с международным участием. Липецк, 2012.*

Например, превращение воды в вино (Иоан. 2.1) или воскрешение Лазаря по просьбе Марии (Иоан. 11. 1–44). Так почему бы не разрешить трансубстантивацию хлеба по просьбе женщины. И опять, опираясь на виклифские идеи, он говорит, что хорошая женщина имеет большую ценность, чем плохой священник.

Таким образом, подводя итог, мы можем говорить, что в отсутствие священника женщина может совершать таинства и проповедовать.

В чем же кроется причина такого пристального внимания к данной идее Брэта? Он проповедовал много лет, его идеи о возможности женщин быть священниками, несмотря на ортодоксальное осуждение, привлекали много сторонников. Однако, эта самая оригинальная идея Брэта оказалась не востребовавшей и у лоллардов.

Литература

1. *Deansly M.* The Lollard Bible and other Medieval Biblical Versions. Cambridge, 1920.
2. *Foxe J.* The Acts and Monuments of the Church / Ed. J. Pratt. III. L., 1877.
3. *Hudson A.* «Laicus litteratus»: the paradox of Lollardy // Heresy and literacy. Cambridge, 1994.
4. *Minnis A.* «Respondet Walterus Bryth...»: Walter Brut in Debate on Women Priests // Hudson A. The Lollards. L., 1985.
5. *Wyclif J.* Opus Evangelicum / Ed. J. Losertz. Vol. 2. L., 1895.
6. *Wyclif J.* Tractatus de Blasphemia / Ed. M.H. Dziewicki. L., 1893.
7. *Щелокова Н.В.* Гендерные стереотипы лоллардов // Общество. Гендер. История. Сборник статей II всероссийской конференции с международным участием. Липецк, 2012.
8. *Щелокова Н.В.* Первые ученики Виклифа: Уолтер Брэт // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Выпуск 6. Арзамас, 2010.

WALTER BRUT IN DEBATE ON WOMEN PRIESTS

N.V. Shchelokova

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

Annotation. This article considers activities of one of the first John Wyclif's pupils Walter Brut, to be more precise, it examines his theoretical opinions. The article focuses on Walter Brut's idea about possibility for women to be priests, which contradicted catholic views on women's role.

Keywords: *Walter Brut, John Wyclif concept of predestination, catholic sacrament, Wyclif's theory.*

Об авторе:

ЩЕЛОКОВА Наталия Вячеславовна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра всемирной истории, кандидат исторических наук, e-mail: schelokovdan@yandex.ru

About the author:

SHCHELOKOVA Nataliia Vyacheslavovna

The State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of World History, Candidate of History sciences, e-mail: schelokovdan@yandex.ru

УДК 94(420).06

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ ЭДВАРДА ГЕРБЕРТА

Т.Б. Сорокина

Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал,
г. Арзамас

Аннотация. В работе характеризуется творческое наследие Эдварда Герберта – английского философа, политика и общественного деятеля первой половины XVII в. В своей автобиографии Герберт описал многие события европейской политики и дипломатии, создал портреты знаменитых современников.

Ключевые слова: *Эдвард Герберт, дипломатия, политика, Англия, XVII век, автобиография, современники.*

История XVII века богата яркими личностями, среди них государственные деятели, военачальники, философы и поэты. В ряду известных политических и общественных деятелей своего времени почётное место занимает английский философ Эдвард Герберт.

Эдвард Герберт, лорд Чербери (1583–1648) значительную часть своей жизни посвятил государственной службе, начав при дворе Елизаветы I, затем продолжал все 22 года правления Якова I и закончил во времена революционных событий при Карле I. Его службу можно назвать успешной, учитывая, что Герберт стал ирландским, а затем английским пэром и бароном Чербери. Герберт много путешествовал по Европе, добровольно участвовал в вооруженных конфликтах, вербовал волонтеров для рискованных военных предприятий, успешно служил английским посланником в Париже, общался с

французскими философами, дружил с Гассенди. В промежутках между этими занятиями он написал несколько вполне добротных сочинений на латыни и английском языке, в том числе и автобиографию¹. Последняя получила широкую известность и по праву считается одним из самых ярких, забавных и трогательных жизнеописаний XVII в. Некоторые исследователи мемуары Герберта иронично называли образцовым «памятником тщеславия и нахальства»².

Герберту было за шестьдесят, когда он начал писать свои мемуары. Автор адресовал их своим потомкам, которые, как он полагал, смогут воспользоваться его богатейшим жизненным опытом. Жизнеописание Эдварда Герберта – весьма интересный источник, в котором главным героем является сам автор, вокруг которого разворачиваются все описываемые события. Эгоцентризм и самодовольство – самые характерные черты автопортрета Герберта. На каждой странице он аплодирует своей доблести, красоте, благородству. Вместе с тем Герберт принадлежал к самым высоким кругам европейского общества, его осведомлённость во многих вопросах не вызывает сомнений. В его воспоминаниях мы находим замечательные психологические портреты знаменитых современников. Как известно, основным источником для мемуаров является память автора. Несмотря на почтенный возраст, Герберт последовательно и достаточно подробно сумел восстановить и свою собственную жизнь, и наиболее важные события в жизни европейских государств того времени. В своей автобиографии Герберт описывает многих представителей европейской политической элиты, с которыми ему приходилось общаться по долгу службы.

Это было время, когда в центре европейской политики находилась Испания, переживавшая золотой век. Известно, что Яков I резко изменил внешнеполитический курс Елизаветы I и начал добиваться мира и союза с Испанией. Немедленно после вступления Якова I на престол Англии, в 1604 г. был подписан Лондонский мир с Испанией, завершивший долгую англо-испанскую войну. Позднее, благодаря посредничеству Якова I, завершилась война Испании и Нидерландов.

Одним из наиболее ярких политических деятелей первой четверти XVII в. был испанский дипломат дон Диего Сармьенто де Акунья, получивший в 1617 году титул графа Гондомара. Он добился известности, будучи послом в Англии в 1613–1618 и 1620–1622 гг.

---

¹ После смерти Герберт оставил богатое творческое наследие – литературные, исторические, философские труды, многие из которых принесли ему заслуженную славу: *De Veritate, De caysis errorum, De religione laici, De religione gentilium, A Dialogue between a Tutor and a Pupil. Expeditio Buckinghami Ducis in Ream Insulam.* L., 1656; *The Live and Reign of King Henry the Eighth.* L., 1649, 1672, 1682; *The Poems English and Latin of Edward Lord Herbert of Cherbury.* L., 1923; *The Life of Edward Lord Herbert of Cherbury, Written by himself.* L., 1764, 1826.

² Милютин Ю.Е. Основоположения деизма Герберта Черберийского. [Электронный ресурс]. http://anthropology.ru/ru/texts/milyutin/studia02_03.html. Дата обращения 1 сентября 2014 г.

Влияние Гондомара при дворе Якова удивительным образом постоянно возрастало. В характере Гондомара сочетались самые разные черты: светскость, образованность, умение льстить, когда это нужно, и навязывать свою волю, когда это возможно, а также мастерство в плетении интриг. Он располагал большими деньгами, которые Испания посылала ему для подкупа нужных людей и вербовки агентов на всех ступенях английской социальной лестницы. Короче говоря, он был типичным образцом дипломата-шпиона. Гондомару очень быстро удалось войти в ближайшее окружение Якова Стюарта, который ценил его как веселого собеседника, любителя пикантных анекдотов, при этом склонного к богословским дискуссиям не меньше, чем к сальным шуточкам. Испанского посла часто видели на королевской охоте, во время прогулок Его Величества, в узком кругу на королевских частных вечеринках. Это вызывало беспокойство придворной антииспанской партии³. И не зря: скрываясь под личиной светского льва, Гондомар проводил вполне конкретную политику, от успеха которой зависели его честь и карьера. Его целью было женить принца Карла, будущего английского короля, на испанской инфанте и вернуть Англию в лоно католической церкви.

Эдвард Герберт пишет, что французский двор резко отрицательно относился к этой затее англичан, и английскому послу во Франции потребовалось немало усилий, чтобы удержать ровные отношения между двумя коронами⁴. Герберту приходилось лично общаться с Гондомаром, и он имел возможность составить о нём своё мнение. В автобиографии Герберта есть подробный рассказ о том, как возвращаясь из Испании в Англию, Гондомар остановился в Париже и обратился к Герберту с просьбой одолжить ему карету для продолжения его путешествия. Герберт отказал, сославшись на то, что французский королевский двор может неправильно понять такой жест со стороны английского посла и заподозрить Герберта в особых симпатиях к Испании. В ответ Гондомар засмеялся и предложил Герберту пообедать вместе. Гондомар признался Герберту, что был наслышан о нём и решил испытать лично его дипломатические способности. Герберт с блеском выдержал экзамен по дипломатии и заслужил похвалу Гондомара, который к тому же предложил ему своё покровительство при дворе короля Якова. Герберт, в свою очередь, оценил Гондомара как способного и проворного человека, оказавшего сильное влияние на английского короля⁵.

С подачи Гондомара в 1623 г. состоялось одно из самых экстравагантных и авантюрных предприятий за всё правление Якова I. Принц Карл при живейшем содействии Бекингема решил отправиться в Испанию, чтобы покорить дочь испанского короля и увезти её в Англию на глазах у всей ошеломлённой

---

³ Дюшен М. Герцог Бекингем. [Электронный ресурс]. <http://lib.rus.ec/b/326382/read>. Дата обращения 1 сентября 2014 г.

⁴ *Herbert E.* The Life of Edward, First Lord Cherbury, Written by Himself, and continued to his death. With letters. L., 1826. P. 288.

⁵ Ibid. P. 191.

Европы⁶. Интересно, что в своё время его отец король Яков сам ездил за своей супругой в Данию, а его прадед Яков V Шотландский несколько раз приезжал во Францию, чтобы жениться на Мадлен Валуа, а впоследствии на Марии де Гиз⁷.

Будучи послом во Франции, Герберт много времени проводил в переговорах с министрами и иностранными послами, находящимися в Париже. Главным советником Людовика XIII в это время был герцог Люинь, который по праву считался самым могущественным человеком во Франции в 1617–1621 гг. Герберт пишет, что Люинь стал фаворитом Людовика XIII благодаря их общей страсти к охоте на птиц. По мнению Герберта, Люинь сумел приобрести огромное влияние на короля. Королева, принцы и аристократы французского королевства, по словам Герберта, не раз сожалели о том, насколько велико это влияние и о том, что советы Люиня неминуемо приведут Францию к гражданской войне⁸.

В мемуарах Герберт прямо обвиняет герцога Люиня в разжигании очередного противостояния между католиками и протестантами. Люинь советовал молодому Людовику XIII поступить с протестантами так же, как испанцы в своё время поступили с маврами, в противном случае король не сможет стать великим правителем⁹. Люиня поддерживали иезуиты и многие принцы, однако при французском дворе были и те, кто считал, что лучше жить в мире в государстве с двумя религиями, чем воевать, отстаивая одну¹⁰. Однако, отмечает Герберт, Людовик XIII чаще прислушивался к словам своего фаворита.

В разгар религиозного противостояния во Франции Герберт от имени английского короля предложил своё посредничество Людовику XIII. Во время аудиенции у герцога Люиня Герберт озвучил позицию Якова I. В ответ Люинь возмутился вмешательством англичан во внутренние дела Франции. Герберт, в свою очередь, выразил надежду, что французский король в дальнейшем сможет удачнее назначать своих советников. Реплики становились резче и язвительнее – назревал конфликт. Наконец, Герберт заявил, что английский король хорошо знает, что он должен делать в сложившейся ситуации. Подобное заявление

---

⁶ Некоторые историки склонны рассматривать план этого брака как чисто политический акт. В 1620 г. Пфальцкий курфюрст Фридрих, один из ведущих протестантских князей и зять Якова, принял корону Чехии, народ которой восстал против императора. Потеряв курфюршество, он обратился за помощью к тестю. Якову очень хотелось помочь зятю, да и пуританский Лондон жаждал войны. Яков попытался восстановить своего зятя в его владениях путем переговоров с Испанией, предлагая за вывод императорских войск из Пфальца женить своего сына Карла на принцессе испанского дома и обещая проявлять терпимость к английским католикам. См.: *Хорошев А.В.* Карл I Стюарт и парламент // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 172–193.

⁷ *Дюшен М.* Герцог Бекингем....

⁸ *Herbert E.* The Life of Edward .... P. 234.

⁹ *Ibid.* P. 263.

¹⁰ *Ibidem.*

звучало угрожающе. Люинь ответил, что никого не боится, а Герберта спасает только то, что он посол. Дело чуть было не закончилось вызовом на дуэль¹¹. Последующие дни, по описаниям Герберта, были наполнены преследованиями и угрозами в его адрес со стороны неизвестных врагов. Добиться аудиенции у Людовика XIII ему не удалось, так как король был занят военными действиями. В довершение ко всему Люинь отправил в Англию посольство с жалобой на Герберта. В итоге Герберт был отправлен домой¹². Снова вернуться во Францию в качестве посла он получил возможность только в феврале 1622 г. после смерти Люиня.

Известно, что была у Герберта идея написать историю своего пребывания при французском королевском дворе¹³, но это намерение, к сожалению, не исполнилось. Но сохранились письма, которые были написаны Гербертом в этот период жизни. Они являются образцом проницательности, таланта и политической бдительности автора. Особый интерес представляют собой послания, адресованные королю Якову I.

Ещё один известный представитель европейской политической элиты первой четверти XVII в. – английский посол в Венеции Генри Уоттон (1568–1639). За годы дипломатической службы Уоттон сделал почти все возможное, чтобы дипломатический союз Англии с Венецией стал реальностью. Герберт пишет о нём в своих мемуарах, отмечая его образованность и остроумие. Именно от Уоттона Герберт, по его словам, получал все новости из Италии¹⁴. С именем Генри Уоттона был связан известный дипломатический скандал. Он написал в альбом одного из своих друзей фразу, которая его прославила: «посол – это честный человек, которого посылают за границу лгать для блага своей родины»¹⁵. Шутил или не шутил Уоттон, это второстепенный вопрос. Интересно то, что все считали, что Уоттон выразил мнение о послах, соответствующее действительности. По крайней мере, его собственный король Яков I отнесся к этому заявлению всерьёз и отказался пользоваться его услугами, считая, что он совершил нескромность и проговорился относительно истинного характера дипломатической деятельности в те времена.

Впрочем, судя по мемуарам Эдварда Герберта, характеристика, данная Уоттоном, вполне соответствовала методам дипломатии того времени.

Судьбы многих известных людей удивительным образом пересекались между собой, но случалось и наоборот: соотечественники и современники ничего друг о друге не знали или не хотели знать. Хотя Герберт жил одновременно с Френсисом Бэконом и встречался с ним при дворе, но ни Бэкон не упоминает о Герберте, ни Герберт о Бэконе. Возможно, какие-то

---

¹¹ Ibid. P. 268–272.

¹² Ibid. P. 273–276.

¹³ Ibid. P. 308.

¹⁴ Ibid. P. 246.

¹⁵ Никольсон Г. Дипломатия. [Электронный ресурс]. <http://nashaucheba.ru/>. Дата обращения 1 сентября 2014 г.

обстоятельства не позволяли Герберту оценивать своего знаменитого современника в мемуарах даже спустя десятилетия после его смерти.

В своих жизнеописаниях Герберт оставил целую галерею замечательных психологических портретов знаменитых современников, главным образом представителей европейской политической элиты своего времени. Некоторые из них написаны ярко и развёрнуто в живой и привлекательной манере, другие выведены пунктиром. Но, несомненно, активный и наблюдательный ум Эдварда Герберта подарил нам много важных деталей, рассказывая о его знаменитых современниках.

Литература

1. Дюшен М. Герцог Бекингем. [Электронный ресурс]. <http://lib.rus.ec/b/326382/read>. Дата обращения 1 сентября 2014 г.
2. Милютин Ю.Е. Основоположения деизма Герберта Черберийского. [Электронный ресурс]. http://anthropology.ru/ru/texts/milyutin/studia02_03.html. Дата обращения 1 сентября 2014 г.
3. Никольсон Г. Дипломатия. [Электронный ресурс]. <http://nashaucheba.ru/>. Дата обращения 1 сентября 2014 г.
4. Хорошев А.В. Карл I Стюарт и парламент // Новая и новейшая история. 2005. № 1.
5. Herbert E. The Life of Edward, First Lord Cherbury, Written by Himself, and continued to his death. With letters. L., 1826.

REPRESENTATIVES OF THE EUROPEAN POLITICAL ELITE IN BIOGRAPHIES OF EDWARD HERBERT

T.B. Sorokina

The State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas

Annotation. The work is characterized by the creative legacy of Edward Herbert – English philosopher, politician and public figure of the first half of the 17th century. In his autobiography Herbert described many events of European politics and diplomacy, created portraits of famous contemporaries.

Keywords: *Edward Herbert, diplomacy, policy, England, XVII century, the autobiography, contemporaries.*

Об авторе:

СОРОКИНА Татьяна Борисовна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра всемирной истории, кандидат исторических наук, e-mail: sorok-tat@yandex.ru.

About the author:

SOROKINA Tatiana Borisovna

The State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of World History, Candidate of History sciences, e-mail: sorok-tat@yandex.ru.

УДК 94(420)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕВИКТОРИАНСКОЙ БРИТАНИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ

С.А. Зотов

Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал,
г. Арзамас

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды известного британского мыслителя Викторианской эпохи Томаса Карлейля на причины социальных проблем в стране в период формирования индустриальной цивилизации. Предметом анализа на страницах ряда его публицистических работ выступил чартизм.

Ключевые слова: ранневикторианская Британия, Томас Карлейль, чартизм, индустриальное общество, социальный конфликт.

*Чартизм является одним из наиболее
естественных явлений в Англии.
Томас Карлейль, 1840*

В осознании причин и последствий социальных конфликтов, возможно, также в поиске приемлемых путей их решения несомненное значение имеет творчество выдающегося британского мыслителя Викторианской эпохи Томаса Карлейля (1795–1881). Среди его сочинений, изданных на рубеже XIX и XX вв. в 30-ти томах¹, видное место занимают публицистические работы, в которых, как заметил один из зарубежных критиков, «голос пророка сливается с голосом полемического журналиста»².

---

¹ The Works of Thomas Carlyle. Centenary Edition / Ed. by H.D. Traill. 30 Vols. London, Chapman and Hall, 1896–1901.

² Altick R.D. Past and Present: Topicality as Technique / Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honor of Charles Richard Sanders / Ed. by J. Clubbe. Durham, 1976. P. 112.

Одним из первых объёмных произведений Карлейля на злобу дня стал памфлет «Чартизм»³, написанный автором за несколько недель зимой 1839 г. и вышедший в свет отдельной книгой в начале следующего года в британской столице⁴. Сочинение о чартизме разошлось в продаже за считанные дни⁵, так как его автор был уже известен читающей публике по его труду «Французская революция. История» (к 1840 г. выдержавшему уже два издания в 1837 и 1839 гг.) и трём курсам публичных лекций, прочитанных им в Лондоне в 1837–1839 гг.⁶ Другой немаловажной причиной успеха памфлета о чартизме⁷ стала актуальность поднятых в нём социально-экономических проблем и незаурядность авторского анализа социальных и политических процессов в Британии в конце 30-х гг. XIX столетия.

Парламентская реформа 1832 г., несмотря на мощный общественный подъём вокруг её реализации, не предоставляла избирательных прав большинству населения. Тогда среди трудящихся родилась идея дальнейшего преобразования политической системы, которая нашла выражение в движении чартизма. Формально оно началось с выдвижения Ассоциацией лондонских рабочих проекта новой избирательной реформы, получившего название «Народная хартия». 8 мая 1838 г. текст хартии был опубликован, и по стране начались митинги и сбор подписей в её поддержку. К маю 1839 г. было собрано около 1280 тысяч подписей, и 12 июня хартия была представлена в парламент. Но палата общин большинством голосов – 235 против 46 – отказалась обсудить эту петицию. В ответ чартисты начали готовить всеобщую забастовку, но вскоре отменили это решение. Правительство, не теряя времени, перешло к активным действиям: были арестованы большинство лидеров чартистов, а все выступления протеста подавлялись силой. В результате репрессий чартистское движение ослабло⁸.

В этой обстановке, когда чартизм находился в низшей точке своего развития, и появился памфлет Карлейля. Автор обратился к тем современникам, которые считали «согласно газетам, что Чартизм уничтожен, что Реформированное Министерство»⁹ “подавило химеру Чартизма” самым

---

³ «Чартизму» предшествовали две небольшие статьи в «Edinburgh Review»: «Знамена времени» (Signs of Times, 1829) и «Характеристики» (Characteristics, 1831). В коротких эссе британский автор в общих чертах обозначил своё отношение к социальной атмосфере, кардинально изменившейся на фоне формирования индустриальной цивилизации в стране.

⁴ Dyer I.W. A Bibliography of Thomas Carlyle's Writings and Ana. N.-Y., 1968. P. 9. Все цитаты данной статьи приводятся по первому изданию памфлета: *Carlyle Th. Chartism*. L., 1840. Далее – Chartism.

⁵ Саймонс Дж. Карлейль. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 183.

⁶ Dyer I.W. Op. cit. P. 8–9.

⁷ При жизни Карлейля вышло пять изданий «Чартизма» (См: Dyer I.W. Op. cit. P. 51–52).

⁸ Айзенштат М.П. Британия нового времени. Политическая история: учебное пособие. М.: КДУ, 2007. С. 120–21, 126–128.

⁹ «Реформированным Министерством» («Парламентом Реформ») Т. Карлейль называл правительство (парламент) после парламентской реформы 1832 г.

подходящим и успешным образом»¹⁰. На самом же деле его «живой дух... не был повержен». Мыслитель считал, что чартистское движение означало «озлобленное недовольство, ... ненормальное положение и настроение Рабочих Классов Англии», оно имело «глубокие корни», не порождено «вчера и никоим образом не окончится сегодня или завтра», и репрессии поэтому не могли его остановить¹¹.

Томас Карлейль ставил «вопрос о положении Англии» (Condition-of-England Question), о котором заявил в числе первых в стране ещё в начале 1830-х гг.¹² Одной из его важнейших составляющих стала «самая зловещая из всех жизненных проблем», касавшаяся несправедливого положения в обществе трудящихся. Памфлетист призвал «всех мыслящих людей» задуматься, а не предаваться эмоциям относительно «ожесточённого недовольства Рабочих Классов» своими условиями жизни. В резких выражениях автор осуждал невнимание «Реформированного Парламента» к этой проблеме, являвшейся «альфой и омегой всего», ибо, как совершенно справедливо замечено, «положение большинства населения страны – это положение всей страны». Парламентарии просто забывали «о своём долге», о «своей миссии и прямом назначении» заботиться о «благополучии Британской Нации»¹³. Вместе с тем отмечалось и то обстоятельство, что всеобъемлющих исследований по обозначенной проблеме «никто ещё не предпринимал», и даже данные статистической науки не содержали «никакого вывода»¹⁴.

Просмотрев ряд статистических работ, Карлейль заявлял об их полной непригодности. Они не давали, по его мнению, достоверной информации об экономическом положении трудящихся и их нравственном состоянии: о среднем размере платы за труд и её колебаниях, об отношениях рабочих и работодателей, о колебаниях рынка труда, о психологическом климате среди рабочих, о возможности найти работу. Не располагая этими сведениями, парламент издавал законы «в неведении», что ещё более отягчало положение низших слоёв общества. Пример этому – введение в 1834 г. нового закона о бедных¹⁵. На подобные действия власти, с точки зрения мыслителя, чартизм стал «ответом и кажется ответом неутвердительным»¹⁶.

---

¹⁰ Chartism. P. 2.

¹¹ Ibidem. Эта оценка Карлейля оказалась пророческой: движение, как известно, ожило после разгрома 1839 г. и имело мощное продолжение все 40-е гг. XIX в. (Подробнее см.: *Айзенштат М.П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 312–321).

¹² *Rosenberg Ph.* The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. Cambridge (Mass.), 1974. P. 131.

¹³ Chartism. P. 3–5.

¹⁴ Ibid. P. 8–9.

¹⁵ Закон о бедных 1834 г. был призван упорядочить систему помощи бедным и сиротам. В соответствии с ним бедняки, обращавшиеся за помощью, направлялись в дома призрения – работные дома, где царил жестокий, полутюремный режим. Предусматривалась

В 1830-х гг. новый закон о бедных называли «главной славой» «Кабинета Реформ», но, по Карлейлю, не была достигнута его главная цель – ликвидация нищеты и безработицы путём заведения в стране работных домов. В созданных учреждениях их только скрыли «из виду», что, конечно, не являлось решением социальных проблем, их устранением «из жизни»¹⁷. Однако в памфлете отмечались и положительные стороны этой правовой меры. В её основу был положен принцип «кто не работает, тому нет пособия» (No work – no recompense), означавший, «что для ленивого человека нет места в нашей Англии», а для Карлейля, «труд – это миссия человека на этой Земле»¹⁸. С другой стороны, этот закон подразумевал определённую «обязанность, взятую на себя высшими классами по отношению к низшим», поворот власти к проблемам «несчастливого труженика»¹⁹.

Другая проблема, которую автор ставил перед своими современниками, сформулирована в вопросе: мог ли бедняк, желавший трудиться, «всегда найти работу и жить своей работой»? В связи с этим Карлейль описывал рынок труда в Англии, который захватили «несчастливые» ирландцы. Они вынуждены спасаться от голодной смерти у себя на родине, где им для пропитания не хватало «даже третьесортного картофеля» «в течение тридцати недель каждый год»²⁰. Заполонив английские города, ирландцы просили милостыню, квартировались «в любом свинарнике или собачьей конуре», носили «костюм из лохмотьев» и брались за всю неквалифицированную работу за самую мизерную плату, которой хватало лишь на картофель и «соль для приправы». «Местные Саксы» не выдерживали конкуренции со стороны «нецивилизованных» эмигрантов и вынуждены или опуститься «от порядочного человеческого существования к грязному обезьянчеству», или переселяться в невозделанные «Заокеанские леса», оставив «землю Британии», которую их предки «превратили в плодородную пашню и в свой дом». Тем самым англичане платили «за жгучую боль долгих веков несправедливости» по отношению к Ирландии, пожинают «плоды несправедливых дел пятнадцати поколений»²¹. В целом делался вывод о том, что «положение большинства низов Английских трудящихся приближается больше и больше к положению

обязательная работа в пользу благотворительных обществ, приходов, в ведении которых находились эти дома.

¹⁶ Chartism. P. 12–15.

¹⁷ Ibid. P. 17.

¹⁸ Ibid. P. 19–21. Подробнее о философском осмыслении Карлейлем вопроса о труде см.: *Осиновский И.Н. Этика труда у Томаса Карлейля // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Вып. 5 / Отв. ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 2008. С. 70–77.*

¹⁹ Chartism. P. 21–22.

²⁰ Ibid. P. 24–25.

²¹ Ibid. P. 28–29.

Ирландцев», что любая работа, «где требуется только физическая сила», будет сделана не «по английской цене, а по приближённой к ирландской цене»²².

Преодолеть неэффективность социального законодательства и избежать обнищания большинства населения, по Карлейлю, было невозможно в условиях руководства идеями *Laissez-fair*²³ в практике правящих классов. Подобная политика невмешательства государства в сферу рыночной стихии крайне отрицательно сказывалась на отношениях труда и капитала. Их суть в условиях действия жестоких рыночных законов Карлейль выражал в притче о хозяине (работодателе) и лошадях (трудящихся), которых он выгнал на улицу, как только они выполнили всю необходимую ему работу и стали не нужны. Лошади, оставшись без поддержки хозяина, не могли найти новой работы из-за неподходящего сезона и вынуждены бродяжничать и голодать²⁴.

Всё это рождает чувство социальной несправедливости, которое «невыносимо для всех людей», а сама несправедливость выступала у автора синонимом «беспорядка, неправды, недействительности»²⁵. Она «единственное зло под солнцем», так как приводит к «упадку терпимости..., послушания, религиозной веры» и в итоге к «общему настрою» бунта против правящих классов (а «на таком отношении» низов к верхам «счастливые нации не создаются!»)²⁶. Именно отсутствие должного согласия в английском обществе чартизм и выразил. Видимо, поэтому английский мыслитель называл его «нашей Французской революцией», интерпретируемой им как «восстание угнетённых низших классов против угнетающих или пренебрежительных высших классов», и не только во Франции, но восстание «полное сурового предостережения всем странам Европы»²⁷.

Чартизм привёл Карлейля к «одному выводу, содержащему всё»: «в области Рабочих Классов» политика невмешательства правительства (выраженная автором в принципе «*Оставь в покое*») «больше невозможна в Англии в эти дни», и страна не будет «существовать в мире», пока не обретёт «действительного руководства и управления»²⁸. Социальные функции духовного руководства и политического управления призваны выполнять как церковь («почтительное олицетворение божественной идеи», «получившая

---

²² Ibid. P. 31.

²³ *Laissez fair laissez passer* (фр.) – «Пусть делает кто что хочет» – принцип «невмешательства» экономистов-фритредеров, сторонников свободы торговли и невмешательства правительства в сферу хозяйственной жизни и экономических отношений. Первоначально принципы фритредерства были разработаны в трудах французских физиократов и позднее теоретически обоснованы А. Смитом и Д. Рикардо. В 30-х гг. XIX в. движение фритредеров усилилось, а его принципы получили дальнейшее развитие в трудах представителей Манчестерской школы политэкономии (Р. Кобден, Дж. Брайт).

²⁴ Chartism. P. 32–33.

²⁵ Ibid. P. 36.

²⁶ Ibid. P. 40–41.

²⁷ Ibid. P. 42.

²⁸ Ibid. P. 49.

образование в университетах», «богатая деньгами», «почитаемая всеми»), так и светские власти («Аристократия земельного и торгового богатства», «в чьих руках сосредоточено законодательство и управление»). Но происходившее в стране свидетельствовало об отсутствии «просвещённости и управляемости»: «факт... поджигает пшеничные стога», «ищет свой третьесортный картофель... и не находит его», умоляет «учредить для него ... «пять пунктов»²⁹ в качестве лекарства»³⁰. Далее автор восклицал: если правители отреклись от своих обязанностей, признали, «что они здесь вовсе не для того, чтобы править, но делать – никто не знает что!»³¹.

Карлейль был глубоко убеждён в том, что представительная система («вещь повсеместно страстно требуемая») не могла являться «лекарством» от социальных болезней. Свою точку зрения автор отстаивал по ряду пунктов. Демократия понималась им как «отрегулированный метод восстания и отмены закона», ломавший «старые установления вещей» и неспособный создать новый общественный порядок. Поэтому установление демократического строя «даёт в конечном итоге чистый результат равный нулю». С другой стороны, в принципе невозможно утвердить «само-правление большинства большинством», ибо во все времена «жизненным элементом человеческого Общества» является соблюдение чёткой иерархии, разделение социальных функций, стремление установить «правление мудрейших»³². Эти два вывода автор подкреплял историческим материалом, ставя в пример политическую историю Древнего Рима и Афинского полиса, а также деятельность О. Кромвеля и императора Наполеона I. Третьим аргументом против демократии выступили современные ему политические события, произошедшие после небольшого расширения избирательного права в 1832 г. Эту «панацею» от всех бед советовали представители радикальной партии, считавшиеся выразителями «недовольства английского народа». Но ситуация (приверженность политике *Laissez-faire*) за «эти восемь лет» не изменилась: все принятые законы лишь «тени фактов», а «Реформированное Правительство» обмануло надежды избирателей. Таких политиков Карлейль называл «жирондистами», использовавшими массы в своих корыстных целях («для сноса Бастилий» и прихода к власти). И он лишь удивлялся, почему англичане продолжали настаивать на расширении избирательного права, на праве иметь «свою двадцатитысячную часть» в «Национальной Говорильне»³³.

Выход из социального кризиса лежал, по Карлейлю, прежде всего на пути реформирования правящих классов: в отказе от «ничего-неделания» и становлении «действительной Аристократии». Пример таковой автор памфлета видел в «Феодалных временах», когда отношения верхов и низов

---

²⁹ Так называли хартию чартистов.

³⁰ Chartism. P. 50–51.

³¹ Ibid. P. 51.

³² Ibid. P. 53–55.

³³ Ibid. P. 91–95.

имели нравственную основу и были схожи с узами, связывающими «члена клана и его главу», «верного подданного и правящего короля»³⁴. Другим часто используемым историческим материалом являлись события Великой французской революции, представляемой в качестве предостережения «Аристократиям, которые не правят; Духовенствам, которые не просвещают». Но в памфлете подчёркивалось, что «пришло изменившееся время», в обществе господствовали экономические, рыночные законы, и эти новые исторические условия требовали прихода «изменённой Аристократии»³⁵. Важнейшим качеством правителей в условиях господства «отношений Платы Наличными» выступало осознание того, что в обществе кроме «собственности в карманах брюк» первостепенное значение имели духовные ценности, что у каждого человека есть «чудесное дыхание Жизни», «переживания, мысли, Богом данная способность быть и творить»³⁶. Необходимость «новой практики» правящих классов обосновывалась Карлейлем и осуществлением исторической миссии своей страны. Он заявлял о наступлении новой эры, «Эры Англии», об английском лидерстве в мировом индустриальном и техническом развитии. Другая важнейшая черта этого времени – создание Британской колониальной империи. У Карлейля её появление предопределено мировым историческим развитием: «Римляне умерли, Англичане пришли»³⁷.

Не только правящие круги призывались в памфлете к изменению своей политики, к отказу от «негероического банального существования». Карлейль обращался к совести каждого современника и призывал «в качестве первой вещи» всем приготовиться к «подлинному действию». Именно с внутренним настроением многие труднодостижимые, но необходимые для всего народа задачи «будут представляться как выполнимые»³⁸. Такими стратегическими задачами выступали «две вещи, великие вещи», которые «вселились в течение последних десяти лет во все думающие головы в Англии»: «всеобщее Образование» и «общая Эмиграция»³⁹. Тем самым, мыслитель поддерживал и обосновывал идеи, выдвинутые современниками⁴⁰ в качестве конкретных антикризисных мер.

Образование объявлялось «вечным долгом» и «первостепенной необходимостью» каждого человека. Оно даёт «дар мышления», приобщает к «великому Духовному Царству», созданному «в течение шести тысяч лет

---

³⁴ Сравнение социальных институтов феодального и индустриального общества Томас Карлейль представил в своём сочинении «Прошлое и настоящее» (Past and Present, 1843).

³⁵ Chartism. P. 57–58. Более подробную характеристику «новой Аристократии» Томас Карлейль дал в своей работе «Прошлое и настоящее».

³⁶ Ibid. P. 59–61.

³⁷ Ibid. P. 69–71.

³⁸ Ibid. P. 96, 98.

³⁹ Ibid. P. 98.

⁴⁰ Подробнее взгляды современников Карлейля на эмиграцию см.: Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М.: ИВИ РАН, 1999.

Сынами Адама», к этому «законно достигнутому положению всех людей». Не обладая такой «собственностью», человек подобен «двуногому работающему животному», а его душа «слепа». В масштабах страны отсутствие этого «света» в человеческих душах означает то, что тёмные низшие слои общества легко поднять на бунт, способный смести все социальные устои, превратить «мир в пепел и руины». И никакая выдающаяся личность (даже «Бэкон и Лютер соединённые вместе, будучи пожизненными премьер-министрами») не в силах привести «в определённый вид порядка» «хаотичную» деятельность таких людей. Только наличие образованного народа, «двадцати четырёх интеллектов», «обычных умов», «правильно руководимых», является условием общественного порядка и стабильности⁴¹.

Первым шагом к этой цели могло стать, с точки зрения Карлейля, преподавание «алфавита всем людям». Более того, овладение «удивительным искусством читать и писать» есть «преддверие всего обучения... обучения добру» англичан «всех вер, классов и цветов». Начальное образование должно было быть поставлено на государственную основу, когда «в каждый город, приход и деревушку Англии» будут назначены «Школьные Учителя». В осуществлении этой политики правительством ставился в пример опыт Пруссии, где «по закону» введён штраф и признавалась гражданская недееспособность для «каждого родителя, который не учил своих детей читать», для «каждого человека, который не обучался читать»⁴². Сотворить «чудо», постичь «тайну Букв Алфавита» всем населением страны виделось автором возможным в срок равному десяти годам. Перспективой дальнейшего образования, «работой для дня после сегодняшнего» представлялось обучение религиозным нормам, оживление человеческих душ «от земной темноты к небесной мудрости». Карлейль выступал противником отделения религии от образования и не считал «культурой души» усвоение только светского знания, «которое заканчивается в бесплодном самопочитании, относительном равнодушии или неуважении ко всей Божьей Вселенной»⁴³.

Именно безнравственность и атеизм (отсутствие «надежды на этот мир и мир иной») лежали в основе социальных проектов «в стиле Мальтузианских благодетелей»⁴⁴. Карлейль признавал, что перенаселение – «это основная аномалия», которая обостряла все общественные проблемы. Но им ставилось под сомнение, что трудящиеся («двадцать четыре миллиона человеческих

---

⁴¹ Chartism. P. 98–101.

⁴² Ibid. P. 104–106.

⁴³ Ibid. P. 102–104.

⁴⁴ Мальтузианство – теория, созданная в конце XVIII в. английским экономистом Т.Р. Мальтусом (1766–1834), в соответствии с которой благосостояние общества определяется естественным законом народонаселения: темпы роста народонаселения (возрастающие в геометрической прогрессии) значительно превышают темпы увеличения (в арифметической прогрессии) производства средств существования. В своей книге «Опыт о законе народонаселения» Мальтус предлагал трудящимся воздерживаться от браков и деторождения, а голод, безработицу и эпидемии объявлял благодеянием природы.

личностей») могли прислушаться к Мальтусу и принять «резолюцию во всеобщем тред-юнионе не рожать более», пока не повысится оплата и спрос на рынке труда. В памфлете высмеивалось также предложение о государственном регулировании деторождения, для которого необходимо учредить в каждом приходе должность «истребителя» или содержать «Бассейн Мышьяка, ... бесплатный для всех прихожан», чтобы отделаться «от всех детей трудящихся людей после третьего»⁴⁵. Карлейль удивлялся и ужасался, что подобные теории обсуждались в «переполненном небольшом западном уголке Европы» в то время, когда «наша Земная Планета, девять десятых которой пока ещё свободны», взывала: «Приди и возделай меня, приди и пожни меня!»⁴⁶. К тому же, Британия располагала «богатством и средствами передвижения, такими, которых ни одна нация никогда ранее не имела»: «города и засеянные поля, ...конки, ...железнодорожные поезда, ...звонкая монета, биржевые акции, законы, книги, военный флот, прядильные машины, товарные склады и доки Вест-Индии». Автор подводил читателей к выводу о том, что именно эмиграция являлась одним из наиболее приемлемых путей решения проблем перенаселённости и безработицы⁴⁷.

Карлейль неоднократно подчёркивал, что реализация планов начального образования и освоения «необитаемых пространств» требовала активности правящих классов, их неприятия более идей Мальтуса и невмешательства правительства в экономическую сферу. Он уповал на появление государственных деятелей, которые «с обдуманном мужеством, ... искренней проицательностью, с терпением, практичным здравым смыслом, знанием реальности» возьмутся наконец за решение насущных общественных проблем. Но в последней строке памфлета автор заявил, что они «пока не заявили о себе»⁴⁸.

На наш взгляд, Томас Карлейль не высказывал симпатий к тому или иному политическому направлению. Он вовсе не отвергал капиталистический строй. Его критика относилась прежде всего ко всему правящему классу, приверженному идеям невмешательства в то время, когда в условиях перехода к индустриальному обществу низшие слои остались один на один с рыночной стихией. Падение жизненного уровня большинства населения страны и, как следствие, чувство социальной несправедливости по отношению к бездействующим властью имущим стали движущими силами чартизма. Возникшую конфликтную ситуацию предлагалось решать исключительно на гуманной основе, исходя из признания ценности каждой личности. Такими путями выступало развитие интеллектуального (в целом духовного) потенциала нации через скорейшее внедрение начального образования и обращение к религиозным ценностям, а также предоставление (прежде всего безработным)

---

⁴⁵ Chartism. P. 108–111.

⁴⁶ Ibid. P. 112.

⁴⁷ Ibid. P. 70, 112.

⁴⁸ Ibid. P. 106, 113.

возможности самореализации через незамедлительную организацию переселенческой политики в колониях. Британский мыслитель постоянно подчёркивал, что осуществление стратегических задач общества совершенно невозможно без духовного руководства и политического управления со стороны правящих кругов, их добросовестного выполнения своего предназначения. С другой стороны, социальной стабильности и процветания нельзя достичь и без ответственной позиции «низов», их сознательной готовности идти на компромисс с той властью, которая будет заботиться о благосостоянии всего народа. Дальнейшее развитие эти тезисы получили в последующих публицистических работах Карлейля («Прошлое и настоящее» (1843), «Памфлеты последнего дня» (1850)), написанных в период ещё большего накала социальной напряжённости в Британии и Европе в целом.

Литература

1. *Айзенштат М.П.* Британия нового времени. Политическая история: учебное пособие. М.: КДУ, 2007.
2. *Айзенштат М.П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009.
3. *Айзенштат М.П., Гелла Т.Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М.: ИВИ РАН, 1999.
4. *Осиновский И.Н.* Этика труда у Томаса Карлейля // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Вып. 5 / Отв. ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 2008.
5. *Саймонс Дж.* Карлейль. М.: Молодая гвардия, 1981.
6. *Altick R.D.* Past and Present: Topicality as Technique / Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honor of Charles Richard Sanders / Ed. by J. Clubbe. Durham, 1976.
7. *Carlyle Th.* Chartism. L., 1840.
8. *Dyer I.W.* A Bibliography of Thomas Carlyle's Writings and Ana. N.-Y., 1968.
9. *Rosenberg Ph.* The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. Cambridge (Mass.), 1974.

THE SOCIAL PROBLEMS OF THE EARLY VICTORIAN BRITAIN IN THOMAS CARLYLE'S PUBLICISM

S.A. Zotov

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

Annotation. The article deals with the examining of Thomas Carlyle's views, the famous British thinker of Victorian epoch, on the social problems reasons in the

country during the formation of industrial civilization. The subject of the analysis on pages of his publicist works was the Chartism.

Keywords: *the early Victorian Britain, Thomas Carlyle, the Chartism, industrial society, social conflict.*

Об авторе:

ЗОТОВ Сергей Александрович

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра всемирной истории, кандидат исторических наук, e-mail: istagpi@mail.ru.

About the author:

ZOTOV Sergey Aleksandrovich

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Department of World History, Candidate of History sciences, e-mail: istagpi@mail.ru.

УДК 94(420)

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (Дж. С. МИЛЛЬ И Т. КАРЛЕЙЛЬ)

С.А. Зотов, Е.В. Кузнецов

Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал,
г. Арзамас

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды известных британских мыслителей Викторианской эпохи Джона Стюарта Милля и Томаса Карлейля на перспективы развития колониальной империи Британии в середине XIX в. Авторы выражали в своих сочинениях либеральный и консервативный подходы к вопросу.

Ключевые слова: *Викторианская Британия, Джон Стюарт Милль, Томас Карлейль, колониальная империя, либеральный и консервативный подходы, середина XIX века.*

*Римляне умерли, Англичане пришли.
Томас Карлейль*

К середине XIX столетия Британия стала крупнейшей в мире империей в результате энергичной и продуманной колониальной политики, берущей своё

начало в конце XVI в. Её владения находились во всех частях земного шара, её флаг развевался на всех морях и океанах, её торговый и военный флот всюду располагал надёжными базами и стоянками. Общая площадь британских колоний в Азии, Африке, Австралии и Америке к середине XIX века составляла около шести млн. кв. км, а население – свыше 120 млн. человек (в то время когда площадь метрополии (вместе с Ирландией) равнялась 314 тыс. кв. км, а её население – 21 млн. человек)¹. Ещё в начале XIX столетия, названного историками «английским веком», появилось хвастливое выражение, гласившее, что солнце никогда не покидает пределов Британской империи².

Однако, в рассматриваемое время ранний колониализм, основанный на грубых методах эксплуатации – прямом грабеже, рабовладении, беззастенчивой спекуляции – уже устаревал. Свидетельством тому – разноплановые явления: восстание сипаев в Индии, «great trek» (великий исход) буров в Южной Африке, тайпинское движение в Китае и другие менее масштабные антиколониалистские выступления.

Определение дальнейших перспектив развития Империи и поиск путей решения её текущих проблем занимал в середине XIX в. важное место в политической жизни Великобритании. Эти проблемы стали одними из определяющих в программах партий. В частности, появление либерального течения на политической арене во второй половине XVIII в. связано, в первую очередь, с его выступлением против рабства. Английских учёных и политиков волновали два аспекта колониальной проблемы: экономический – какую выгоду будет иметь Англия от обладания колониями, и политический – в какую государственно-политическую форму должны облекаться отношения метрополии с её заокеанскими владениями³. В данной статье сопоставляются взгляды на эти две стороны колониального вопроса двух выдающихся британских мыслителей – Томаса Карлейля (1795–1881) и Джона Стюарта Милля (1806–1873). Расцвет их творческой деятельности пришёлся именно на середину XIX в.

Личное знакомство Карлейля с Миллем состоялось в Лондоне в 1831 г. С первых же встреч между ними возникла взаимная симпатия. Один из биографов Карлейля Джулиан Саймонс отметил: «Милль был похож на Карлейля тем, что его отец был шотландцем, но различия в характерах, воспитании, в образе мыслей этих двух людей были столь велики, что приходится только удивляться

---

¹ Иногда не без основания указывают на *особую* (иногда даже – исключительную) позицию Индостана в тогдашней колониальной империи Британии. Это не удивительно: после аннексии Пенджаба в 1849 г. английские владения в этой части планеты приближались к 4 млн. кв. км с населением близким к 95 млн. человек.

² Ерофеев Н.А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. М.: Наука, 1964. С. 164.

³ Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 102.

тому, что они сумели подружиться»⁴. Между молодыми людьми завязалась переписка, а после переезда четы Карлейлей в столицу в 1834 г. Милль был частым гостем в их доме. Он стал помогать Карлейлю в его литературной работе, в том числе и в написании «Французской революции». Милль – единственный человек, который видел в процессе работу над этой книгой, сделавшей автора знаменитым. Именно ему Карлейль отдал на рецензию рукопись первого тома. Но прислуга по ошибке приняла исписанные листки за бумагу для растопки, и почти вся рукопись сгорела. Автору пришлось начать работу заново и принять после настойчивых уговоров Милля 100 фунтов в качестве компенсации. В начале 1840-х гг. отношения между этими людьми охладели, главным образом, из-за неприязни Карлейлей к супруге Милля миссис Тэйлор. Окончательно все отношения этих учёных, придерживавшихся разных идейных позиций, были разорваны после выхода в свет «Памфлетов последнего дня» (1850 г.), на которые Милль (как и многие современники⁵) обрушился с резкой критикой⁶.

Дж.С. Милль считается одним из идеологов либерализма, политического течения, которое окончательно сформировало свои теоретические основы (в том числе концепцию колониальной империи) в середине XIX в. Экономическая программа либералов исходила из принципов свободы торговли (free trade) и «невмешательства» государства в сферу предпринимательской деятельности (laissez-faire). В колониальном вопросе эти идеи нашли отражение в плане «систематической колонизации». Этот план высоко оценивал значение колоний: они приносят пользу метрополии в качестве рынка сбыта продукции, объекта приложения капитала и поглощения излишнего населения. Для развития переселенческих (и только этих) колоний план предполагал заселить их эмигрантами из Англии. Организацию переселения в крупных масштабах можно было осуществить за счёт повышения цен на землю в колониях. Средства от её продажи должны поступать на доставку в колонии переселенцев, которые бы возделывали землю в качестве работников⁷.

Разделяя эти экономические принципы, Милль стал разрабатывать проблему государственно-правовых взаимоотношений метрополии с её колониями. Мыслитель знал эту тему непосредственно: четверть века (в 1823–1858 гг.) он прослужил в Ост-Индской компании. Две его книги – «О свободе» (1859 г.) и «Размышления о представительном правлении» (1861 г.) – оказали «огромное влияние на формирование мировоззрения английских либеральных политиков»⁸.

---

⁴ Саймонс Дж. Карлейль. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 143–144.

⁵ Golberg M. A Universal «howl of execration»: Carlyle's Latter-Day Pamphlets and Their Critical Reception // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of C.R. Sanders / Ed. by J. Clubbe. Durham, North Carolina, 1976. P. 129–147.

⁶ Саймонс Дж. Ук. соч. С. 148, 158–159, 199, 227.

⁷ Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Указ. соч. С. 20, 40, 101–104.

⁸ Там же. С. 101.

В своём главном труде «Considerations on Representative Government»⁹ Милль делил английские колонии на две категории. В первую он включал колонии с населением, обладавшим «единой цивилизацией с метрополией» и «созревшим для представительной формы правления». К ним он причислял английские владения в Северной Америке и Австралии. Вторая категория была представлена колониями, которые «были далеки от этого состояния», например Индия. Английский либерал являлся сторонником самоуправления колоний с переселенческим населением. Опираясь на учение о «свободе личности», он считал необходимым открыть доступ для колонистов «на все правительственные должности во все отраслях управления, во всех частях государства». Англия с её «белыми» колониями должна составлять «федеративный союз», но не равноправную федерацию. Неравенство состояло в том, что колонии подчинены метрополии в вопросах войны и мира. Милль положительно относился к национальным движениям в переселенческих колониях, которые рассматривались им как выражение самоопределения народов и как средство приобретения свободы. Мысли Милля по поводу этих колоний настолько интересны, что следует дать несколько обширных цитат из упомянутой книги. Он пишет: «... до последнего поколения» Англия «...требовала себе прав верховного распорядителя даже в их чисто внутренних делах; она хотела устраивать их дела лучшим способом, но по своей, а не по их идее. Такой порядок, естественно, был венцом фальшивой политической теории..., видевший в колониях значение рынков сбыта для произведений метрополии. Эту привилегию мы ценим так высоко, что находили выгодным покупать её, предоставив произведениям (лучше: товарам – авт.) колоний у себя точно такую же монополию (индийский хлопок-сырец, например – авт.), какую мы требовали для наших собственных произведений (товаров – авт.)...». Комментарий должен быть кратким: в обмен на монопольные поставки сырья для хлопчатобумажных фабрик в Манчестер по монопольным, т.е. относительно высоким, ценам, индийцы обязывались покупать манчестерские ситец, сатин и другие ткани, платя за них многократно больше. Но «вот этот знаменитый способ взаимного обогащения, заставлявший две страны платить огромные суммы, [из] которых большая часть упускалась (точнее: разворовывалась – авт.) по дороге несколько времени [тому назад], был уже оставлен...»¹⁰, т.е. полуфеодальные монополии в торговле ушли в прошлое. Сейчас, по мнению британского политолога, с одобрения властей метрополии колонии получили свободу в развитии своей экономики, в колониальном движении: «...вся площадь незаселённых земель, лежащих за нашими американскими и австралийскими поселениями, отдана в безотчётное

⁹ Книга эта, заметим, вышла в свет в США (штат Вермонт), а не в Англии, что симптоматично для либералов из Великобритании. Глава XVIII книги посвящена интересующей нас проблеме. Она имеет заголовок «Управление свободного государства в его владениях». Данная глава – последняя в книге.

¹⁰ Милль Дж.С. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863. С. 243.

распоряжение колониальных общин (белых поселенцев – авт.), хотя эти земли без всякой несправедливости могли бы остаться в руках государственной власти [метрополии]...»¹¹. Милль утверждает, подчеркнём, что сейчас канадские, австралийские, южноафриканские, новозеландские колонии связаны с британским островом «самой слабой *федеративной связью*», дело идёт к ещё большей независимости. Опираясь на географический фактор (страны разделены «половиной земной окружности»), на принцип «справедливости» («естественной справедливости») Милль вполне прозорливо предрекает, что поскольку «даже для федеративных целей не существует тех условий, которые ...нужны для федерации...», то Англии придётся «расстаться» «с ними вовсе». И такое размежевание не нанесёт ущерб метрополии, а, напротив, укрепит и без того немалые её силы¹².

Другой класс колониальных владений, входивший в состав Британской империи, как указывал этот либеральный идеолог, «должен управляться господствующей страной или лицами, ею на то уполномоченными». Он отстаивал принцип неограниченной государственной власти для «варварских» народов. Носителем такой власти для них должно было стать покорившее их государство. В работах Милля обосновывается также тезис о прогрессивности процесса завоевания цивилизованными нациями «отсталых» народов: «Если менее многочисленной из двух национальностей, но, по предположению, более культурной, удастся подчинить себе другую,... то цивилизация при этом часто выигрывает». Цель господства цивилизованных наций состоит в том, что оно «стало бы благом, а не злом для подчинённого народа, и обеспечивало бы ему... условия, наиболее благоприятствующие будущему прогрессу». Либеральный философ указывал на две формы управления «варварскими» народами: или они «совершенно подчинены прямому деспотизму передовых народов, или находятся под их полным политическим влиянием»¹³. Предпочтительнее для него была вторая – система «непрямого правления» (indirect rule). Такой способ управления колониальными владениями (называвшийся ещё системой «soft law») сохранял полный контроль у английских чиновников, хотя формально оставлял право управлять областью или страной за местной верхушкой.

В целом, все эти размышления Милля по колониальному вопросу находили не только широкую поддержку со стороны либерально настроенных общественных деятелей, но и критические замечания со стороны их политических оппонентов. К последним относился Томас Карлейль.

Карлейль не написал книг, специально посвящённых колониальным проблемам. Но этот мыслитель не мог не высказаться по этой животрепещущей теме того времени в своих памфлетах, вышедших в свет с 1840 по 1850 гг.

---

¹¹ Там же. С. 244.

¹² Там же.

¹³ Цит. по: Айзеништат М.П., Гелла Т.Н. Указ. соч. С. 107–109.

Несомненно, Карлейль был знаком с либеральными идеями относительно перспектив развития Британской империи и до издания книг Милля.

В памфлете «Чартизм» (1840 г.) Карлейль заявил о наступлении новой эры – «Эры Англии»: «Эта Нация сейчас имеет города и засеянные поля, пружинные вагоны,... железнодорожные поезда; имеет звонкую монету, биржевые акции, книги, военный флот, прядильные машины, товарные склады и Доки Вест-Индии: посмотри, что она построила и сделала, что она может и ещё построит и сделает!». Британия лидировала в мировом индустриальном и техническом развитии. Другая черта этой эры – создание крупнейшей колониальной империи. Её появление является, с точки зрения мыслителя, результатом исторического развития, действия «потока Мировой Истории»: «Римляне умерли, Англичане пришли»¹⁴. На страницах этого памфлета выражена поддержка плану организации переселенческой политики. Карлейль, как и либералы, считал, что «общая Эмиграция» в колонии позволит решить ряд социально-экономических проблем метрополии. В то время, когда «небольшой западный край Европы перенаселён», на планете существует, по его мнению, обилие «незанятой Земли», которая взывает к человеку: «Приди и возделай меня, приди и пожни меня!»¹⁵. Успеху осуществления переселенческой политики способствует то, что Англия обладает «богатством и средствами передвижения», каких «ни одна нация никогда ранее не имела». Её флот «преодолеет все океаны». В отличие от либералов Карлейль считал, что именно государство должно предоставить возможность всем желающим эмигрировать. Этим шансом должны воспользоваться, прежде всего, безработные: «не имеющие практики Адвокаты, не имеющие паствы Священники, не имеющие задания Учёные, томящиеся во всех зданиях суда, прячущиеся на мрачных чердаках, обивающие все пороги в страстном желании одной простой вещи, Работы...»¹⁶.

Карлейль снова обратился к колониальному вопросу в конце 1849 г., когда в одном из столичных журналов был издан его памфлет «Случайная речь о негритянском вопросе», посвящённый полностью проблемам Вест-Индии. К середине XIX в. английские владения в Карибском море пришли в упадок. Основной продукт их вывоза, сахар стал производиться в Европе из сахарной свёклы. Цены на сахар упали. Покрывая убытки, плантаторы усилили эксплуатацию рабов-негров. В ответ вспыхнули восстания, крупнейшим из которых было на Ямайке в 1831 г. Под давлением либералов английское правительство в 1833 г. объявило об освобождении негров в семилетний период, оставив за плантаторами прежние права. Поднялась новая волна восстаний. В 1837 г. правительство вынуждено было освободить негритянское население полностью, без всяких условий и расширить сферу деятельности для

---

¹⁴ *Carlyle Th. Chartism. L., 1840. P. 70–71.*

¹⁵ *Ibid. P. 98, 108.*

¹⁶ *Ibid. P. 112.*

английского капитала в колониях. Всё же экономический кризис в Вест-Индии не был преодолен¹⁷.

Британский памфлетист выступил против решения экономических проблем владений в Карибском бассейне путём «ввоза новых Африканцев для работы и поселения там». Если использовать этот «рецепт», тогда Англия получит «Чёрную Ирландию», страну со свободным населением, но живущим из-за перенаселённости и отсутствия работы в нищете и голоде. Проблема не в нехватке рабочих рук, а в ведении хозяйства и управлении этими колониями. Негры, по Карлейлю, «недостаточно трудятся», всего «около получаса в день». Они забросили сахарные плантации и не выполняют «тяжёлую работу», так как «сильное солнце» и «богатая земля» дают им достаточный для жизни урожай «тыкв»¹⁸. В «Случайной речи» делается ставка на интенсификацию труда, более эффективное использование земель и пересмотр взаимоотношений с неграми.

Первое положение основывается на том, что «...Чёрный человек, который не будет работать согласно данной ему богами способности, не имеет ни малейшего права есть тыквы...; но имеет неоспоримое и вечное *право* (курсив Карлейля – авт.) быть заставленным... делать соответствующую работу ради своей жизни». Это высказывание не даёт права обвинять Карлейля в пренебрежительном отношении к неграм. В вопросе о труде он не делает различий по цвету кожи и даже по социальному положению: «Делать соответствующую работу, трудиться честно согласно дарованной способности; ради этой, а не другой цели каждый из нас был послан в этот мир...». Если бы люди, «самые белые и самые чёрные, самые богатые и самые бедные» были принуждены делать предназначенную им работу и не проводили бы «праздно минуты жизни такой короткой», тогда бы «мы имели совершенный мир», «тогда бы было установлено царство полного счастья для всех трудящихся и для всех людей»¹⁹.

Рациональное использование земель в Вест-Индии должно привести к «пользе всему человечеству». Карлейль отмечает, что «острова Вест-Индии, пока богатые невозделанными плодородными землями, производят обильный урожай тыкв; тыква, однако,... не является исключительно необходимой вещью для человеческого благосостояния». Эти территории «подходят для перца, сахара, саго, аррута, кофе, возможно, для корицы и ценных специй; вещей намного более благородных, чем тыквы...». Выращивание этих культур приведёт к развитию «торговли, ремёсел, политики и социальной сферы», в появлении которых все люди «являются заинтересованными участниками»²⁰.

---

¹⁷ Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815–1917 гг. М.: Наука, 1959. С. 74–75.

¹⁸ Carlyle Th. Occasional Discourse on the Nigro Question // Fraser's Magazine. L., 1849. December. P. 672–673. «Тыквой» автор, видимо, называет всё то, что природа производит съедобного для человека без всяких или при минимальных усилиях с его стороны.

¹⁹ Ibid. P. 673–674.

²⁰ Ibid. P. 674.

Проблема взаимоотношений между белым и чёрным населением разработана в памфлете наиболее подробно. Автор отстаивает тезис о превосходстве европейцев (в первую очередь англичан) над неграми. Хотя чёрные уже «не рабы», но они «должны стать слугами тех, кто рождён мудрее...». Карлейля и тут нельзя обвинить в расизме, так как в своих сочинениях он исходит из признания иерархичности любого общества. В данном произведении он снова повторяет, что «Закон Мира... для всех людей» состоит в том, что суждено «наиболее глупым из нас *быть* (курсив Карлейля – авт.) слугами наиболее мудрых». Превосходство белых людей определяется также правом собственности на колонии: тот должен по праву, «декретом самой Небесной Канцелярии» владеть этими землями, кто «может *лучше* (курсив Карлейля – авт.) извлекать из них любую благородную продукцию, какую они созданы приносить». Негры по своему развитию не способны к этому, поэтому «самыми достойными» собственниками («возможно... только на время») являются «Британские Саксы»²¹.

Карлейль признаёт, что причиной восстаний в Вест-Индии была «несправедливость по отношению к порабощённому чёрному». Он призывает строить дальнейшие отношения с колониальным населением на взаимовыгодной основе, если английский народ «подразумевает сохранить человеческие Колонии, а не Чёрные Ирландии в дополнение к белой». Справедливостью, с точки зрения мыслителя, будет установление такого порядка, при котором негр получит «привилегию выращивать тыквы», если он будет «отрабатывать для собственника назначенные дни труда» и возделывать «благородные» культуры. Такой порядок диктуется интересами метрополии: «Государство... хочет полезного производства на этих Островах и должно его иметь». Установление «взаимных обязательств», заключение «контракта долгого действия» приведёт к складыванию «хороших отношений» между белыми и чёрными, «к процветанию на Земле»²².

В заключение «Случайной речи» автор делает замечания относительно запрещения «настоящей Торговли Рабами». Карлейль подчёркивает неэффективность реализации этого правительственного решения (1807 г.) путём «блокады самого Континента Африки» и выслеживания кораблей с рабами. Более действенным способом было бы уничтожение «совершенно доступных» центров работорговли – на Кубе и в Бразилии. В то же время, памфлетист заявляет своим современникам: если это явление признаётся «самым вопиющим и тревожным противоречием» «Законам этой Вселенной», тогда необходимо «пренебречь всеми нашими делами» и положить этому конец как «первоочередной вещи». Карлейль ставит под сомнение главенство вопроса о работорговле над остальными проблемами страны: «...Посмотрите на эту группу непродаваемых, непокупаемых, непривлекательных для рынка

---

²¹ Ibid. P. 674, 676.

²² Ibid. P. 676–677.

Ирландских «свободных» граждан, умирающих в канаве, если мой Лорд Высокая Арендная Плата и окружные шерифы выселили их; или на тех «божественных миссионеров» той же свободной страны, пересекающих в лохмотьях и с ребёнком на каждой руке главные улицы Лондона, чтобы рассказать людям, в чём действительная “свобода” состоит...”²³. Всё-таки, для этого мыслителя приоритетными в разрешении оставались социальные проблемы метрополии, в частности, пауперизация её населения.

Критику либерального плана предоставления самоуправления переселенческим колониям Карлейль представил в серии из восьми эссе, вошедших в книгу «Памфлеты последнего дня» (1850 г.). Он отметил причины интереса современников к колониальному вопросу: колониальное ведомство «больше всего привлекает к себе внимание», так как от этого государственного учреждения «зависят судьбы множества людей». Всеобщий интерес имел и экономическую подоплёку: «Колонии дают доход, в них помещены значительные суммы, ради них выдумывают проекты эмиграции, эмансипации чёрных...»²⁴. Памфлетист также передаёт настроения «английских государственных людей» либерального толка относительно переселенческих колоний: «... Вы нам вовсе не нужны. Каждый год мы тратим на вас порядочно денег... Каждый год вы приносите нам хлопоты. Отчего же вам и не отделиться от нас, если это доставляет вам удовольствие». Тем самым, Карлейль расценивал идею об учреждении в колониях самоуправления как намерение расколоть империю. Либеральные деятели обвиняются им в отступничестве от охраны национальных интересов, «к которым Англия могла бы потребовать уважения». По мнению автора «Памфлетов», «плохое состояние финансов» в стране свидетельствует о том, что именно способ управления колониями «нелеп и настоятельно нуждается в реформе». На первый план им выдвигается кадровый вопрос: необходимо «найти такое министерство», которое «сумеет устроить так», что колонии «станут нашим благодеянием»²⁵. Либеральный план не принимается ещё и потому, что все колонии рассматриваются этим мыслителем в качестве неотъемлемой территории государства и не делились на какие-либо категории: «Они составляют части земли, на которых теперь живут дети Англии, где боги благословили их усилия и дали им право жить». В «Памфлетах» подчёркнута мысль о том, что управление Англией своими колониальными владениями является одной из «Богом ей назначенных задач». А перспективой дальнейшего развития Империи называлось экономическое освоение «Британской промышленностью» «той необъятной Англии», которая раскинулась «во всех поясах земного шара»²⁶.

Итак, Джон Стюарт Милль и Томас Карлейль выступили за сохранение и укрепление Британской империи, концепцию «Greater Britain». Оба

---

²³ Ibid. P. 678.

²⁴ Карлейль Т. Памфлеты последнего дня. СПб., 1907. С. 58–59.

²⁵ Там же. С. 87.

²⁶ Там же. С. 88.

современника исходили из убеждения в особой, цивилизаторской миссии своей страны в деле колониального управления. Подвластное население расценивалось ими как стоящее ниже европейцев (особенно англичан) по уровню развития. Так же они сходились во мнениях относительно плана «систематической колонизации» и видели в нем средство гуманного решения внутренних социальных проблем метрополии (в частности, безработицы). Но имелись серьёзные разногласия. Карлейль (в отличие от Милля) выступал за сохранение централизованного управления Империей: все колонии рассматривались им как неотъемлемая часть территории метрополии. Он не делил (как Милль) владения Британии на категории. Отсюда проистекало его несогласие с либерально настроенным соотечественником по вопросу о предоставлении прав самоуправления переселенческим колониям. Кризисные ситуации объяснялись им человеческим фактором, поэтому колониальные институты нуждались не в системных преобразованиях, а в достойных, талантливых управленцах. Но дальнейшее развитие имперского строительства пошло согласно подходу Милля. Как известно, в 1867 г. метрополия пошла на образование первого доминиона в Британской Северной Америке – Канады.

Литература

1. *Айзенштат М.П., Гелла Т.Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М.: ИВИ РАН, 1999.
2. *Ерофеев Н.А.* Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. М.: Наука, 1964.
3. *Ерофеев Н.А.* Очерки по истории Англии 1815–1917 гг. М.: Наука, 1959.
4. *Карлейль Т.* Памфлеты последнего дня. СПб., 1907.
5. *Милль Дж. С.* Размышления о представительном правлении. СПб., 1863.
6. *Саймонс Дж. Карлейль.* М.: Молодая гвардия, 1981.
7. *Carlyle Th.* Chartism. L., 1840.
8. *Carlyle Th.* Occasional Discourse on the Nigro Question // Fraser's Magazine. L., 1849. December.
9. *Golberg M.* A Universal «howl of execration»: Carlyle's Latter-Day Pamphlets and Their Critical Reception // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of C.R. Sanders / Ed. by J. Clubbe. Durham, North Carolina, 1976.

THE LIBERAL AND CONSERVATIVE PROJECTS OF BRITISH EMPIRE DEVELOPMENT IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY (J.S. MILL AND TH. CARLYLE)

S.A. Zotov, E.V. Kuznetsov

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

Annotation. The article deals with the examining of John Stuart Mill's and Thomas Carlyle's views, the famous British thinkers of Victorian epoch, on the perspectives of Britain colonial empire development in the middle of the XIX century. The authors expressed in their works the liberal and conservative conceptions of the problem.

Keywords: *Victorian Britain, John Stuart Mill, Thomas Carlyle, the colonial empire, the liberal and conservative conceptions, the middle of the XIX century.*

Об авторах:

ЗОТОВ Сергей Александрович

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра всемирной истории, кандидат исторических наук, e-mail: istagpi@mail.ru.

КУЗНЕЦОВ Евгений Васильевич

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра всемирной истории, доктор исторических наук, e-mail: istagpi@mail.ru.

About the authors:

ZOTOV Sergey Aleksandrovich

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Department of World History, Candidate of History sciences, e-mail: istagpi@mail.ru.

KUZNETSOV Evgeniy Vasilevich

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Department of World History, Doctor of History sciences, e-mail: istagpi@mail.ru.

О. СИДНЕЙ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА

И.М. Эрлихсон

Рязанский государственный университет, г. Рязань

Аннотация. В зарубежной историографии к жизни и творчеству известного английского мыслителя О. Сиднея стали обращаться еще в XVIII веке, в XX веке интерес к его наследию неуклонно возрастал, в оборот вводились все новые источники. Автор статьи отмечает, что наряду с точкой зрения, что Сидней – классик либерального конституционализма – представлена и другая, согласно которой Сидней – апологет английского республиканизма, его ключевая фигура, чьи оригинальные теоретические изыскания были подкреплены практической деятельностью.

Ключевые слова: *О. Сидней, Англия, XVII век, республиканизм, политика, историография.*

Олджернон Сидней являлся, пожалуй, одной из самых неоднозначных фигур в английской истории второй половины XVII века. Перипетии его судьбы самым тесным образом сплелись с этой противоречивой, богатой на события эпохой. Потомок одного из знатнейших аристократических родов Англии, он получил блестящее образование, но, будучи младшим сыном, выбрал военную карьеру. Убежденный противник абсолютной монархии, в 1649 году О. Сидней имел дерзость голосовать против смертного приговора Карлу I. Призывавший ликвидировать две «отвратительные монархии Стюартов и Оранской династии», О. Сидней за помощь в осуществлении этого плана обращался к самому авторитарному монарху Европы Людовику XIV. Бурную, полную приключений, заговоров и интриг жизнь увенчал трагический финал – в 1683 году Сидней повторил судьбу Карла I, сложив голову на плахе, что дало основания его современникам и почитателям впоследствии возвести его в ранг апостола республиканизма или мученика конституционализма – две ипостаси, в которых Сидней выступает вот уже более трех столетий.

Анализируя в целом состояние англо-американской историографии по проблемам английской общественной мысли эпохи Реставрации, можно отметить, что в основном ее внимание сконцентрировано на политической и идейной генеалогии обеих партий и взглядах их идеологов в реставрационный период. Г. Неннер полагал, что хотя важнейшие компоненты классического республиканского учения (теория общественного договора, учение о народном суверенитете) вошли в систему политических ценностей вигов, после реставрации классический республиканизм утратил свою практическую

направленность. «Хотя республика в 1660 году погибла, но оставила свой след в умах англичан», – писал К. Хилл¹. «Несмотря на пропасть между республикой и республиканизмом, в 1660 году они слились в единое целое. Республика прекратила существование. Республиканизм появится вновь, но в других обстоятельствах и с другим характером»².

Сходных взглядов о природе и влиянии республиканизма в реставрационную эпоху придерживался известный исследователь английской политической мысли Г. Гуч. Он полагал, что среди депутатов-вигов вообще не было республиканцев, а были те, кого он называл «защитниками демократии»³. «Голоса, призывавшие к установлению «священной» республики стихли, а республиканские идеи в 70–80 гг. XVII века уже не играли значительной роли в парламентских дебатах»⁴. Именно значительным смягчением радикальных настроений вигов Неннер объясняет «бескровно-компромиссный» характер Славной революции 1689 года. Д. Джонс отмечал, что философия вигов походила на «сложный конгломерат», поскольку, с одной стороны, она наследовала теории и аргументы оппозиции Карлу I, а с другой – содержала новые элементы, основной из которых гласил: «Не прибегать к коренным политическим реформам и изменениям»⁵. М. Голди, исследуя происхождение воззрений вигов, прослеживал их эволюцию: если в ранней идеологии вигов присутствовали элементы республиканизма, то после 1689 года изменившаяся конституционная действительность заставила представителей получившей господство партии внести коррективы в систему политических ценностей⁶.

Изучая взгляды политических идеологов реставрационной эпохи, зарубежные историки в большинстве своем приходили к выводу о смягчении радикальных общественных настроений, как в роялистских кругах, так и в лагере оппозиции. Исключение представляли несколько республикански мыслящих деятелей, которые, по мнению большинства историков, выглядели «... некой аномалией на политическом небосклоне Реставрации и Славной революции»⁷.

Видный историк XX века К. Роббинс, напротив, считала вигов идеологическими преемниками теоретиков Английской буржуазной революции, называла их «убежденными республиканцами»⁸. Сходного с ней мнения придерживалась и З. Финк: «Классический республиканизм в Англии с

¹ Hill Ch. Republicanism after the Restoration // New Left Review. 1960. № 3. P. 48.

² Worden B. Oceana: Origins and aftermath Republicanism, liberty and commercial society. 1649–1776 / Ed. by D. Wootton. Stanford, 1994. P. 138.

³ Gooch G.P. English democratic ideas in the seventeenth century. L., 1927.

⁴ Nenner H. The later Stuart age // The Varieties of British Political Thought 1500–1800 / Ed. by J. Pocock. L., 1993. P. 193.

⁵ Jones J. The First Whigs. The Politics of the Exclusion Crisis 1678–1683. Westport, 1985. P. 205.

⁶ Goldie M. The roots of true whiggism // History of political thought. 1980. Vol. 2. P. 195–236.

⁷ Nenner H. The later Stuart age... P. 198.

⁸ Robbins C. The 18th century Commonwealth man. Cambridge, 1959. P. 23.

реставрацией не умер. Хотя республиканцы молчали, они были живы и готовились обучать старым доктринам новых сторонников»⁹. Известный исследователь английской истории Нового времени П. Загорин утверждал, что революционные идеи были основой английского вигизма, и, приведя Англию к Славной революции 1689 года, они продолжили триумфальное шествие по Европе, подрывая веками устоявшиеся порядки¹⁰.

В подобном ракурсе биографии и взглядам Сиднея традиционно уделяется особенное внимание, хотя надо признать, что мифологизация его образа мешала беспристрастному анализу его политического мировоззрения. Гораций Уолпол называл его «святым», а переиздавший в XVIII веке труды Сиднея Томас Холлис находил в нем «благочестие, достойное святого, мужество, достойное генерала и мудрость, достойную короля»¹¹. В двухтомной биографии викторианского историка А.С. Эвалда Сидней из античной тоги переоделся в сюртук и превратился в типичного английского либерала XIX столетия, не имевшего ничего общего с «невежественными демократами, нарушающими покой Трафальгарской площади»¹².

Г. Гуч хотя и не причисляет Сиднея к числу «первоклассных политических мыслителей, таких как Гоббс, Локк и Галифакс», но все же признает, что этот «аристократ-республиканец», «мученик свободы» принадлежал к числу интереснейших личностей своего времени. Гуч довольно поверхностно анализирует «Рассуждения о правительстве», отмечая, что «политическая теория Сиднея, не будучи оригинальной и логически безупречной», все же была «влиятельным выступлением против системы единовластия, реанимированной после 1660 года»¹³. Что же касается характера политических воззрений Сиднея, то Гуч приходит к следующему заключению: «Идолом для Сиднея была свобода, а исторические изыскания подвели его к мысли, что ее (свободу – прим. автора) можно отыскать под масками различных конституционных форм. Только несовершенство судебной системы Реставрации, – заключает Гуч, – привело человека исключительно умеренных взглядов, каким, несомненно, являлся Сидней, на эшафот»¹⁴.

Но авторы, ратующие за умеренность Сиднея и приверженность его принципам конституционализма, явно в меньшинстве. В 1940-х гг. З. Финк называла Сиднея «старым республиканцем» и в подтверждение его

---

⁹ Fink Z. The Classical Republicans. Evanston, New York, 1945. P. 123.

¹⁰ Zagorin P. A history of political thought in the English revolution. L., 1954.

¹¹ Worden B. The commonwealth kidney of A. Sidney // Journal of British studies. 1985. Vol. 24. P. 2–3.

¹² Ibid. P. 3.

¹³ Gooch G.P. Political thought in England. From Bacon to Halifax. L.: Cambridge University press, 1955. P. 130–131.

¹⁴ Ibid. P. 131.

республиканских убеждений приводит его последние слова перед казнью, что он охотно бы умер за «старое доброе дело»¹⁵.

В 70-е гг. XX века оксфордский историк Блэр Уорден обнаружил в архиве замка Уорвик доселе неизвестную рукопись «Придворных максим», созданных Сиднеем в начале второй англо-датской войны 1665 года. Если в «Рассуждениях» Сидней сосредоточил усилия на заочной полемике с Фильмером, то «Придворные максимы» были «призывом к объединению тех, кто находился в оппозиции к Стюартам – «диссентерам, милленариям, эмигрантам, и, если получится, и датчанам»¹⁶. Впоследствии англо-американские историки, занимающиеся данной проблематикой, основывались уже на изучении полного творческого наследия Сиднея.

Д. Скотт, автор двухтомной монографии, посвященной жизни и творчеству О. Сиднея, подверг сомнению «вигийский» (умеренно радикальный) характер политических взглядов мыслителя и его приверженность принципам конституционной монархии. Ученый возвратил Сиднея из «... пантеона мучеников за принципы конституционализма и поместил в ряды тех, кто приветствовал бы новую гражданскую войну и возможность уничтожения монархии»¹⁷. Во втором томе своего исследования Скотт воссоздал события Исключительного кризиса (1679 – 1681 гг.) и посредством детального анализа фундаментального труда Сиднея «Размышления о правительстве» продемонстрировал трансформацию его политических взглядов, делая акцент на усилении республиканских настроений¹⁸. Скотт склонен считать Сиднея «истинным республиканцем, который, доживи он до 1689 года, искренне оплакивал бы победу ограниченной монархии в целом и Вильгельма Оранского в частности»¹⁹.

Финский историк К. Мултамаки, изучая жизнь и деятельность Сиднея, отмечал, что «... будучи многогранным и плодовитым автором, Сидней гениально приспособлял республиканизм ко всем проблемам, с которыми он соприкасался – и религиозным, и экономическим»²⁰. Отмечая республиканизм Сиднея, Мултамаки подметил преемственность его убеждений с республиканскими идеями Н. Макиавелли: «Хотя Сидней редко упоминал имя Макиавелли или цитировал его, – писал ученый, – в целом, он был согласен с основными положениями его республиканских теорий»²¹.

Один из крупнейших исследователей европейской политической мысли британский историк К. Скиннер делает акцент на римской модели

---

¹⁵ Fink Z. The Classical Republicans... P. 154.

¹⁶ Introduction // Sidney A. Court Maxims. Cambridge, 1996. P. XVI.

¹⁷ Scott J. Algernon Sidney and the English republic. 1623–1677. L., 1988. P. 2.

¹⁸ Scott J. Algernon Sidney and the Restoration crisis 1677–1683. L., 1991. P. 23.

¹⁹ Scott J. Algernon Sidney and the English republic... P. 2.

²⁰ Multamaki K. Towards Great Britain. Commerce and conquest in the thought of Algernon Sidney and Charles Davenant. Helsinki, 1999. P. 37.

²¹ Ibid. P. 35.

республиканской традиции, сыгравшей роль в политической мысли в Англии XVII века, явившейся кульминационным моментом англосаксонской ветви республиканизма Нового времени. Скиннер вводит понятие «неоримской» концепции свободы, полагая, что термин «неоримские» более точно подходит к авторам английского XVII века, чем термин «республиканские», поскольку многие из них полагают, что для реализации принципа гражданской свободы не обязательно требуется политический режим, полностью отрицающий любые виды монархического правления; осуществление республиканской свободы возможно, в частности, при конституционной монархии, то есть в рамках режима, при котором правитель, как и другие граждане, ограничен законом, и не может господствовать над другими, действуя в отношении других граждан по собственному произволу. «...Теория свободы неоримских авторов XVII века – составляет ядро их мысли, определяет ее специфику. Именно их анализ гражданской свободы, в большей степени, чем их часто двусмысленный республиканизм и несомненная привязанность к политике добродетели, делает их приверженцами определенной идеологии и даже членами единой школы мысли»²².

Политико-философские взгляды «наиболее проникнутого уважением к древним республикам Сиднея, в то же время заявлявшего, что в мире не было хорошего образа правления, которое бы не состояло из монархии, аристократии и демократии»²³, вполне укладываются в «неоримскую» концепцию свободы. Для Сиднея древний Рим был неиссякаемой сокровищницей моральных и политических принципов: это Рим, описанный Ливием, Луканом и Тацитом. Их труды Сидней воспринимал как эпитафию сенаторской независимости и добродетели, проводя параллели между тиранией Тиберия, Калигулы, Нерона и царством террора и упадка реставрационной Англии²⁴. Б. Уорден также отмечал, что Сидней во многом способствовал возрождению «тацитовского» элемента республиканизма, который «после 1660 года вливается в философию партии Страны, как способ критики придворных пороков»²⁵. Более того, Сидней создал собственную оригинальную концепцию, существо которой составляли два базовых положения. Так, он утверждал, что средневековая готическая монархия является прямым продолжением саксонской монархии, а та, в свою очередь, наследует конституции республиканского Рима. Таким образом, «Сидней интегрировал историю и политику классической античности в готическое прошлое, и соединил классическое – республиканизм с ностальгическим медиевизмом Исключительного кризиса»²⁶.

²² Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2006. С. 31–32.

²³ Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. 2. С. 162–163.

²⁴ Worden B. The commonwealth kidney of A. Sidney ... P. 17.

²⁵ Worden B. Republicanism and the Restoration // Republicanism, liberty and commercial society. 1649–1776 / Ed. by D. Wootton. Stanford, 1994. P. 157.

²⁶ Ibid. P. 163.

Блэр Уорден рассматривает развитие республиканизма в эпоху Реставрации в русле эволюции идей Джеймса Гаррингтона. «Идеи Гаррингтона, разделив судьбу конструктивных теорий, перешли в политическую практику не в чистом виде, а ассимилированном под воздействием публичных страхов, предрассудков, а иногда вследствие путаницы понятий. Главным вкладом неогаррингтонцев была трансформация критики готической конституции в ее апологию, что вдохнуло жизнь в положения Гаррингтона»²⁷. Непосредственным последователем, «апостолом» Гаррингтона был Г. Невилль, Сидней же ближе к Мильтону и Недхэму, хотя ни тот, ни другой ни разу не упоминаются на страницах «Придворных максим» и «Рассуждений».

Как и другие исследователи, обращавшиеся к творчеству Сиднея, Уорден не мог не отметить двойственный характер воззрений мыслителя: «Каким же правилам должны следовать англичане на пути к конституционному будущему?... Сидней восхищается «свободными людьми» Рима и Греции, Голландии и Венецианской республики.... Он проклинает «королей, подверженных гордыне, праздности и сластолюбию», этих «диких животных», «гремучих змей», единственный способ избавиться от которых заключается в полной их ликвидации.... Между тем, отношение Сиднея к монархии не очевидно. Как и М. Недхам, он колеблется между признанием современной монархии, с одной стороны, опасным и вредным учреждением априори и, с другой, изначально эффективным и рациональным, но искаженным впоследствии институтом»²⁸. Действительно, Сидней постоянно апеллирует к истории, подкрепляя положения многочисленными историческими примерами, в том числе из собственного прошлого. Как писал Г. Гуч, «одна из главных отличительных особенностей «Рассуждений» – это эрудиция автора»²⁹, который одинаково уверенно оперирует цитатами из античной классики и библейских текстов, и изящно «жонглирует» фактами из истории европейских, латиноамериканских и азиатских стран. Но, с другой стороны, как замечают зарубежные историки, Сидней довольно часто прибегает к доводам разума: «... кажется, что он (*Сидней – прим. автора*) предпочитал ограничивать исторические аргументы определённым теоретическим контекстом, в котором история неизменно уступает дорогу разуму. Как большинство английских республиканцев, Сидней использовал исторические примеры в той степени, насколько они соответствовали цели. В противном случае их просто игнорировали»³⁰.

Исторические взгляды Сиднея противоречивы еще и в том смысле, что история Англии мыслится им одновременно как постепенная деградация древней конституции и процесс перехода от варварства к совершенствованию общественной жизни. С точки зрения логики, это не выдерживает никакой

---

²⁷ Ibid. P. 143.

²⁸ Ibid. P. 161.

²⁹ Gooch G.P. Political thought in England. From Bacon to Halifax... P. 131.

³⁰ Multamaki K. Towards Great Britain. Commerce and conquest... P. 47.

критики, так как эти теории взаимно несовместимы. «Если идеал лежит в прошлом, – пишет Дж. Корнифф, – то путь к реформам закрыт, если же история прогрессивна, то реформатор ищет новые, неведомые прошлому ориентиры...». Но, с другой стороны, эта несовместимость наложила отпечаток и на политическую мысль Сиднея и вигскую идеологию. «Концепция истории как процесса дегенерации устанавливала сравнительные стандарты, объясняла причины текущих неудач и бедствий. Взгляд на историю как на поступательное движение к прогрессу очерчивал контуры будущих реформ ... и легитимировал наиболее важные ценности вигов, такие как торговля, коммерция, роскошь и др.»³¹.

Столь же неоднозначным, как и к монархии, было отношение Сиднея к демократии. Так, он утверждал, что если бы чистые демократии и существовали, то он ничего не мог бы сказать в их пользу, так как в Риме и Афинах лучшие люди стояли за аристократию, либо за смешанную форму правления с преобладанием аристократического элемента. Б. Уорден придерживался мнения, что «разница между преимущественно демократическим и аристократическим смешанным правлением для Сиднея была несущественна. ... Несомненно, он употреблял понятия “смешанное правление” и “демократия” как синонимы»³².

Г. Гуч объяснял вышеуказанное обстоятельство, прежде всего, происхождением Сиднея, «который никогда не забывал, что он аристократ и настаивал на существовании неравенства между людьми»³³. Враждебность к демократии в том смысле, в котором мы ее понимаем сейчас, свойственную английским республиканцам XVII столетия, американский историк Дж. Скотт объясняет, анализируя смысловую нагрузку понятий «равенство» и «неравенство» в трактовке Сиднея. Скотт отмечает, что для Сиднея современная триада «свобода, равенство, братство» означала бы путаницу в терминах, поскольку его политическая теория «покоится на признании не равенства, а скорее неравенства – или разнообразия людей. Неравенство бывает естественным (в мудрости, доблести, добродетели, опыте) и искусственным (по статусу, объему властных полномочий). Неравенство и разумное превосходство одних над другими зависит не от чистоты крови или происхождения, а от добродетели и способности действовать на благо человечества. Единственная разновидность естественного равенства, дарованного Господом, это – свобода. «Общество Сиднея стремится удовлетворять потребностям своих членов, с одной стороны, утверждая в качестве основополагающего принципа неравенство индивидов, а, с другой, гармонизируя их интересы с помощью механизма – свободы, которая поддерживает это разнообразие на

---

³¹ Corniff J. Reason and history in early whig thought. The case of Algernon Sydney // Journal of British Studies. 1982. 43. P. 414.

³² Worden B. Republicanism and the Restoration... P. 168.

³³ Gooch G.P. Political thought in England. From Bacon to Halifax... P. 131.

«естественном» уровне. Только так искусственно созданное политическое общество отражает естественное многообразие Божьего творения»³⁴.

Таким образом, вышеприведенный краткий историографический обзор позволяет сделать вывод, что диапазон исследовательских позиций касательно характера политических воззрений О. Сиднея представлен следующими концепциями. Согласно первой, Сидней, как и его идеологические предшественники – индипенденты, предстает «республиканцем поневоле», под маской которого скрывается закоренелый конституционалист. В рамках данной концепции исследователи отмечают преемственность между теоретическим наследием революционного индипендентства и базовыми постулатами ранних вигов и признают Сиднея одним из главных идеологов реставрационного вигизма.

Но подавляющая часть зарубежных исследователей все же причисляет Сиднея к пантеону республиканцев, апологетам «негативной свободы», то есть, «свободы от чьего-либо господства». Свобода же – это источник добродетели, а добродетель, как истинная цель любого государства, по мнению Сиднея, может измеряться количеством возвращенных в ее лоне добродетельных граждан. Категория «добродетель» является одним из ключевых понятий в республиканских учениях, более того, «политика добродетели и была тем, чем по большей части определялся республиканизм»³⁵. Дж. Покок, прослеживая развитие республиканской традиции от греческой классической модели до Американской революции, подчеркивает взаимосвязанность принципов республиканской свободы, активного политического участия и гражданской добродетели и указывает на хрупкость и уязвимость республиканской формы политики, для которой принципиально важной оказывается проблема нравов и их коррупции³⁶. Все перечисленные аспекты получили освещение в творчестве Сиднея. «В слиянии ярких образов классической свободы и идеи естественных прав рождается язык свободы Сиднея, полуанглийский, полуримский; полухристианский, полуклассический. Популярность «Рассуждений» по обе стороны Атлантики – лучшее свидетельство влияния и потенциала этого языка»³⁷. Республиканизм Сиднея – это прежде всего, язык а не конкретная политическая программа, что подчеркивает постоянное противопоставление им моральных категорий: порок и добродетель, дьявол и Бог, истина и ложь, личный интерес и общественное благо. «Эта мораль – есть мораль классического республиканизма .... Соединив различные традиции анти-

---

³⁴ *Scott J. Algernon Sidney and the English republic...* P. 193–194.

³⁵ *Worden B. Marchamont Nedham and English republicanism // Republicanism, liberty and commercial society. 1649–1776 / Ed. by D. Wootton. Stanford, 1994. P. 46.*

³⁶ *Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975.*

³⁷ *Worden B. Republicanism and the Restoration...* P. 174.

тиранической политической мысли, Сидней создал республиканское учение, многие аспекты которого актуальны и сегодня»³⁸.

Литература

1. Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. 2.
2. Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2006.
3. Corniff J. Reason and history in early whig thought. The case of Algernon Sydney // *Journal of British Studies*. 1982.
4. Fink Z. The Classical Republicans. Evanston, New York, 1945.
5. Goldie M. The roots of true whiggism // *History of political thought*. 1980. Vol. 2.
6. Gooch G.P. Political thought in England. From Bacon to Halifax. L.: Cambridge University press, 1955.
7. Gooch G.P. English democratic ideas in the seventeenth century. L., 1927.
8. Hill Ch. Republicanism after the Restoration // *New Left Review*. 1960. № 3.
9. Introduction // *Sidney A. Court Maxims*. Cambridge, 1996.
10. Jones J. The First Whigs. The Politics of the Exclusion Crisis 1678–1683. Westport, 1985.
11. Multamaki K. Towards Great Britain. Commerce and conquest in the thought of Algernon Sidney and Charles Davenant. Helsinki, 1999.
12. Nenner H. The later Stuart age // *The Varieties of British Political Thought 1500–1800* / Ed. by J. Pocock. L., 1993.
13. Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975.
14. Robbins C. The 18th century Commonwealth man. Cambridge, 1959.
15. Scott J. Algernon Sidney and the English republic. 1623–1677. L., 1988.
16. Scott J. Algernon Sidney and the Restoration crisis 1677–1683. L., 1991.
17. Worden B. The commonwealth kidney of A. Sidney // *Journal of British studies*. 1985. Vol. 24.
18. Worden B. Marchamont Nedham and English republicanism // *Republicanism, liberty and commercial society. 1649–1776* / Ed. by D. Wootton. Stanford, 1994.
19. Worden B. Oceana: Origins and aftermath // *Republicanism, liberty and commercial society. 1649–1776* / Ed. by D. Wootton. Stanford, 1994.
20. Worden B. Republicanism and the Restoration // *Republicanism, liberty and commercial society. 1649–1776* / Ed. by D. Wootton. Stanford, 1994.
21. Zagorin P. A history of political thought in the English revolution. L., 1954.

---

³⁸ Introduction // *Sidney A. Court Maxims...* P. XXVI.

A. SIDNEY IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY IN THE 20th CENTURY

I.M. Erlihson

Ryazan State University, Ryazan

Annotation. In Anglo-American historiography famous British thinker Algernon Sidney's ideas have been investigated since the 18th century. In the 20th century they became more popular thanks to newly uncovered original sources. The paper centers on two existing historiographical concepts. The first one treats Sydney as a classic of liberal constitutionalism, the second one represents him as an apologist of British republicanism, its key figure, whose ideas were corroborated with practical activities.

Keywords: *O. Sidney, England, 17th century, republicanism, politics, historiography.*

Об авторе:

ЭРЛИХСОН Ирина Мариковна

Рязанский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений, доктор исторических наук, профессор, e-mail: erlihson@rambler.ru.

About the author:

ERLIHSON Irina Marikovna

Ryazan State University, Department of World History and International Relations, Doctor of History sciences, professor, e-mail: erlihson@rambler.ru.

УДК 94

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ XVI – СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКОВ

А.С. Берлизов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. В статье предпринята попытка сделать обзор научных трудов отечественных учёных по аграрной и социальной истории Англии XVI–XVII веков. Были охвачены труды как советских, так и российских историков. Особое внимание было уделено изменениям, которые происходили в

отечественной историографии после распада СССР. Также было отмечено насколько широко охвачена аграрная и социальная история Англии этого периода в отечественной историографии, и какие вопросы остались неохваченными или малоизученными.

Ключевые слова: Англия, аграрная история, XVII век, социальная политика, революция, Тюдоры, Стюарты, законодательство, XVI век.

Многие проблемы аграрной и социально-экономической истории Англии в XVI – XVII вв. интересовали историков России ещё с конца XIX века. Не случайно крупнейшие историки России этого времени, такие, как А.Н. Савин¹, П.Г. Виноградов², Д.М. Петрушевский³, занимались аграрными и социальными проблемами истории Англии в Средние века и Раннее Новое время⁴. Как известно, аграрный вопрос в пореформенной России был актуален, и понимание механизмов процесса изменений аграрных отношений при переходе к капиталистическим методам ведения хозяйства было важно не только в научном плане, но и в практическом.

К числу крупных исследователей советского периода относится Михаил Абрамович Барг, трудно переоценить его вклад в разработку аграрной и социальной истории средневековой Англии. В своих работах по аграрной истории Англии М.А. Барг предвосхитил некоторые выводы современной теории истории, относящиеся к применению количественных методов в социально-экономической истории. Он внес свой существенный вклад в становление количественной истории, еще не окончательно сформировавшейся в годы его научной деятельности. М.А. Барг фактически создал портрет генетического прообраза джентри, поставив тем самым вопрос об эволюции английского фригольда от средневековья к новому времени. Также автор занимался малоизученным феноменом «манора – города». В своих работах он затрагивал проблему пауперизма при первых Стюартах и сущность системы помощи бедным⁵. Итогом многолетних исследований М.А. Барга стала его последняя книга «Великая английская революция в портретах ее деятелей». Через описание ключевых фигур революции – Кромвеля, Лилберна и Уинстенли – их жизненного пути, характера и психологии автор показал особенности умонастроения и миропонимания трех основных социальных групп – активных участников событий – индипендентского джентри, мелкой городской буржуазии и крестьянско-плебейских масс. В книге выпукло предстал тот исторический фон, коллективный портрет эпохи, в которую

---

¹ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М.: И. Н. Кушнерёв и К^о, 1903.

² Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

³ Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1907.

⁴ Архангельский С.И. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII века // Из истории социально-политических идей. М.: АН СССР, 1955. С. 57.

⁵ Барг М.А. Великая английская революция в портретах её деятелей. М.: Мысль, 1991. С. 92.

действовали ее персонажи. Сжато и емко изображена экономическая жизнь предреволюционной Англии, процессы, сделавшие ее колыбелью современного капитализма, и социальная структура общества, дан убедительный анализ знамени революции – пуританизма, и его антипода – стюартовского абсолютизма, основных событий революции от начала борьбы короля с парламентом до установления протектората.

Следующий историк, занимавшийся отмеченными выше проблемами, – это Сергей Иванович Архангельский (1882–1958). Сильное влияние на него оказали профессора П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, В.О. Ключевский, Д.М. Петрушевский и особенно А.И. Савин – один из основателей советской школы англоведов. Интерес ученого к аграрной истории Англии XVII века не был случаен. С середины XIX века русское общество и русскую науку волновали проблемы аграрных отношений и судьба крестьянства. Главным вопросом, которым он занимался, была Английская буржуазная революция. Ученого интересовали преимущественно вопросы экономического развития страны накануне революции, аграрное законодательство, крестьянское движение, в его работах рассматривается широкий круг вопросов, прежде всего социально-экономические условия жизни английской деревни. Архангельский видел в аграрном законодательстве 40–50-х годов XVII века объяснение тех сдвигов, которые произошли в эту эпоху на пути капиталистического развития.

Рассматривая этот путь, Архангельский приходил к заключению, что социальные результаты капиталистического развития Англии достаточно четко выявились еще при Тюдорах и первых Стюартах, когда земельная собственность в значительной части перешла из рук старой знати в руки купцов и промышленников. Под этим же углом зрения он анализировал и последствия принятых парламентом законов, подготовивших переход феодальных поместий в руки буржуазии и примкнувшего в ней нового дворянства.

Его работа «Аграрное законодательство 1643–1648 гг.» является первой попыткой изучения аграрного законодательства, особенно посвященного секвестру и продажам земель феодального дворянства, «кавалеров» и англиканской церкви.

Он также исследовал социальную борьбу английского крестьянства в первой половине XVII в.⁶

Среди современных российских историков, занимающихся изучением аграрной и социальной истории Англии XVI – первой половины XVII веков, можно отметить О.В. Дмитриеву⁷.

Её исследования посвящены социально-политической борьбе в Англии в конце XVI – начале XVII вв. в период ее перехода от феодализма к капитализму. В это время происходил активный рост капиталистического уклада в английской промышленности и сельском хозяйстве, формирование

---

⁶ Барг М.А. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. Движение и идеология истинных левеллеров. М.: Наука, 1967. С. 65.

⁷ Дмитриева О.В. Королева Елизавета I. Семь портретов королевы. М.: Янус – К., 1998.

классов буржуазии и нового дворянства. Обострение противоречий между абсолютизмом и буржуазными элементами происходило одновременно с усилением давления на правительство со стороны части феодального дворянства. Анализ социально-экономической политики короны в подобных условиях представляет значительный интерес. В силу своей природы абсолютная королевская власть вынуждена поддерживать баланс между дворянством и буржуазными элементами, «защищать интересы обеих сторон, оказывать обеим сторонам благодеяния».

Также можно отметить другого современного исследователя – М.В. Винокурову. В своей работе, применяя наряду с классическим сравнительно-статистическим подходом, микроанализ, герменевтическую реконструкцию текстов, семантический анализ источников, автор проводит социальное исследование аграрного строя в Англии в канун революции середины XVII в., позволяющее проникнуть в глубины манора и рассмотреть отношения в этой основной ячейке сельского мира во всей их многоплановости. Ею изучены 49 крупных маноров. Итогом является новый в отечественной историографии вывод о нетипичных путях развития аграрного капитализма в отдаленных от центра «маргинальных» регионах Англии. Этот итог сравнительного изучения двух регионов дополнен характеристикой английского манора как хозяйственного и политико-правового института⁸.

Взаимоотношения абсолютной монархии и крестьянства в период 1550–1640 гг. исследованы в работе В.П. Митрофанова⁹. Кроме того, автором опубликован ряд статей о пауперизме и некоторых других аспектах социальной истории Англии XVI – середины XVII вв.

Специфичный аспект социальной истории Англии начала XVII в. исследовал С.Е. Федоров¹⁰. Примечательно, что его работа основана не только на опубликованных источниках, но и на архивных данных. Это позволило ему изменить взгляды современников на аристократию, исследовать динамику интенсивного роста титулованной знати в составе английского, шотландского и ирландского порядков.

Таким образом, литература об истории Англии в позднее средневековье и раннее Новое время пополнилась рядом значительных работ. Однако, многие проблемы выпали из поля зрения советских исследователей. Остается пока неясным общий уровень экономического развития Англии накануне революции в промышленности и сельском хозяйстве, мало изучены условия жизни и труда различных категорий населения, формирование оппозиции королевскому двору в различных графствах.

---

⁸ Винокурова М.В. Мир английского манора: По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII века. М.: Наука, 2004.

⁹ Митрофанов В.П. Крестьяне и государство в Англии (1550–1640 гг.). Социально-экономическая история, аграрная политика Тюдоров и Стюартов. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.

¹⁰ Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603–1629). СПб.: Алетейя, 2005.

На современном этапе происходит отход от марксистской трактовки событий XVI–XVII веков. Затрагиваются вопросы социальной психологии, борьбы и социальной гармонии, типологии феодализма. В нашей стране происходит отказ от вульгарно-марксистского представления о линейном развитии истории и принятие представления, безусловно господствующего в зарубежной историографии, о том, что истории присуще многофакторное развитие, идущее за счет сплетения этих факторов.

Литература

1. *Архангельский С.И.* Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемпtone в первой половине XVII века // Из истории социально-политических идей. М.: АН СССР, 1955.
2. *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах её деятелей. М.: Мысль, 1991.
3. *Барг М.А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. Движение и идеология истинных левеллеров. М.: Наука, 1967.
4. *Виноградов П.Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.
5. *Винокурова М.В.* Мир английского манора: По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII века. М.: Наука, 2004.
6. *Дмитриева О.В.* Королева Елизавета I. Семь портретов королевы. М.: Янус – К., 1998.
7. *Митрофанов В.П.* Крестьяне и государство в Англии (1550–1640 гг.). Социально-экономическая история, аграрная политика Тюдоров и Стюартов. Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, 2011.
8. *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1907.
9. *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М.: И. Н. Кушнерёв и К°, 1903.
10. *Федоров С.Е.* Раннестюартовская аристократия (1603–1629). СПб.: Алетейя, 2005.

DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF AGRARIAN AND SOCIAL HISTORY OF ENGLAND OF XVI – THE MIDDLE XVII CENTURIES

A.S. Berlizov

Penza State University, Penza

Annotation. The paper attempts to review the scientific works of Russian scientists in the agrarian and social history of England XVI–XVII centuries. Were covered by the works of both Soviet and Russian historians. Particular attention was

given to the changes that have occurred in the national historiography after the collapse of the USSR. It was also noted how widely covered by the agrarian and social history of England in this period of national historiography and what issues remain or poorly understood.

Keywords: *England, agrarian history, XVII century, social policy, revolution, Tudors, Stuarts, legislation, XVI century.*

Об авторе:

БЕРЛИЗОВ Алексей Сергеевич

Пензенский государственный университет, кафедра всеобщей истории, историографии и археологии, аспирант, e-mail: Berlizov91@mail.ru

About the author:

BERLIZOV Alexei Sergeevich

Penza State University, Department of World History, historiography and archeology, post-graduate student, e-mail: Berlizov91@mail.ru

УДК 94 (410)

ВЗГЛЯДЫ Э. МОНТЕГЮ НА ПРОБЛЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОЧАГА В ПАЛЕСТИНЕ

А.В. Шандра

Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал,
г. Арзамас

Аннотация. Статья посвящена взглядам представителя британской политической элиты начала 1920-х годов Э. Монтегю, назначенного Министром по делам Индии. На основе оригинальных источников в статье предпринята попытка проанализировать основную позицию Э. Монтегю по вопросам реализации «сионистского проекта», а также идеологии и политики Сионистской организации.

Ключевые слова: *Палестина, Всемирная сионистская организация, политика, идеология.*

Публикация Декларации Бальфура 2 ноября 1917 г. вызвала неоднозначную реакцию в британских правящих кругах, и привела к фактическому расколу политической элиты на её сторонников и противников. Примечательно, что формирование оппозиции Декларации 2 ноября 1917 г.

началось ещё до её обнародования. В данном контексте особый интерес вызывают взгляды видного британского политического деятеля, министра по делам Индии Э. Монтегю. Следует заметить, что в отечественной и зарубежной историографии его имя главным образом связывают с реформой управления Индией 1919 г., практически игнорируя тот факт, что Э. Монтегю принимал активное участие в формировании курса ближневосточной политики Великобритании в начале 1920-х годов.

Эдвард Самуэл Монтегю родился 6 февраля 1879 г. и был вторым сыном в семье крупного еврейского финансиста и предпринимателя Самуэла Монтегю¹. В 1906 г. Эдвард Монтегю становится членом Палаты Общин от либеральной партии, а в 1910 г., во многом при содействии лидера партии Г. Асквита, был назначен на пост заместителя секретаря в Министерстве по делам Индии. Начало Первой мировой войны ознаменовалось для Э. Монтегю временными неудачами в политической карьере. С 1914 по 1917 г. он оказался удалённым от основных баталей политической жизни, однако занимал достаточно серьёзные посты: был канцлером герцогства Ланкастер и финансовым секретарём государственной сокровищницы. Работа в ведомстве прославила Э. Монтегю, отстаивавшего идею субсидирования британских вооружённых сил. При этом весь временной период он сохранял крепкую связь с министерством по делам Индии, а в 1917 г. по предложению главы коалиционного кабинета Д. Ллойд Джорджа ему выпала честь возглавить министерство².

Летом 1917 г. активизировалась переписка между Э. Ротшильдом и А. Бальфуром³. Это обстоятельство побудило Э. Монтегю к составлению ноты британскому правительству, в которой он изложил свои взгляды и выставил собственные оценки проекту создания еврейского национального очага. Фундаментальным положением в оппозиционном выступлении Э. Монтегю становится понимание сионизма как «антисемитской»⁴ идеологии, которая лишь ухудшит положение евреев в целом. По его мнению, британское правительство, соглашаясь на формирование «...новой нации с новым очагом в Палестине», порождает потенциальную проблему столкновения евреев различных стран. Эту проблему предопределила замкнутость еврейских общин,

---

¹ Самуэль Монтегю являлся владельцем нескольких крупных банков в Великобритании, контролировал ввоз и вывоз драгоценных металлов. Он щедро финансировал строительство синагог в стране и за её пределами, хотя и не был в высшей степени ортодоксальным иудеем. В семье Монтегю было 10 детей. Трое из них (Льюис Монтегю (1869–1927), Эдвин Монтегю (1879–1924) и Лилиан Хэлен Монтегю (1873–1963)) стали активными участниками жизни еврейской общины Великобритании, выступая ярыми противниками идеологии и политики сионизма.

² Bullard R. Britain and Middle East. L.: Hutchinson university library, 1964. P. 169.

³ Подробнее см.: Britain enters into a compact with Zionism, 1917 / Ed. By I. Friedman. N. Y.: Garland, 1987.

⁴ Memorandum of Edwin Montagu // Great Britain, Public Record Office, Cab. 24/24, Aug. 23. 1917. (Далее – PRO CAB 24/24). В этой связи следует указать на термин «Anti-Semitism», использованный Э. Монтегю в приводимой ноте и последующих посланиях.

специфика их юридического, политического и социального положения в странах проживания. Кроме того, Э. Монтегю указывал на политическую несостоятельность сионизма, на невозможность его идеологической конструкции послужить прочной основой для создания «еврейского патриотизма». Для примера он сопоставил британское и российское еврейство, утверждая, что общины имеют совершенно разные цели в экономической и политической деятельности, и никоим образом не могут быть объединены размытым и крайне поверхностным термином «национальный очаг для еврейского народа»⁵. В этом смысле достаточно интересным выглядит его замечание по поводу создания еврейского национального очага в стране с преобладающим мусульманским и христианским населением, и стремление А. Бальфура указать на придание Палестине в будущем статуса моноэтнического государства⁶.

Далее в своей ноте Э. Монтегю изложил четыре основных принципа критики проекта создания еврейского национального очага. Во-первых, Э. Монтегю отказывался признавать существование «еврейской нации» и некой «еврейской идентичности». Указывая на пример своей семьи, он подчёркивал важность и первостепенность значения того, в какой стране родился еврей, какой народ его окружает, и в меньшей степени признавал весомость религиозной «идентичности». Исходя из данного суждения, Э. Монтегю рекомендовал обратить внимание Правительства Его Величества на разницу, существующую между британскими евреями и еврейскими общинами Африки⁷, схожую по своей сути с различиями, имеющимися между британскими и французскими христианами.

Во-вторых, в ноте пристальное внимание уделено идеологической базе сионистского движения. По его мнению, сама постановка такого вопроса резко обострит противоречия между местным населением и еврейской общиной Святой Земли, тем более что иммиграционный проект не учитывает языковых различий еврейских общин. Последние попросту «растворились» в странах проживания, а сионизм на идеологическом уровне искусственно изобрёл и обострил вопрос о необходимости защиты общин посредством еврейского национализма. Лидеры сионистской организации желают лишь подчинить еврейские общины своему влиянию и использовать их в своих весьма специфических целях. Поэтому сионизм следует признать идеологией и политикой, противоречащей британским национальным интересам⁸.

---

⁵ Здесь Э. Монтегю однозначно приписывал авторство А. Бальфуру. См.: PRO CAB 24/24.

⁶ В этом ключе Э. Монтегю обращал внимание на стремление лидеров ВСО «превратить Палестину в государство для евреев, в той же мере в коей Англия является английской, а Франция французской...». Подробнее см.: *Laquer W. History of Zionism*. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1972.

⁷ Э. Монтегю обозначил их специальным термином «Jewish Moor» (дословно – еврей-мавр – авт.). Скорее всего, он имел в виду еврейские общины Марокко, Кении и Эфиопии.

⁸ PRO CAB 24/24.

В-третьих, Э. Монтегю критиковал и фактически отрицал исторические права евреев на заселение Палестины⁹. Он выступил против попыток некоторых британских политиков того времени однозначно рассматривать Святую Землю как место изначального проживания евреев. В этой связи Э. Монтегю в частности отметил: «... Нельзя отрицать, что Палестина играет большую роль в еврейской истории, но столь же большую часть она играет и в современной истории христианства, а в послееврейскую эпоху она играет в истории христианства еще большую роль, чем какая-либо страна...»¹⁰. При этом согласно Э. Монтегю, есть целый ряд народов, имеющих, наряду с евреями, столь же исключительные права на возвращение в Палестину.

В-четвёртых, автор ноты попытался опровергнуть информацию о популярности разработанного проекта еврейского национального очага в среде нееврейского населения Великобритании. В основном такую информацию распространяли некоторые периодические издания, напрямую или косвенно финансируемые Сионистской Федерацией Великобритании¹¹. Совпадение целей сторонников создания еврейского национального очага в Палестине и деятелей ВСО заключено в антисемитизме, который, с одной стороны, приведёт к выделению евреев в отдельную нацию и объединению еврейских общин, а, с другой стороны, будет способствовать созданию в Палестине еврейского гетто.

В целом, Э. Монтегю заметил, что Правительство Его Величества, использует своё влияние и удовлетворит запрос лорда Ротшильда по достижению намеченной цели. Однако такую позицию министр по делам Индии считал недальновидной¹².

Базисным компонентом в критике проекта создания еврейского национального очага со стороны Э. Монтегю также выступал вопрос об осложнении этноконфессиональных отношений в ближневосточном регионе. Это положение исходило из соображений безопасности и имело для Э. Монтегю как главы Министерства по делам Индии стратегическое значение. Тем не менее, при подходе к определению статуса Палестины, идеи не выходили за рамки общепринятых теорий и концепций, подчеркивая по сути лишь в качестве крайне важного обозначение особого статуса Великобритании в исламском мире. Согласно базовой концепции, Великобритания должна выступить в роли протектора бывших владений Османской империи и, учитывая в полной мере традиции этих народов, учредить и развить институты самоуправления. Т. Мэйсси и Э. Монтегю также выступили против передачи

---

⁹ Укажем на то обстоятельство, что именно этот компонент идеологии сионистского движения выступал в качестве основного. Подробнее см.: *Авинери Шл.* Происхождение сионизма. М., 2004.

¹⁰ PRO CAB 24/24.

¹¹ На это указывают некоторые неофициальные источники. Подробнее см.: *Cohen S.A.* English Zionists and British Jews: The communal politics of Anglo-jewry 1895–1920. Princeton: Princeton university press, 1982. P. 138–142.

¹² PRO CAB 24/24.

права протектората США, так как Великобритания, как ни одна другая держава мира, понимает чаяния мусульман¹³. Кроме того, Э. Монтегю призывал британское руководство достаточно осторожно подходить к аннексии Святой Земли, поскольку таковая может вызвать совместный протест арабов Палестины и Египта. Он также предложил создать в британском МИД особый департамент по ближневосточным делам, который бы курировал совместно с англо-индийским правительством в том числе и внутripалестинские дела¹⁴. Для Э. Монтегю в данном случае наибольшее значение имело сохранение относительного спокойствия мусульманского населения Индии. Посредством популистских мер британского правительства он намеревался отвлечь мусульман от панисламистских идей, становящихся всё более актуальными, в частности, для индийских мусульман.

Непримиримая позиция Э. Монтегю в отношении сионистской организации также была связана с утверждением о том, что сионисты являются агентами германского влияния в Азии и ведут в регионе подрывную деятельность¹⁵.

В целом, можно утверждать, что критика проекта создания еврейского национального очага Э. Монтегю занимала исключительное положение в ряду оппозиционных Декларации Бальфура концепций по своим мотивам, содержанию и характеру суждений. Несмотря на относительную конструктивность критики идеологии сионизма и Декларации Бальфура со стороны Э. Монтегю, оценить её однозначно достаточно сложно. Министр по делам Индии либо искренне верил в правоту своих суждений, и тогда он имел весьма ограниченные представления о целях и методах работы ВСО, либо избрал для себя специфический метод политического популизма, реализуя его в виде протестной позиции, либо исполнял функцию по созданию ажиотажа вокруг проекта образования еврейского национального очага.

Литература

1. *Авинери Шл.* Происхождение сионизма. М., 2004.
2. Britain enters into a compact with Zionism, 1917 / Ed. By I. Friedman. N. Y.: Garland, 1987.
3. *Bullard R.* Britain and Middle East. L.: Hutchinson university library, 1964.
4. Cabinet papers, 9 August. 1918. PRO CAB 23/7.
5. *Cohen S.A.* English Zionists and British Jews: The communal politics of Anglo-jewry 1895–1920. Princeton: Princeton university press, 1982.
6. *Klieman A.S.* Foundations of the British policy in the Arab world. The Cairo Conference of 1921. L.: The Johns Hopkins press, 1970.
7. *Laquer W.* History of Zionism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1972.

¹³ Cabinet papers, 9 August. 1918. PRO CAB 23/7.

¹⁴ *Klieman A.S.* Foundations of the British policy in the Arab world. The Cairo Conference of 1921. L.: The Johns Hopkins press, 1970. P. 85–86.

¹⁵ *Laquer W.* History of Zionism... P. 294.

8. Memorandum of Edwin Montagu // Great Britain, Public Record Office, Cab. 24/24, Aug. 23. 1917.

THE PROBLEM OF FORMATION THE JEWISH NATIONAL HOME IN PALESTINE IN MONTAGU'S OPINION

A.V. Shandra

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

Annotation. This article is devoted to outlooks of Montagu, outstanding British political leader of 1920-s, the Secretary of State for India. Basing of original documents there is an analysis of the main positions of his conception which was against the Zionism project, ideology and policy of the Zionist organization. In spite of the fact that Montagu's ideas may unlikely be called original, it is very important to mention their opulence and significance as they demonstrated the ambiguity of the situation during the discussion of the problem about Palestine status for British political elite. Ultimately, Montagu was one of those who foreknew the beginning of the dangerous ethnic and religion conflict in Palestine and examined the main contradiction in the idea of formation the Jewish National Home in the Holy Land.

Key words: *Palestine, World Zionist Organization, policy, ideology.*

Об авторе:

ШАНДРА Антон Владимирович

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра всемирной истории, кандидат исторических наук, e-mail: shandra83@rambler.ru.

About the author:

SHANDRA Anton Vladimirovich

The State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of World History, Candidate of History sciences, e-mail: shandra83@rambler.ru.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94(430). 03.05

БИТВА ПРИ РОКРУА КАК ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ*

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

Аннотация. Статья посвящена одному из важнейших сражений эпохи Тридцатилетней войны – битве при Рокруа 19 мая 1643 г. между французами и испанцами. Автор анализирует как противостояние двух армий, исповедовавших разные тактические принципы, так и полководческое искусство их командующих, особенно Луи де Бурбона, герцога Энгиенского.

Ключевые слова: «военная революция», армия, тактика, стратегия, пикинеры, линейный строй.

В литературе ознаменовавшееся победой французов сражение при Рокруа 19 мая 1643 г. стало символом сокрушительного разгрома испанской армии и началом главы, открывающей историю упадка испанской монархии. Известный французский историк Фернан Бродель отмечал, что «наиболее блестящее столетие Испании подошло к концу после поражения у Рокруа...». Это событие ясно продемонстрировало несостоятельность в новых условиях ренессансной военной школы, когда густые и глубокие построения пехоты, перемещавшиеся параллельными, готовыми сблизиться в битве колоннами, попытались противостоять артиллерии, кавалерии и пехоте, действовавшей в линейных порядках. Оно было противостоянием двух армий, исповедовавших разные тактические принципы. «В пользу Франции сыграли два фактора: превосходство кавалерии и артиллерии – богатого войска и войска богатых... – отметил французский историк Пьер Шоню, – При Рокруа стало очевидно, что испанский боевой строй устарел. Разумеется, кавалерийская атака, которая внезапно смела испанские каре третьей линии, имела свою цену, но каре первых линий дрогнули перед пушкой. Массивность губила их с той же неотвратимостью, что и слабая огневая мощь и уязвимость флангов. Надо было... развернуть пехоту в линию, чтобы давать больше огня, как это делал Густав-Адольф». Действительно, французы использовали свои 12 орудий куда эффективнее, чем испанцы свои 18. Главный вывод Шоню может служить лейтмотивом всей «военной революции» конца XV – начала XVIII вв., который

---

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00270.

заключается в следующем: «С одной стороны, огонь выдвигает на первое место экономическое и техническое превосходство. Линейные порядки требуют гораздо большей координации, а стало быть, более совершенной подготовки людей. Все способствует возрастанию цены и изощренности войны. На смену столкновению орд приходит изощренная игра. Будучи более грамотной, война становится более гуманной»¹.

Тому, как развивались события на поле у Рокруа, и посвящена эта статья.

В конце 1642 г. скончался первый министр Франции кардинал Ришелье. Очень многие в королевстве полагали, что они освободились от тирана, а на улицах Парижа распевали песенки и баллады о триумфальном переходе кардинала в подземный мир: «Он ушел и теперь правит адом, а на страже у него дьяволы с алебардами стоят». Даже тяжелобольной король Людовик XIII заявил, что сейчас, наконец, он почувствовал себя королем. Но уже ближайшее будущее показало, что деяния великого кардинала нельзя было отменить.

В следующем году за Ришелье последовал в мир иной и король. Смерть Людовика XIII, наступившая 14 мая 1643 г., взбудоражила Париж. «Король умер, да здравствует король!». Новому монарху Людовику XIV еще не исполнилось пяти лет. Многие современники предрекали драматические события – ведь испокон веков подданные любой монархии боялись регентства при малолетних королях. На фоне охватившего Европу кризиса и Тридцатилетней войны (1618–1648), требовавшей огромного напряжения людских и финансовых ресурсов Франции, такие предчувствия были очень реальными.

19 мая, когда тело усопшего монарха упокоилось в усыпальнице Сен-Дени, молодой герцог Луи Энгиенский одержал блестящую победу над испанской армией при Рокруа. Перед этим знаменитым сражением он убежденно заявил, что репутации французского оружия не будет нанесен урон в самом начале нового правления. Итоги его подвел новый первый министр кардинал Мазарини: «Это была самая крупная победа, каких давно уже не было». Победителю не было еще и 22 лет. Его блистательный успех оказался исключительно символическим для статуса королевства, прояснив, в первую очередь, умы тех, кто еще сомневался в способности Франции выиграть в войне. Анонимная гравюра тех лет отразила и внутреннее значение битвы при

---

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. Т. 1. М., 1986. С. 451–452; Шоню П. Цивилизация Классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 44–45. Термин «военная революция» взят нами в кавычки, поскольку к XXI в. среди специалистов сформировалось и окрепло эволюционное течение, подвергнувшее сомнению саму идею военной революции. Революция, заключавшаяся не только во внедрении пороха и огнестрельного оружия, но и в трансформации военного дела, не могла длиться ни 350, ни даже 100 лет. Сегодня интерес к дискуссии о военной революции несколько спал, и в последних публикациях о ней говорится мимоходом. См. подробнее: Пенской В.В. Переворот в военном деле Западной Европы конца XV–XVII вв. в новейшей англоязычной историографии // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 152–158.

Рокруа. На ее переднем плане изображены королевская корона на подушечке, на груди сидящего Людовика XIV красуется Орден Святого Духа, а в левой руке, поддерживаемой правой рукой его матери, королевы Анны Австрийской – скипетр. Другой рукой королева держит лавровый венец, рядом стоит младший брат короля герцог Филипп Анжуйский (позже герцог Орлеанский). Позади в дымовой завесе на фоне Рокруа герцог Энгиенский атакует противника в доспехах и в большой шляпе с белыми перьями, как когда-то у деда Людовика XIV Генриха IV Бурбона. Эта картина была призвана сказать о том, что, победив испанскую армию, молодой полководец укрепил регентство и уберег Францию от иностранного вторжения². Отчасти, не поэтому ли много лет спустя король простит его измену и службу Испании? Триумфатор, известный позже как Великий Конде, станет одним из самых знаменитых полководцев Франции XVII в. и, пожалуй, последним олицетворением мятежного духа французской аристократии.

4 декабря 1642 г. чуть ли не на последнем вздохе кардинал Ришелье посоветовал Людовику XIII назначить Луи Энгиенского главнокомандующим армией на северной границе. Это назначение в феврале 1643 г. было получено с сомнительным одобрением. Да, он уже проявил себя в трех кампаниях, но ни в одной из них не имел ответственности, и ни одна из них не имела первостепенного значения. Герцог никогда не видел большой кровавой битвы и к тому же был слишком молод. Но острота военно-политической ситуации требовала неординарных решений. И Мазарини успокоил умирающего короля, поддержав кандидатуру герцога Энгиенского, правда, с оговоркой, что «Месье герцог должен слушаться во всех делах» старого опытного ветерана маршала Л'Опиталья, ставшего генерал-лейтенантом в его армии³.

Положение было следующим. В ноябре 1641 г. скончался штатгальтер Испанских Нидерландов кардинал-инфант дон Фердинанд Австрийский (1609–1641), младший брат испанского короля и французской королевы. Его сменил дон Франсиско де Мело, герцог де Торделагуна. Зимой 1641–1642 гг. Мадрид перебросил туда подкрепления, и в результате кампании 1642 г. позиции испанцев в Нидерландах стали прочны, как никогда прежде. Кульминацией этой кампании стала победа, одержанная Мело 26 мая при Гоннекурте. Французам нельзя было проиграть ни одного сражения, ибо в 1643 г. инициатива в военных действиях находилась на стороне испанцев.

Последние же вполне осознавали, что Франция находится в смятении в силу известных внутренних и внешних причин. Правда, осторожные политики при Мадридском дворе советовали оставить в новой кампании Францию наедине с ее проблемами и сосредоточиться на Республике Соединенных Провинций. Но Мело думал иначе. Франция казалась ему идеальной мишенью. Тяжелое поражение, нанесенное французам в настоящий момент, могло бы

² Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 28.

³ *Louis Joseph de Bourbon Conde (prince de)*, Charles Louis de Sevelinges. *Mémoires pour servir à l'Histoire de la Maison Condé* / Par L.-G. Michaud. T. I. P., 1820. P. 15.

вынудить их просить мира. Позиция дона Франсиско была достаточно обоснованной, тем более, что он нашел понимание у первого министра графа Оливареса.

В битве при Рокруа участвовали 22 000 французов под командованием герцога Энгиенского, освобождавшие город, и 26-тысячная испанская армия дона Франсиско де Мело. Правда, споры о точной численности обеих армий, особенно испанской, продолжаются до сих пор. Количество французских солдат оценивают от 20 (сам герцог Энгиенский) до 23 000 (герцог Омальский), испанских – от 19 до 28 000⁴. Скорее всего, герцог округлял число своих солдат в меньшую, а испанцев – в большую сторону. К тому же французы учитывали численность имперских полков в испанской армии, которые так и не приняли участия в битве.

Намереваясь вторгнуться в Шампань, Мело форсировал реку Маас и 12 мая осадил маленький город Рокруа в 100 км от Брюсселя, «похожий на бульвар с той стороны, где Нидерланды прилегают к нему». С одной стороны города простирались почти непроходимые леса, с другой располагалось болото. Кардинал Ришелье своевременно не позаботился о дополнительном укреплении и снабжении продовольствием затерянного в лесах города. Когда испанцы прибыли туда, один из земляных валов почти обрушился. Рокруа храбро защищал тысячный гарнизон при поддержке 400 ополченцев. Мело осуществлял военные операции вместе с имперскими контингентами генерала Бека – компетентного, хотя и лишённого воображения, офицера. Генералу было приказано занять замок Шато-Рено примерно в 33 км от Рокруа.

Доверив главную армию Франции еще неопытному полководцу, Мазарини рассчитывал, что осторожный маршал Л'Опиталь станет его военным советником, но просчитался. Молодой воин оказался самостоятельным. Достигнув окрестностей Рокруа, на военном совете 17 мая французские военачальники начали дискуссии, затрудняясь с выбором стратегии. Чтобы снять осаду города, необходимо было пройти через узкое дефиле, в котором не могла развернуться превосходная французская кавалерия. И только что были получены известия о смерти короля, что тоже склоняло к осторожным решениям – при неизбежных в начале регентского правления политических интригах Франция не могла позволить себе поражение. Л'Опиталь советовал отказаться от прямой атаки, обойти противника и перерезать его коммуникации. Это вполне могло сработать – многие исторические примеры говорят, что это был достаточно хороший план, даже если бы корпус Бека мешал его осуществлению (такой маневр доказал свою пользу под Фрейбургом в следующем году). Но герцог Энгиенский при поддержке пользовавшегося в армии большим авторитетом лагерного маршала Жана Гассиона, ученика

---

⁴ *Guthrie W.P.* The later Thirty Years War. From the battle of Wittstok to the Treaty of Westphalia. Westport (Connecticut), London, 2003. P. 170; *Stradling R.A.* Spain's struggle for Europe, 1598–1668. London, Rio Grande, 1994. P. 26.

знаменитого полководца и шведского короля Густава II Адольфа, настоял на генеральном сражении.

Личность Гассиона заслуживает, по меньшей мере, еще несколько штрихов. Лагерный маршал был истым воякой и не любил бывать при дворе. Однажды Людовик XIII приказал ему присутствовать на Большой литургии в Королевской Капелле и затем спросил, что он думает о прослушанной музыке. «Сир, – ответил Гассион в добром расположении духа, – шесть барабанщиков и шесть трубачей производят куда больший шум»⁵.

Марш через дефиле содержал немалый риск – даже небольшие силы испанцев могли остановить французов и разбить их в мелких стычках. Там не могла развернуться великолепная кавалерия герцога. Уже 18 мая хорватские аванпосты предприимчивого Мело, наткнувшись на аванград Гассиона, сообщили о приближении французской армии, идущей на помощь Рокруа. Но, вероятно, сам испанский командующий желал генерального сражения, считая, что поражение в большой битве станет более тяжелым ударом для Франции, чем падение небольшой приграничной крепости. И позволил французам приблизиться, послав гонца Беку с приказом немедленно идти на соединение, чтобы успеть к утру. Мело не знал, что Бек, получив приказ уже после наступления темноты, решил не будить своих солдат и покинуть лагерь только утром. Флегматичный немец, знающий, насколько увлекающимся может быть Мело, не поверил, что положение так серьезно. А испанец, ожидая противника, поднимал ставки в этой игре – вместо отражения сил герцога после незначительных стычек он теперь мог полностью уничтожить его армию, ибо дефиле в тылу французов должно было сильно мешать им во время отступления.

Одновременно генералу-ветерану де Фонтену, родившемуся еще в 1575 г. бедным дворянином из Франш-Конте и получившему за долгую верную службу титул графа, Мело приказал строить армию для битвы. Небольшие силы под командованием Суареса остались в лагере, чтобы наблюдать за Рокруа. Обиженный расположением герцога Энгиенского к Гассиону, заносчивый маршал Ла Ферте решил, воспользовавшись моментом, атаковать Суареса и снять осаду самому. Однако после жаркой схватки части немецкой кавалерии де Вера отбросили его назад.

Вечером 18 мая, непосредственно перед наступлением темноты, герцог Энгиенский, обзревая поле битвы, начал приводить свою армию в боевой порядок. А переполняемый нервной энергией Мело провел ночь, обходя боевую линию испанцев, стараясь воодушевить своих солдат и офицеров.

Дон Франсиско возлагал большие надежды на 1 000 пехотинцев, просочившихся в лес, рассчитывая, что засада компенсирует превосходство французской кавалерии. Но около 3 часов утра испанский дезертир сообщил герцогу Энгиенскому и Гассиону о поджидающей их в лесу засаде, добавив, что

---

⁵ *Louis Joseph de Bourbon Conde. Op. cit. P. 17.*

Бек с 5–6 тысячами еще не присоединился к главным силам. И герцог быстро отреагировал, решив разбить Мело до подхода подкреплений. Французы построились в боевой порядок, а отдельный отряд герцог отправил в лес ударить по засаде.

Равнина протяженностью 2 500 метров, на которой произошла битва, располагалась юго-западнее Рокруа. Большой лес находился от нее к юго-востоку, а к северу от равнины протекал ручей Сен-Анна с болотистой долиной, которая могла затруднить боевые действия конницы. Небольшая лощина – исток ручья Руж-Фонтен – пересекала все поле сражения в центре. Правым крылом французов командовал сам герцог (первый эшелон из 10 эскадронов возглавлял Гассион, второй из пяти – сам Луи), левым – Л’Опиталь (первым эшелоном из 8 эскадронов командовал Ла Ферте, вторым из пяти – Л’Опиталь), а центром, где выстроились один за другим два эшелона пехоты – д’Эспинан. Перед пехотой поставили 12 орудий.

Испанская армия была построена зеркально французской – с пехотой в три эшелона в центре и кавалерией в двух эшелонах по флангам. Правда, испанцы сузили свой фронт, уменьшив промежутки между терциями, в итоге масса пехоты выглядела гигантским квадратом. Правым флангом эльзасской кавалерии командовал граф Изенбург, а валлонскими всадниками левого крыла – герцог Альбукерке. Центр состоял из пяти испанских терций (боевых построений, представлявших собой пикинерскую фалангу с аркебузирами в первых двух рядах и пикинерами в задних четырех), одной бургундской и двух итальянских. Справа налево они располагались так: Висконти (итальянская терция), Веландия (испанская), 4 испанские терции, бургундцы и Строцци (итальянцы). Этот эшелон был построен типично для испанцев, каждая терция состояла из 20–25 шеренг по 70–80 человек. Меньшие по количеству батальоны второго и третьего эшелона построились по имперскому образцу в 10 шеренг по 50 человек в каждой. 18 пушек, располагавшихся перед пехотой, были большего калибра, чем у французов. Командующий первым эшелоном старый и больной Фонтен передвигался на носилках, но все равно занял место во главе своих терций. Его храбрость оставалась при нем, но центру не помешал бы более активный предводитель⁶.

Французские пушки открыли огонь в 4 утра, испанцы немедленно ответили, хотя было еще слишком темно, чтобы ясно различать противника. В связи с отсутствием Бека Мело все-таки ощущал некоторую неуверенность и поэтому принял решение вести оборонительный бой до его подхода. А с первыми лучами рассвета 19 мая французская и испанская стороны сцепились друг с другом. В 5 часов утра кавалерийские фланги начали одновременную атаку противника. Сражение было крайне ожесточенным, и вначале французов постигла неудача. На левом крыле храбрый Ла Ферте атаковал слишком быстро,

---

⁶ *Guthrie W.P.* The later Thirty... P. 172–173; *Godley E.* The Great Condé, a life of Louis II de Bourbon, Prince of Condé. L., 1915. P. 41–43.

не приведя в порядок своих всадников, расстроивших ряды на мягкой болотистой земле во время сближения с противником. При этом он мчался на высокой скорости, из-за чего кавалеристы смешались еще больше, и до Изенбурга добралась беспорядочная толпа. А Изенбург вел своих людей в атаку медленной рысью, сохраняя порядок в рядах. В итоге отличный порядок победил беспорядочный порыв – Ла Ферте был ранен и взят в плен, а эльзасская кавалерия погнала первый эшелон французов прямо на их резерв. Л’Опиталь попытался контратаковать, но тоже был дважды ранен, а его эскадроны бежали. Многие полки укрылись в лесу западнее болота. Чтобы развить успех, Изенбург разделил свое крыло – одни эскадроны стали преследовать французский обоз, а остальные были брошены против французской пехоты. В это время терция Висконти пришла на помощь терции Веландии, наступавшей вперед. Часть полков герцога Энгиенского были отброшены назад, французы также лишились нескольких пушек. Казалось, что к 6 утра герцог проиграл битву. Однако недостаток кавалерии не позволил де Мело развить наметившийся успех, а французский полководец не растерялся.

Очевидцы говорили, что герцог Энгиенский проявил настоящие чудеса распорядительности и отваги. Сумев восстановить боевой порядок королевской армии, он пустил в дело свою многочисленную конницу, разгромившую кавалерию противника. На правом крыле бой проходил полностью наоборот. Гассион двинулся через захваченный ранее лес (где засада испанцев была уже ликвидирована), чтобы слева обойти Альбукерке. Тот развернул фронт и отбросил Гассиона обратно, но при этом подставил герцогу Энгиенскому свой фланг. Луи наступал быстрой рысью, не ломая строй, а уничтожившие засаду мушкетеры из леса и Пикардийский полк поддерживали его атаку огнем. Терции Строщи и бургундцев постарались отвлечь на себя пикардийцев. После отчаянного сопротивления испанцы были сокрушены и обратились в бегство, а герцог и Гассион разделили победившее крыло на две группы. Гассион был отправлен в преследование, а герцог нанес удар по центру и правому крылу противника, которые были сметены первым же натиском.

На своем правом крыле Изенбург упорно теснил французскую пехоту. Создавалось впечатление, что она вот-вот будет обращена в бегство. Возможно, он допустил ошибку, атакуя противника во фронт, тогда как герцог Энгиенский добился быстрого успеха атакой с тыла. Фонтен, в свою очередь, упустил удачный момент бросить остальные четыре испанских терции на помощь Веландии. Французский резерв барона Сиро из 800 кавалеристов контратаковал Изенбурга и остановил его. Командующий вторым эшелоном пехоты Лавальер бросил вперед своих солдат. Французы вернули некоторые из потерянных орудий, несмотря на то, что уцелевшие валлоны из разбитого крыла Альбукерке прорвались и соединились с Изенбургом. Сейчас малейшее усилие могло склонить победу на ту или иную сторону. И молодой полководец вихрем пронесся сквозь второй и третий эшелоны центра и, обойдя первый эшелон с севера, внезапно появился в тылу Изенбурга. Л’Опиталь с остатками

кавалерийских частей левого фланга покинул лес, куда он отступил, и атаковал эльзассцев в правый фланг. Изенбург отчаянно сопротивлялся и не оставлял попыток найти выход из положения.

Мело, тем временем, пробился к Висконти, сказав ему: «Я хочу погибнуть здесь вместе с итальянскими синьорами!» Висконти ответил: «Все мы готовы умереть на службе у короля!»⁷. Но обе сражавшиеся терции были наголову разбиты превосходящими силами атаковавших их при непрерывном пушечном огне со всех сторон французов, а Веландия и Висконти погибли. Видя происходящее, Фонтен перестроил оставшиеся у него пять терций в каре. Лучшим выходом для него сейчас было бы выйти из боя и отступить, но он не решился, скорее всего, потому, что смутно представлял себе обстановку на флангах. И еще ветеран питал надежду, что Бек вот-вот появится и спасет ситуацию. Но, в любом случае, между 6.00 и 8.00 испанцы проиграли сражение.

Герцог Энгиенский тоже помнил о Беке, и поэтому перестроил свою армию для атаки каре испанской пехоты. Даже не дожидаясь полной готовности, он бросился вперед, произведя три атаки, которые были отражены свежими терциями, которые были поддержаны огнем всех 18 орудий. Во время одной из атак доблестный Фонтен был убит. Между тем, Мело потерял обоз, и когда в 9.30 утра французский командующий готовил четвертую атаку, его противник был уже окружен и подал сигнал о капитуляции. У испанцев почти закончились боеприпасы, да и оставалось их не более 8 000 человек в строю. Но когда герцог Энгиенский поскакал на переговоры, некоторые солдаты противника ошибочно приняли его эскорт за новую атаку и открыли огонь. Он остался невредим, но его люди бросились в новую атаку, ворвались в ряды противника и устроили резню, которую еле удалось остановить. К 10 утра Испания лишилась элитных полков ветеранов.

С разгромом испанских терций погиб и миф об их непобедимости, хотя победа французов вовсе не выглядела однозначным триумфом. Всего испанцы потеряли 8 000–10 000 человек убитыми и пленными, из них 6 000 пехоты, являвшей собой цвет армии. Согласно другим, очень похожим данным, дон Франсиско де Мело потерял половину своей армии, что составляло 8 000 убитыми и 6 000 пленными, 200 знамен и 60 штандартов. Есть точка зрения, что в это число следует включить 3 826 испанцев, капитулировавших в конце битвы, а убитых среди них было около 1 000. В июле 1643 г. около 2 500 выживших при Рокруа солдат Мело добрались до Фуэнтэрабии.

Герцог Энгиенский в своей реляции объявил о потере всего 2 000 солдат, возможно, скрыв действительную цифру жертв выигранного сражения. Скорее всего, потери французов убитыми и ранеными составили более 5 000 человек. Но там, на месте прошедшего сражения, победители не скрывали своих чувств. Французский полководец приказал солдатам и офицерам поблагодарить Бога за

---

⁷ *Stradling R. A. Spain's struggle for Europe.... P. 27–28; Guthrie W.P. The later Thirty... P. 172–180.*

победу. Тогда гугенот Гассион импульсивно воскликнул: «Месье, Вы сегодня самый победоносный принц в христианстве. Ваша победа – от Бога, и я благодарю его за это». В полдень герцог Энгиенский триумфально въехал в ворота Рокруа⁸.

Нужно заметить, что реляции о сражении при Рокруа основательно отредактировали (в этом процессе непосредственное участие принимал сам Мазарини) для 651 номера французской *la Gazette*, выпускавшейся с 1631 г.⁹ Возможно, испанские источники этого события более достоверны, поскольку испанские потери подтверждаются не только мнением очевидцев, но и финансовыми документами. На самом же деле, битва при Рокруа не была безоговорочным триумфом герцога Энгиенского и не привела к гибели испанской армии. Да, «золотой век» Испании фактически закончился, но еще некоторое время, вплоть до Пиренейского мира 1659 г., она конвульсивными усилиями, и иногда даже очень успешными, пыталась восстановить свой былой военный престиж.

В итоге испанцы проиграли, но обе стороны во время боя проявили равное мужество и стойкость. Для французов это была довольно дорогая победа, а для испанцев – весьма чувствительное поражение. Тем не менее, немалая часть чисто испанской пехоты была сохранена, хотя далеко не все ветераны Рокруа захотели потом продолжить службу. Реальной точкой отсчета, после которой померкла испанская слава, можно считать битву при Дюнкерке 1658 г., и по иронии судьбы испанцами там будет командовать их победитель при Рокруа.

Эта победа стала предметом мощной пропаганды. Она прославила молодого военачальника в Европе, повысила его политическую значимость и авторитет внутри Франции, но, вместе с тем, и обострила его и так непомерное чувство собственного превосходства и ощущение той роли, которую он должен играть на политической и военной сцене. Во Франции она была воспринята не только как счастливое предзнаменование для нового правления, но и усилила влияние при дворе воинственной «партии Конде» в противовес сторонникам мира во что бы то ни стало.

Литература

1. Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. Т. 1. М., 1986.
3. Пенской В.В. Переворот в военном деле Западной Европы конца XV–XVII вв. в новейшей англоязычной историографии // Новая и новейшая история. 2012. № 3.
4. Шоню П. Цивилизация Классической Европы. Екатеринбург, 2005.

⁸ *Louis Joseph de Bourbon Conde*. Op. cit. P. 18–23; *Godley E.* The Great Condé. P. 44–63; *Lynn J.A.* Giant of the Grand Siecle. The French Army 1610–1715. Cambridge, 1997. P. 316.

⁹ См.: *La Gazette*. 1631. P. 121.

5. *Louis Joseph de Bourbon Conde* (prince de), Charles Louis de Sevelinges. *Mémoires pour servir à l'Histoire de la Maison Condé* / Par L.-G. Michaud. T. I. P., 1820.
6. *La Gazette*. 1631.
7. *Godley E.* *The Great Condé, a life of Louis II de Bourbon, Prince of Condé*. L., 1915.
8. *Guthrie W.P.* *The later Thirty Years War. From the battle of Wittstok to the Treaty of Westphalia*. Westport (Connecticut), London, 2003.
9. *Lynn J.A.* *Giant of the Grand Siecle. The French Army 1610–1715*. Cambridge, 1997.
10. *Stradling R. A.* *Spain's struggle for Europe, 1598–1668*. London, Rio Grande, 1994.

THE BATTLE OF ROCROI AS THE TIPPING POINT OF THE THIRTY YEARS WAR

L.I. Ivonina

Smolensk State University, Smolensk

Annotation. The article is devoted to one of the most important battles of the era of the Thirty Years War – the Battle of Rocroi between the French and the Spanish May 19, 1643. The author analyzes as well a confrontation between two armies, professing different tactical principles, as generalship of their commanders, especially Louis de Bourbon, Duke of Enghien.

Keywords: «*military revolution*», *army, tactics, strategy, pikemen, linear system*.

Об авторе:

ИВОНИНА Людмила Ивановна

Смоленский государственный университет, кафедра всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор, e-mail: ivonins@rambler.ru

About the author:

IVONINA Liudmila Ivanovna

Smolensk State University, Department of World History, Doctor of History Sciences, professor, e-mail: ivonins@rambler.ru

НОВЕЙШАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ*

Ю.Е. Ивонин

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

Аннотация. В статье характеризуются основные новейшие исследования в зарубежной историографии о Тридцатилетней войне. Автор анализирует различные точки зрения на Тридцатилетнюю войну в германской, французской и британской исторической науке, уделяя особое внимание работам Шмидта, Малеттке, Кампманна, Арндта, Шиллинга, Ганте, Вильсона, Паркера.

Ключевые слова: *Тридцатилетняя война, немецкая война, европейская война, Вестфальский мир, глобальный кризис.*

В 1996–1998 гг. в Западной Европе, прежде всего в Германии, широко и с размахом отмечали 350-летие окончания Тридцатилетней войны и подписания Вестфальского мира. Самая представительная конференция состоялась в немецком городе Мюнстере в октябре 1996 г., итогом чего стал весьма объемистый труд «Вестфальский мир. Дипломатия, политическая цезура, культурное окружение, история восприятия», в который вошли тексты 40 докладов. В последующие годы редактор этого тома известный немецкий историк Х. Духхардт продолжил издание своих работ по Вестфальскому миру¹. Вестфальский конгресс характеризовался как первый европейский международный конгресс, ставший моделью для будущих дипломатических конгрессов. С тех пор прошло почти два десятилетия. Вскоре будут отмечать 400-летие начала первой общеевропейской войны, т.е. Тридцатилетней войны. За время, прошедшее после юбилея Вестфальского мира, появились новые как обобщающие, так и специальные работы по истории Тридцатилетней войны. В нашу задачу не входит полный обзор этих работ, мы даже не будем обращаться к теме Вестфальской системы международных отношений, потому что нас интересует прежде всего оценка Тридцатилетней войны и Вестфальского мира.

Разумеется, наиболее активно история Тридцатилетней войны изучалась в эти годы в германской историографии. Прежде всего следует упомянуть книгу Г. Шмидта «История Старой империи. Государство и нация 1495–1806», в которой настойчиво проводилась идея комплементарного имперского

---

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-01-00270.

¹ Der Westfälische Friede. Diplomatie, politische Zäsur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte. Hrsg. von H. Duchhardt. München, 1998; *Duchhardt H.* Frieden im Europa im Vormoderne. Hrsg. von M. Espenhorst. Paderborn u.a. 2012; idem. Der Westfälische Friede im Fokus der Nachwelt. Münster, 2014.

государства, т.е. отдельного, состоящего из германских земель, государства в рамках Священной Римской империи. Эта книга подверглась критике со стороны ряда ведущих немецких специалистов, о чем мы уже писали², но для нас интересна в первую очередь оценка Шмидтом Тридцатилетней войны. Эту войну он рассматривает как результат общегерманского кризиса. Шмидт отмечает, что дворянство в Германии укрепило свои позиции по отношению к бюргерству, крестьянство было приведено к покорности, в условиях Конфессионализации церкви не предлагали никакого пути к освобождению. Все это приводило к тому, что люди начали искать виноватых, в итоге Тридцатилетняя война произошла как логическое следствие этих всесторонних обострений. Рассмотрение Тридцатилетней войны как результата экономического и социального кризиса вполне правомерно, но Шмидт оценивает ее как германскую войну, а Вестфальский мир только как основной имперский закон, значительно суживая их общеевропейское значение³. В одной из последовавших за этой книгой статей Шмидт особо акцентирует внимание на конфессиональной окраске большинства листовок во время Тридцатилетней войны, авторы которых обвиняли во всех бедах: соответственно – католики протестантов и наоборот⁴.

Авторы двух книг по истории германо-французских отношений в XVI–XVIII вв. Р. Бабель и Г. Браун, в разное время работавшие в Германском историческом институте в Париже, подчеркивают, что в ходе Тридцатилетней войны со стороны Франции решалась задача создания всеобщего мира в Европе по плану Ришельё с тем, чтобы Франция не оказалась окруженной со всех сторон владениями австрийских и испанских Габсбургов с тенденцией этой династии к универсализму⁵. Известный немецкий специалист по истории Франции и международных отношений XVII в. К. Малеттке, с другой стороны, отмечает, что Вестфальский мир 1648 г. был успешным компромиссом в религиозных противоречиях эпохи и политическим компромиссом в духе идей Ришельё и Мазарини, от которых отошел впоследствии Людовик XIV. Малеттке пишет, что идея универсальной монархии, проводившаяся династией Габсбургов, была реальностью не только для современников Тридцатилетней войны, но и последующих поколений, что служило юридическим оправданием для французской монархии в смысле осуществления военной

---

² Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation 1495–1806. München, 1999; Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время 1495–1806. Т. 1. М., 2004. С. 56–64.

³ Schmidt G. Op. cit. S. 132–192.

⁴ Schmidt G. Das Reich und Europa in deutschsprachigen Flugschriften. Überlegungen zur rasonierenden Öffentlichkeit und politischen Kultur im 17. Jahrhundert. – Europa im 17. Jahrhundert. Ein politischer Mythos und seine Bilder. Hrsg. von K. Bußmann und E. Werner. Stuttgart, 2004. S. 125–126.

⁵ Babel R. Deutschland und Frankreich im Zeichen der habsburgischen Universalmonarchie 1500–1648. Darmstadt, 2005. S. 76–101; Braun G. Von der politischen zur kulturellen Hegemonie Frankreichs 1648–1789. Darmstadt, 2008. S. 9–17.

интервенционистской политики как «справедливой войны». Поэтому неудивительно, что некоторые историки называют войны эпохи Людовика XIV «второй Тридцатилетней войной». Характеризуя политику Франции во время Тридцатилетней войны в Германии, Малеттке отмечает, что Франция поддерживала отношения с противниками Габсбургов в Священной Римской империи с целью ослабления Австрийского Дома⁶.

Один из ведущих в Германии специалистов по истории раннего Нового времени Х. Шиллинг, исходя из во многом им разработанной концепции Конфессионализации, рассматривает Тридцатилетнюю войну как конфессиональный и конституционный кризис, который вследствие активного участия с самого начала Испании сразу же выходил за рамки «немецкой войны», а в результате испано-нидерландской войны и вступления в военные действия Швеции в 1630 г. и Франции в 1635 г. Тридцатилетняя война стала европейской религиозной и межгосударственной войной. Таким образом, внутrichешское столкновение между габсбургско-католической властью и протестантской оппозицией переросло в европейскую войну⁷.

Вместе с тем Шиллинг считает, что европейские религиозные и межгосударственные войны XVII в. практически с самого начала сопровождались попытками восстановления мира с помощью дипломатических контактов, поэтому великие европейские войны были одновременно часами рождения мирной дипломатии Нового времени. Пражский мир 1635 г. оценивается немецким историком как веха на пути всеобщих мирных переговоров не только между императорами и имперскими чинами, но между всеми участниками войн. Европейская война на землях Империи должна была закончиться европейским мирным конгрессом, вследствие чего начались дипломатические контакты со Швецией и Францией, переросшие в мирные переговоры. Вестфальский мир дал образец того, как можно построить согласованный европейский порядок, учитывающий плюрализм европейского общества, развивает дальше свою мысль Шиллинг. Вестфальский мир означал новый европейский порядок на трех уровнях: территориального разделения власти и территориальной конституции Священной Римской империи, разделения влияния в европейской системе государств, имперской религиозной конституции и утверждения религиозно-социологической модели латинского христианства с учетом мировоззренческого разнообразия Европы. Императору и чинам удалось преодолеть конфессиональные противоречия, которые более не влияли непосредственно на внешнюю политику европейских государств⁸.

---

⁶ *Malettke K.* Les relations entre la France et le Saint-Empire au XVIIe siècle. Paris, 2001. P. 9, 13, 32–39, 119; *Malettke K.* Hegemonie – multipolares System – Gleichgewicht. Internationale Beziehungen 1648/1659 – 1713/1714. Paderborn u.a., 2012. S. 11–12.

⁷ *Schilling H.* Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559–1660. Paderborn u.a., 2007. S. 504–509.

⁸ *Ibid.* S. 565–567, 578–579.

В опубликованной в 2008 г. книге другого немецкого историка К. Кампманна «Европа и Империя в Тридцатилетней войне. История европейского конфликта» Тридцатилетняя война рассматривается в первую очередь как крупнейший международный конфликт, в котором переплелись как политические и религиозные конфликты внутри Священной Римской империи, так и международные противоречия в Европе первой половины XVII в. Кампманн критически относится к тенденции рассматривать Тридцатилетнюю войну как «немецкую войну» и Вестфальский мир как национальную трагедию. С самого начала автор подчеркивает, что историю войны 1618–1648 гг. следует описывать как европейский кризис, ставший во второй половине войны окончательно «европейской войной в Германии». Тридцатилетняя война, пишет он, имела транснациональную перспективу и понятной становится только при точном анализе взаимовлияния и взаимодействия европейских политических процессов. Европейский кризис, как совершенно верно считает Кампманн, назревал на рубеже XVI–XVII вв., оказавшись тесно связанным с обострением конфессиональных и политических конфликтов в Священной Римской империи и на ее границах, прежде всего затянувшимся испано-нидерландским конфликтом, который, несмотря на двенадцатилетнее перемирие 1609–1621 гг., грозил перерасти в новую войну. Окончание религиозных войн 1562–1594 гг. и энергичная внешняя политика Генриха IV показали, что Франция вернулась в качестве активного игрока на европейскую арену и вновь выступила против Империи и Испании. Подъем Швеции и ослабление османской угрозы способствовали усилению стремления Габсбургов сосредоточить силы на борьбе с оппозицией в Империи и в родовых владениях династии⁹.

Следует заметить, что Кампманн, может быть, не без оснований делит Тридцатилетнюю войну, что давно принято в зарубежной литературе, на ряд локальных конфликтов, внешне кажущихся отдельными войнами, но образующими в совокупности грандиозный военно-политический и религиозный конфликт, в который были вовлечены практически все государства и политические силы Европы, включая Московское царство, что прекрасно показал еще Б.Ф. Поршнев. Пражский мир между императором и имперскими чинами, как считает автор, только способствовал, в конечном счете, французско-шведскому сближению и заключению военно-политического договора между Францией и Швецией в марте 1638 г.¹⁰ Большое внимание в книге Кампманна уделено начавшимся в 1643 г. Вестфальским переговорам и инициативам дипломатов обеих сторон, которые имели место в тесной связи с ходом военных операций, от исхода которых нередко зависело течение переговоров. В заключительных разделах книги Кампманн подчеркивает, что Вестфальский мир 1648 г. не просто установил конкретную конституционную структуру Империи, но и оказал значительное воздействие на будущие формы

⁹ *Kampmann Chr. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts.* Stuttgart, 2008. S. V. 1–6, 18–33.

¹⁰ *Ibid.* S. 103–127.

европейской политики, а именно на формирование Вестфальской системы европейских международных отношений. Этот мир означал также окончание религиозных войн в Империи, хотя, заметим, элементы конфессионального характера звучали в Семилетней войне 1756–1763 гг. Далее Кампманн рассуждает о том, что те, кто заключал Вестфальский мир, замыслили его как «почетный и вечный», как систему сдержек и противовесов, что делает его актуальным и в наше время в смысле урока, как надо было стремиться к быстрейшему окончанию самой тяжелой войны вплоть до XX в.¹¹

Поток книг, посвященных истории Тридцатилетней войны, становится неиссякаемым. Только схлынула волна публикаций, связанных с 350-летием Вестфальского мира 1648 г., как появились многочисленные исследования, в которых исследуются отдельные конкретные моменты истории Тридцатилетней войны. Вслед за ними издаются книги и сборники обобщающего характера. К ним относится маленькая по формату, но насыщенная фактическим материалом на основе самых последних исследований, книга профессора Мюнстерского университета Й. Арндта. Начав свою книгу с традиционного для немецкой историографии упоминания о том, что Тридцатилетняя война относится к наиболее ужасным событиям германской истории, и кратко охарактеризовав наиболее значительные труды о Тридцатилетней войне, Арндт подчеркивает, что Европа раннего Нового времени представляла собой мультиполярную систему государств, находившихся в постоянных военных конфликтах между собой вследствие реальных и мнимых угроз. Тридцатилетнюю войну немецкий историк воспринимает в первую очередь как возникшую на почве Священной Римской империи европейскую войну, участники которой воевали и в других конфликтах. Тридцатилетняя война возникла и как религиозная война вследствие того, что Аугсбургский религиозный мир 1555 г. являлся явно недостаточным юридическим компромиссом, приведшим к кризису имперской конституции. Наконец, в заключительных разделах книги Арндт отмечает, что Тридцатилетняя война вследствие экономических и демографических факторов и кризиса, начавшегося с 70-х гг. XVI в. (кризис XVII века), стала войной за жизненные ресурсы. Арндт выделяет три основных конфликтных пространства на европейском континенте до и во время Тридцатилетней войны: западноевропейский, в котором основными участниками были Испания, Франция и Нидерланды; верхнеитальянский, где столкнулись интересы Франции, Испании и императоров Священной Римской империи; балтийский, в котором действовали Швеция, Дания и Польша. Верхняя или Северная Италия имела самое непосредственное отношение к событиям Тридцатилетней войны с того времени, как через нее прошли испанские войска для подавления чешского восстания в 1620 г. Польша рассматривалась как составная часть испано-габсбургского католического блока, поэтому позиция Швеция и вообще борьба

---

¹¹ Ibid. S. 152–158, 171–187.

за господство на Балтике во многом зависела от ситуации в Польше и в некоторой степени от отношений Польши с Московским царством, о чем, правда, автор не упоминает¹².

Традиционным для германской историографии является большое внимание к конфессиональному конфликту как одной из главных причин Тридцатилетней войны. Арндт в этом смысле не является исключением, отмечая, что Аугсбургский мир 1555 г. не мог решить проблемы отношений между католиками и протестантами, лишь отсрочив военно-политический конфликт, нараставший на низовом уровне до тех пор, пока противники не накопили достаточно военного потенциала. Подстегивающим открытым религиозно-политическим фактором была Конфессионализация, означавшая тесное взаимодействие и взаимовлияние конфессии, общества и государства, что в последние десятилетия стало привычной парадигмой для немецких историков. Территориальные государства в Германии в это время стали определяться в первую очередь по принятию князьями той или иной конфессии, что неизбежно привело к кризису имперской конституции по мере обострения религиозных противоречий и противоречий между императорами и территориальными князьями, особенно из-за позиции кальвинистских курфюрстов Пфальцских. Немаловажным моментом в причинах Тридцатилетней войны Арндт считает также конфликты в семействе Габсбургов, особенно между братьями Рудольфом II и Матиасом. Характеризуя причины чешского восстания 1620 г., немецкий историк подчеркивает важность роли протестантского «братства», которое именуется нередко как «протестантский интернационализм» и которое сыграло в своем роде провокационную роль в эскалации давно назревшего конфликта. Но, с другой стороны, Арндт вслед за аугсбургским профессором Й. Буркхардтом отмечает, что чешское восстание было результатом конфликта между попыткой Фердинанда II Габсбурга установить абсолютистское правление в Чехии и борьбой чешских сословий за сохранение своих привилегий¹³.

Особо отмечаются в книге немецкого историка подготовительные маневры и переговоры первого министра Франции Ришелье по организации антигабсбургской коалиции. Для нашего читателя будет интересным раздел о войне за Мантуанское наследство в 1628–1631 гг., тесно связанной с событиями в Германии. Интернационализацию Тридцатилетней войны Арндт начинает с политики и высадки в 1630 г. на севере Германии войск шведского короля Густава II Адольфа, хотя фактически она началась раньше. Большое внимание уделено синхронизации действий Франции, Швеции и Нидерландов как важнейшему фактору в победе антигабсбургской коалиции. Достаточно четко изложены основные перипетии продолжавшихся в течение многих лет предварительных переговоров о заключении мира. Отдельной главой в книге

¹² Arndt J. Der Dreißigjährige Krieg 1618–1648. Stuttgart, 2009. S. 10–17, 23.

¹³ Ibid. S. 33–48, 59–70. Cp. Burkhardt J. Der Dreißigjährige Krieg. Frankfurt am Main. 1992, S.85 ff.

Арндта выделены «наблюдения», прежде всего о создании на основе жизни наемников «военного общества», к которому принадлежали не только солдаты и офицеры, но и их жены и дети, а также маркитантки, проститутки и т.д. Интересна информация о повседневной жизни наемников. В книге содержится также описание жизни гражданского населения и влияния войны на экономику и общественную жизнь. Безусловно, было необходимо коснуться вопроса о коммуникациях во время Тридцатилетней войны, особенно «испанской дороги», по которой осуществлялась переброска испанских войск и продовольствия из Испании через Италию и Швейцарию, а далее по течению Рейна в Южные Нидерланды. Арндт справедливо уделяет немалое внимание в своей книге пропагандистской войне между противниками и конфессиями, развернувшуюся в памфлетах и газетах, причем необходимо отметить, что в это время в Германии издавалось газет больше, чем в других странах Европы¹⁴.

В «Заключении» Арндт решительно настаивает на том, что Вестфальский мир был конфессиональным, христианским миром, но не был универсальным и продолжительным миром, так как Франция и Испания воевали до 1659 г., а затем французский король Людовик XIV начал войны, которые в современной литературе часто называют «второй Тридцатилетней войной». Главными результатами войны Арндт считает достижение религиозного мира и восстановление политической системы Священной Римской империи, которая теперь не угрожала своим соседям, благодаря чему сохранялась еще в течение более 150 лет. Еще одним важным следствием Тридцатилетней войны были «секуляризация политического», прагматизм в политике и преобладание права и закона в государстве, экономике и обществе¹⁵. Последнее соображение, конечно, очень оптимистическое, но показательное.

В последнее время Тридцатилетнюю войну стали рассматривать также с точки зрения военной революции, прежде всего как поворотное время, когда произошел переход от наемных армий к постоянным регулярным войскам. В статье под характерным названием «Сумерки кондотьеров. Тридцатилетняя война» Л. Хёбельт акцентирует внимание на том, что Тридцатилетняя война была войной «государствостроительной». Именно то обстоятельство, что без войны и без политики безопасности государство не могло обойтись, а монарх оставался наивысшим судьей. «Огосударствление» армий представляло собой возможность набора и демобилизации войск, что вытекало из опыта Тридцатилетней войны¹⁶.

В современной французской историографии следует выделить книгу К. Ганте «Вестфальский мир (1648), социальная история XVII–XVIII вв.», автор

---

¹⁴ Ibid. S. 181, 192, 197–201, 211–217.

¹⁵ Ibid. S. 228–238.

¹⁶ Höbelt L. Götterdämmerung der Condottieri. Der Dreißigjährige Krieg. – Rückkehr der Condottieri? Krieg und Militär zwischen staatlichem Monopol und Privatisierung: von der Antike bis zur Gegenwart. Hrsg. von S. Förster, Ch. Jansen und G. Kronenbitter. Paderborn u.a., 2010. S. 127–139.

которой расценивает Вестфальский мир не только как территориальный (в средневековой традиции), гражданский (наследие религиозного раскола XVI в.), но так же, как международный, кодифицированный на новом типе права, т.е. международного права, согласно принципам, выведенным выдающимся голландским юристом Гуго Гроцием в трактате «О праве войны и мира». Ганте особенно настаивает на том, что Тридцатилетняя война была религиозной войной. Основной причиной ее было толкование пунктов Аугсбургского религиозного мира 1555 г., предоставлявшего германским князьям право определять религию своих подданных, вследствие чего реальный мир зависел от политической воли наиболее крупных князей Германии – курфюрстов Саксонского и Майнцского, герцогов Вюртембергского и Баварского¹⁷. Характеризуя Вестфальский мир, Ганте пишет, что это был мир «чаши и орла», т. е. религиозный мир, гарантирующий религиозные свободы, т.е. свободу культа и политического единства верующих¹⁸. В «Заключении» Ганте подчеркивает, что опыт решения религиозных конфликтов является важнейшим результатом Тридцатилетней войны и Вестфальского мира. Договоры 1648 г., устанавливавшие правила споров в имперских судах, стали важной вехой в правовой кодификации религиозных различий. Ганте также считает, что Тридцатилетняя война была важным периодом в формировании государства Нового времени. Но в Германии международное право становилось антидотом «государственному интересу», оба они были двумя лицами одного и того же явления. В конечном счете, замечает автор, Вестфальский мир не был «мифом-основателем» непреодолимого упадка Священной Римской империи вплоть до 1806 г.¹⁹

Появившаяся в 2009 г. весьма объемистая книга (997 страниц) английского историка П. Вильсона под названием «Трагедия Европы. История Тридцатилетней войны» может стать классической работой по истории Тридцатилетней войны. Во «Введении» Вильсон сразу же замечает, что обобщающих работ по истории этой войны мало, ибо невозможно изучить литературу и источники на четырнадцати европейских языках. Сам он рассматривает Тридцатилетнюю войну как борьбу за политический и религиозный порядок в Центральной Европе, не давая общий обзор европейского конфликта первой половины XVII в. Вильсон тут даже сравнивает Тридцатилетнюю войну как явление схожее с гражданскими войнами в Британии, Испании и США, или революциями во Франции и России. Он довольно критично относится ко многим прежним и популярным трактовкам истории Тридцатилетней войны и называет эту чрезвычайно сложным событием. Он считает эту войну в целом неотделимой от войны в Империи. Вильсон также утверждает, что война не была в первую очередь

---

¹⁷ Gantet C. La paix de Westphalie (1648), une histoire sociale, XVII–XVIII siècles. Paris, 2001. P. 30–33.

¹⁸ Ibid. P. 213.

¹⁹ Ibid. P. 365–367, 372–373.

религиозной войной, поскольку в ней проявились политические, социальные, языковые, гендерные и другие различия. Важной проблемой была проблема «чужого», которая часто становится предметом исследований в современной историографии. Кроме того, английский историк полагает, что Тридцатилетняя война не была неизбежной, каковой она стала только после эскалации в 1631–1632 гг., тем более, что от Аугсбургского религиозного мира 1555 г. до 1618 г. в Империи было относительное спокойствие, несравнимое с жестокими гражданскими войнами во Франции и Нидерландах после 1560 г. Имперские чины могли благодаря имперской конституции существовать довольно мирно²⁰.

Вильсон в то же время утверждает, что Тридцатилетняя война не была общеевропейским конфликтом, тем более глобальным конфликтом, поскольку даты 1618–1648 гг. имели мало смысла для стран за пределами Центральной Европы, а имперская война не могла быть втянута во всеобщий, глобальный кризис. Характеризуя Вестфальский мир, Вильсон утверждает, что он не закончил все европейские войны и не мог предотвратить конфликты, возникшие позже, т.е. франко-испанская война продолжалась до 1659 г., каталонцы сопротивлялись до 1652 г., а Португалия окончательно стала независимой в 1668 г. Повторяя, правда, многих современных немецких историков, Вильсон пишет, что значение Вестфальского мира состоит не в количестве конфликтов, которые он пытался решить, а в методах и идеалах, которые были использованы для его заключения, почему конгресс и открыл новую главу в европейских отношениях. Вестфальские соглашения продолжили свою жизнь в решениях Венского конгресса 1814–1815 гг., завершившего наполеоновские войны. Вестфальский мир стал рождением нового международного порядка, основанного на взаимодействии суверенных равных (формально) государств. Примечательно, что Вильсон не считает, что Вестфальский мир вывел религию из политики, он только способствовал секуляризации в долговременной перспективе, не став полностью светским миром. Империя оставалась Священной в христианском духе, ибо терпимость была теперь только расширена на кальвинистов, но не на православных, иудаистов и мусульман. Касаясь проблемы разрушений и разорения Германии, Вильсон пишет о «мифе об абсолютном разрушении», который во многом подогревал настроения о компенсации этих страданий и ужасов перед обеими мировыми войнами. Заключительная фраза в книге Вильсона звучит как предупреждение о том, чтобы эти мифы не стали оружием в руках тех, кто чувствует себя призванным богом к войне²¹.

Известный британский историк Д. Паркер, опубликовавший ранее книги по военной революции, истории Тридцатилетней войны, биографии испанского короля Филиппа II, всеобщему кризису XVII в., в своей последней объемистой книге «Глобальный кризис. Война, изменение климата и катастрофа в

²⁰ Wilson P. Europe's Tragedy. A History of the Thirty Years War. L., N.Y. 2009. P. XXI, 4–11, 25.

²¹ Ibid. P. 751–759, 779–781, 850–851.

семнадцатом веке», исходя из своей концепции глобального кризиса, вызванного сильным продолжительным похолоданием, интерпретирует Тридцатилетнюю войну как проявление этого кризиса. Упомянув о том, что в коллективной памяти немцев на примере социологического опроса в земле Гессен в 1962 г. Тридцатилетняя война возглавляла список самых ужасных катастроф, Паркер назвал главу об этой войне «Стенания Германии» и ее соседи, 1618–1648»²². В заключении этой главы Паркер, задавая вопрос, была ли Тридцатилетняя война выдающимся событием в европейской истории или бессмысленным конфликтом, приходит к выводу, что политический баланс в Священной Римской империи усилил власть рейхстага и территориальных правителей, ослабил риск возникновения любой религиозной войны, которая создавала риск вмешательства иностранных государств в имперские дела, в конечном счете, Вестфальский мир создал модель мирного решения конфликтов²³.

Таковы разнообразные оценки Тридцатилетней войны и Вестфальского мира в новейшей зарубежной историографии. Заметны отходы от традиционных точек зрения и устаревших концепций, но еще сохраняются старые подходы.

Литература

1. *Arndt J.* Der Dreißigjährige Krieg 1618–1648. Stuttgart, 2009.
2. *Babel R.* Deutschland und Frankreich im Zeichen der habsburgischen Universalmonarchie 1500–1648. Darmstadt, 2005.
3. *Braun G.* Von der politischen zur kulturellen Hegemonie Frankreichs 1648–1789. Darmstadt, 2008.
4. *Burkhardt J.* Der Dreißigjährige Krieg. Frankfurt am Main, 1992.
5. Der Westfälische Friede. Diplomatie, politische Zäsur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte. Hrsg. von H. Duchhardt. München, 1998.
6. *Duchhardt H.* Frieden im Europa im Vormoderne. Hrsg. von M. Espenhorst. Paderborn u.a., 2012.
7. *Duchhardt H.* Der Westfälische Friede im Fokus der Nachwelt. Münster, 2014.
8. *Gantet C.* La paix de Westphalie (1648), une histoire sociale, XVII–XVIII siècles. Paris, 2001.
9. *Höbelt L.* Götterdämmerung der Condotierri. Der Dreißigjährige Krieg. – Rückkehr der Condottieri? Krieg und Militär zwischen staatlichem Monopol und Privatisierung: von der Antike bis zur Gegenwart. Hrsg. von S. Förster, Ch. Jansen und G. Kronenbitter. Paderborn u.a., 2010.
10. *Kampmann Chr.* Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts. Stuttgart, 2008.

²² *Parker G.* Global Crisis. War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven and L., 2013. P. 211.

²³ *Ibid.* P. 252–253.

11. *Malettke K.* Les relations entre la France et le Saint-Empire au XVIIe siècle. Paris, 2001.
12. *Malettke K.* Hegemonie – multipolares System – Gleichgewicht. Internationale Beziehungen 1648/1659 – 1713/1714. Paderborn u.a., 2012.
13. *Parker G.* Global Crisis. War, Climate Change & Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven and L., 2013.
14. *Schmidt G.* Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495–1806. München, 1999.
15. *Schmidt G.* Das Reich und Europa in deutschsprachigen Flugschriften. – Europa im 17. Jahrhundert. Ein politischer Mythos und seine Bilder. Hrsg. von K. Bußmann und E. Werner. Stuttgart, 2004.
16. *Schilling H.* Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559–1660. Paderborn u.a., 2007.
17. *Wilson P.* Europe's Tragedy. A History of the Thirty Years War. L., N.Y., 2009.

THE CONTEMPORARY FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF THE THIRTY YEARS WAR

Yu.E. Ivonin

Smolensk State University, Smolensk

Annotation: In the article are characterized the main contemporary studies in foreign Historiography of the Thirty Years War. The author analyses the conceptions in German, French and British Historiography, especially the works by Malettke, Arndt, Kampmann, Schmidt, Schilling, Gantet, Parker and Wilson.

Keywords: *The Thirty Years War, German War, European War, Westphalian Peace, Global Crisis.*

Об авторе:

ИВОНИН Юрий Евгеньевич

Смоленский государственный университет, кафедра всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор, e-mail: juri_ivonin@rambler.ru

About the author

IVONIN Yuri Evgenievich

Smolensk State University, Department of World History, Doctor of History Sciences, professor, e-mail: juri_ivonin@rambler.ru

ВЫБОР СОЮЗНИКА: БРАНДЕНБУРГСКИЙ КУРФЮРСТ ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ МЕЖДУ ШВЕЦИЕЙ И ИМПЕРАТОРОМ (1629–1640)*

М.П. Беляев

Российский университет кооперации, г. Мытищи

Аннотация: В статье раскрывается союзная политика бранденбургского курфюрста Георга Вильгельма в годы Тридцатилетней войны. Показаны колебания политики: переход от габсбургского блока к антигабсбургской коалиции и обратно. Делается попытка раскрыть причины такой непоследовательной политики и влияния на курфюрста других государей и его окружения.

Ключевые слова: курфюрст, Бранденбург, Фридрих Вильгельм, Пражский мир, Густав Адольф.

Результат вступления Дании в Тридцатилетнюю войну в 1625 г. был для неё удручающим. В 1626 г. датская армия потерпела сокрушительное поражение, а датский полуостров Ютландия был захвачен имперскими войсками. Условия Любекского мира, заключённого 22 мая 1629 г., однако, были чрезвычайно мягкими для Дании. Ни одна часть королевства не была потеряна. Дания обязывалась не вмешиваться в военный конфликт. За датским королём в Империи оставались только права, которые он имел как герцог Голштинии. Причиной для таких мягких условий был страх императора перед датско-шведским союзом¹. Датский король Кристиан IV вынужден был признать в Любекском мире 1629 г. Реституционный эдикт. Император Фердинанд II в это время был в зените могущества. В Вене приступали к созданию императорского военно-морского флота².

Реституционный эдикт 1629 г. представлял собой угрозу для многочисленных протестантских территорий. Кроме того, в соответствии с содержащимся в этом указе толковании Аугсбургского религиозного мира 1555 г. кальвинисты исключались из числа признанных субъектов имперского права³.

---

* Статья подготовлена за счёт средств гранта РГНФ №14-01-00270.

¹ Lorenz G. Die Dänische Friedensvermittlung beim Westfälischen Friedenskongress // Forschungen und Quellen zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges / Hrsg. K. Repgen. Münster. 1981. S. 32–33.

² Hintze O. Die Hohenzollern und ihr Werk. 500 Jahre vaterlandischer Geschichte. Berlin: von Paul Parey, 1915. S. 170.

³ Preußens Herrscher: Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II / Hrsg. von Kroll Frank – Lothar. München: Beck, 2001. S. 88.

В этот период власть Гогенцоллернов в Бранденбурге достигла своей низшей точки: с 1627 г. страна была занята иностранными войсками⁴. В 1628 г. курфюрсту Бранденбурга Георгу Вильгельму удалось избежать печальной участи Мекленбургских герцогов, лишённых своих владений, благодаря переходу на сторону Габсбургов. Но курфюрст, тем не менее, был обеспокоен вопросом целостности своих владений. По сведениям из императорского двора, Георг Вильгельм стоял у Фердинанда II и у Валленштейна всё ещё «в очень черном списке». Одновременно распространялся слух о том, что герцогство Пруссия может быть возвращено Тевтонскому ордену⁵. В силу Реституционного эдикта 1629 г. бранденбургские епископства и монастыри должны были быть возвращены прежним владельцам⁶. Комиссар Фердинанда II по контролю за исполнением эдикта Каспар фон Квестенберг появился в феврале 1629 г. в Магдебурге и стал требовать возврата монастырей, секуляризованных ранее 1552 г. в Бранденбурге⁷.

Эти факторы использовались энергичным министром курфюрста графом Шварценбергом. Граф не был уроженцем Бранденбурга и происходил из Рейнланда, состоя до этого на службе императора и последнего герцога Клеве. Шварценберг сконцентрировал все дела в своих собственных руках и в 1630 г. сформировал специальный военный совет, компетенция которого распространилась и на невоенную сферу. После 1635 г. все его участники, за одним исключением, были или иностранными дворянами или простолюдинами⁸.

Весной-летом 1629 г. изменилась военная обстановка в Пруссии. Без официального объявления войны император вмешался в шведско-польскую войну. Валленштейн послал войска Ханса Георга фон Арнимо на помощь полякам. В письме Георгу Вильгельму, своему деверю, 29 июля король Швеции Густав Адольф протестовал против нарушения международного права и планов императора по уничтожению религиозных и политических свобод в Империи. Густав Адольф принял решение вторгнуться в Германию. Чтобы освободить его от бремени войны с Польшей, при посредничестве французского дипломата Шарнасе, находившегося с конца мая в Пруссии, начались переговоры о перемирии. 26 сентября 1629 г. в Альтмарке между Швецией и Польшей при посредничестве Франции и Англии было заключено соглашение о 6-летнем перемирии. В Пруссии шведы сохраняли Мемель, Пиллау, Фишхаузен и Лохштедт. Ни о какой реституции по условиям императорского

---

⁴ Carsten F.L. The origins of Prussia. Oxford: The Clarendon press, 1954. S. 179.

⁵ Gebauer J.H. Kurbrandenburg und das Restitutionsedikt von 1629. Halle: Max Niemeyer, 1899. S. 12.

⁶ Neugebauer W. Die Hohenzollern. Bd. 1. Stuttgart: Kohlhammer, 1996. S. 143.

⁷ Gebauer J.H. Op. cit. S. 23–24.

⁸ Carsten F.L. Op. cit. S. 179–180.

Реституционного эдикта теперь не было и речи. Франция также обещала воспрепятствовать возможному восстановлению Тевтонского ордена⁹.

Вынужденное сближение со Швецией предвещало и другие преимущества. Незадолго до подписания Альтмаркского договора курфюрст встречался в Фишхаузене с Густавом Адольфом. Там Георг Вильгельм заводил речь о померанском вопросе, чтобы гарантировать свои интересы при шведском вторжении в Германию. Сближение со Швецией влекло ослабление влияния Шварценберга на курфюрста. Валленштейн, однако, контролировал положение в Бранденбургской марке и Померании и мог в любой момент занять Берлин. Несмотря на эти трудности Георг Вильгельм вернулся в Бранденбург из Кёнигсберга. «Моя невинная страна совсем стала пустыней», – сетовал он, констатируя итоги нашествия армии Валленштейна¹⁰.

С другой стороны, курфюрст не был готов сразу присоединиться к Швеции, после того как Густав Адольф высадился в Германии. Сначала Георг Вильгельм пытался встать на позиции вооруженного нейтралитета, поскольку шведы стояли уже в Неймарке, императорские войска находились ещё в Хафельланде, а войска Католической лиги Тилли – в западной части маркграфства Бранденбург. Но шведы продвигались дальше: в 1631 г. они взяли Альтмарк и Хафельланд. Положение курфюрста становилось все более затруднительным, тем более, что шведы начали сооружать на бранденбургской земле укрепления и свою базу для обеспечения своих операций на юге и юго-западе Империи. Померания, на которую претендовал Бранденбург в случае вымирания династии Грайфенов, была занята шведами. Густав Адольф продвигался к Берлину, вынуждая курфюрста к союзу. 3 (13) мая Густав Адольф с 5 эскадронами кавалерии, 1 000 мушкетеров и 4 неполными полками выдвинулся из Кёпеника на Берлин. Навстречу шведским войскам, окружающим Берлин, их полководцу были отправлены женщины курфюршеского дома! Лишь после того, как дамы побеседовали с королём о хорошей погоде, прибыл курфюрст. Переговоры со стороны курфюрста велись нерешительно. Шведский король был готов прервать переговоры, если бы не вмешательство «всех курфюршеских баб» (курфюрстины, тётки и других), как писал историограф короля Богислав Филип фон Хемниц. Большую роль в достижении соглашения сыграла тётка Георга Вильгельма Луиза Джулиана, вдова пфальцкого курфюрста, лишённого престола¹¹. В результате удалось прийти к соглашению. Густав Адольф получал стратегически важные крепости Шпандау и Кюстрин. Разумеется, не все противоречия между королём и курфюрстом были устранены. Слишком нерешительным был Георг Вильгельм,

---

⁹ Prutz H. Preußische Geschichte. Bd. 1. Stuttgart: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1900. S. 347–348.

¹⁰ Ibid. S. 348–349.

¹¹ Preußens Herrscher... S. 93.

несмотря на родственные отношения со шведским королём, который был женат на сестре курфюрста¹².

Под давлением Георг Вильгельм пошёл на договор со Швецией. Густав Адольф желал бы заключить полный политический союз. Согласно договору курфюрст предоставлял в распоряжение Швеции свои военные ресурсы. Тем не менее, в ходе переговоров курфюрсту удалось сохранить самостоятельность: Бранденбург не был подчинён шведской власти. Право Георга Вильгельма на Померанию было подтверждено, но герцогство находилось в руках шведов. Присутствие шведской армии сопровождалось грабежами, например, во Франкфурте-на-Одере. Два полка бранденбургских солдат не могли защитить курфюрста, и поэтому в июне 1632 г. он уехал в Пруссию¹³.

Курфюрст искал выход из положения в укреплении отношений с Саксонией. Дрезденский двор недоброжелательно относился к шведским заявлениям на мирные предложения императора¹⁴.

Для вооруженного нейтралитета на собственной территории у Бранденбурга отсутствовали ресурсы. Помощь мог оказать союз всех немецких протестантов, созданию которого в своё время противился отец Георга Вильгельма. Курфюрст Саксонии Иоганн Георг в 1631 г. созвал в Лейпциге Протестантский конвент. Была предпринята попытка создать основанную на имперском патриотизме и *немецкой свободе* вооруженную «Третью партию» между противостоящими лагерями. По бранденбургской инициативе на Лейпцигском конвенте протестантов приняли решение об отказе от исполнения Реституционного эдикта¹⁵. Густав Адольф в это время шёл от победы к победе. Узнав о Лейпцигском конвенте, он выступил против идеи вооруженного нейтралитета: «Что же это такая за вещь: нейтралитет? Я не понимаю это». Посланцу из Берлина Густав Адольф говорил: «Здесь спорит Бог и черт. ... Третьего не дано»¹⁶.

Освободив значительные протестантские территории, шведский король формировал собственный союз, в котором он осуществлял свою власть как абсолютный монарх. Летом 1632 г. в Нюрнберге шведские дипломаты пояснили представителям местного муниципалитета, что если их король будет избран когда-нибудь римским королём или императором, то он никогда не смирится с ограничением его власти в Германии¹⁷.

Георг Вильгельм понимал, что честолюбивые замыслы Густава Адольфа, направленные, возможно, на установление континентальной гегемонии, не в полной мере отвечают интересам Бранденбурга. В 1633 г. курфюрст

---

¹² Neugebauer W. Op. cit. S. 144.

¹³ Ibid. S. 144–145.

¹⁴ Koser R. Geschichte der brandenburgisch-preussischen politik. Bd. 1. Stuttgart, Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1913. S. 451.

¹⁵ Neugebauer W. Op. cit. S. 143.

¹⁶ Preußens Herrscher... S. 90.

¹⁷ Koser R. Op. cit. S. 449.

пропагандирует тесный союз протестантских князей Германии, образование, напоминающее конвент в Лейпциге¹⁸. Он оформился в Хейльброннскую лигу. Между представителями курфюрстов Бранденбурга и Саксонии велись переговоры о характере войны – наступательном или оборонительном, причем обе стороны склонялись к первому варианту. Бранденбург также отвергал мирное посредничество Дании между Швецией и императором¹⁹.

К этому времени обстановка в Германии изменилась. Густав Адольф погиб в битве при Лютцене. Командование имперской армией вновь было возложено на Валленштейна, снятого по требованию курфюрстов в 1630 г. Он перешёл в наступление. Хорватские солдаты Валленштейна, славившиеся своей жестокостью, бродили по Бранденбургу. Положение Померании, считавшейся наследственным владением курфюрста, в октябре 1633 г. было угрожающим. Поступали тревожные сообщения о том, что Польша разрешит императорским войскам проход у реки Варта в Померанию. Шведский губернатор Стено Билке и померанский герцог Богислав направили придворного советника Георга Лихтфуса к польскому генералу Станиславу Прциимскому для переговоров. Бранденбург также направил ему письмо с той же самой просьбой о предотвращении прохода. Герцог обратился к канцлеру Оксеншерна с просьбой о помощи в соответствии с условиями Штеттинского союза, заключённого в 1630 г. между герцогством Померания и Швецией²⁰.

После поражения шведов в битве под Нордлингеном в 1634 г. казалось, что антигабсбургская коалиция терпит крах. Саксония заключила с императором Пражский мир, который продемонстрировал поражение протестантских чинов²¹.

Должен ли курфюрст был снова менять фронт после поражения шведов при Нордлингеном? Священнослужители, которых он опрашивал для этого, не выдвигали никаких теологических возражений, сословия, правда, с сильными оговорками, также советовали перейти на сторону сильнейшего. Граф Шварценберг, который в период шведского союза в силу необходимости отошёл на задний план, также порекомендовал курфюрсту перейти на сторону императора²². Последние 5 лет правления курфюрста Георга Вильгельма прошли под знаком укрепления власти всё более непопулярного Шварценберга. Шведы попытались за счёт уступок в померанском вопросе противодействовать переходу Бранденбурга на сторону императора. После некоторого промедления в июне 1635 г. курфюрст всё же присоединился к Пражскому миру 1635 г., под которым уже стояли подписи императора, курфюрста Саксонии и многих

---

¹⁸ Preußens Herrscher... S. 90.

¹⁹ Küsel A. Der Heilbronner Convent. Halle a. S.: Max Niemeyer. 1878. S. 24–25.

²⁰ Bär M. Die Politik Pommerns während des dreißigjährigen Krieges. Leipzig: Hirzel, 1896. S. 101.

²¹ Droysen J.G. Geschichte der preussischen Politik. Bd. 3. Abth. 1. Leipzig: Veit und Comp., 1861. S. 151.

²² Neugebauer W. Op. cit. S. 145.

других имперских чинов. Позже, это решение стали считать тяжелой политической ошибкой Георга Вильгельма²³.

В то же время, по мнению немецкого историка Ф. Пресса, продолжение участия Георга Вильгельма в войне против императора могла привести к потере легитимности владения Бранденбургом части Юлихского наследства. Георг Вильгельм не мог со своей сдержанной политикой знать, чем закончится война²⁴.

В Политическом завещании 1667 г. сын Георга Вильгельма Великий курфюрст Фридрих Вильгельм ссылается на «славный пример» своих предшественников. При этом Великий курфюрст, наверное, не думал о политике своего отца во время Тридцатилетней войны, прежде всего, о присоединении Бранденбурга к Пражскому миру 1635 г. Отказ от проимператорской системы Пражского мира, к которой Георг Вильгельм присоединился под влиянием своего министра графа Адама Шварценберга, был первым независимым политическим шагом молодого курфюрста после его вступления в должность в 1640 г. и после смерти Шварценберга в 1641 г. Поддержка Габсбургов не должна была происходить за счет «немецкой свободы» и за счет протестантской, прежде всего, кальвинистской религии. Это для Бранденбурга было главным, несмотря на все противоречия, которые были у него были в померанском вопросе с протестантской Швецией. В Пражском договоре 1635 г. исключение кальвинистов из религиозного мира было ни в коем случае не приемлемо для Фридриха Вильгельма²⁵.

Но была ли у Георга Вильгельма какая-либо альтернатива? Политика вооруженного нейтралитета? Но для этой игры ва-банк Бранденбург был в военном отношении слишком слаб, политика нейтралитета 1620-х гг. показала его неэффективность²⁶.

После присоединения Бранденбурга к Пражскому миру его армия стала находиться частично под императорским и частично под саксонским командованием и теперь должна была выступить против шведов. Из всей бранденбургской кавалерии у курфюрста оставалось всего 78 человек.

6 октября саксонский курфюрст Иоганн Георг объявил Швеции войну и начал операцию по окружению армии Банера с последующим вступлением в Померанию. Однако, благодаря действиям шведской армии Торстенсона, окружения не получилось. Мекленбург и Померания были снова во власти шведов.

Померанские сословия умоляли Георга Вильгельма взять их под свою защиту, но бранденбургский курфюрст не имел такой возможности и советовал

---

²³ Preußens Herrscher... S. 91.

²⁴ Press V. Kriege und Krisen: Deutschland 1600–1715. Frankfurt am Main: Büchergilde Gutenberg, 1991. S. 356.

²⁵ Schindling A. Der Große Kurfürst und das Reich // Ein sonderbares Licht in Teutschland. Berlin, 1990. S. 63–64.

²⁶ Preußens Herrscher... S. 91.

им придерживаться нейтралитета. В ноябре-декабре 1635 г. шведские войска оттеснили саксонскую армию в Бранденбург²⁷.

Когда шведская армия подошла к Берлину, Георг Вильгельм бежал из своей резиденции, бросив семью на произвол судьбы. Лишь после того как саксонцы прикрыли Берлин, незадачливый курфюрст вернулся обратно. Вероятно, чтобы стереть дурное впечатление от своего бегства, он объявил войну Швеции²⁸. Это произошло 6 января 1636 г. Шведы продолжали продвигаться в Курмарке и одержали победу в Пригнице. В битве при Витштоке 24 сентября 1636 г. саксонские и императорские войска были разгромлены и отступили к Магдебургу и Мейсену. Бранденбург оказался под угрозой оккупации. Курфюрст снова бежал. Он вынужден был спасаться в лаузицкой крепости Пейц²⁹. Георг Вильгельм послал в Берлин маркграфа Сигизмунда. Бранденбургские полки под руководством саксонского генерала Клицинга сократились до нескольких сотен человек. Бранденбургский полковник Конрад Бургдорф в Шпандау требовал денег или хотел уходить. Сословия же вели переговоры со шведами о пребывании шведских войск³⁰.

Шведские войска генерала Врангеля подошли к Берлину. Маркграф был вынужден согласиться на занятие Берлина и Кёльна-на-Шпрее шведами. Врангель требовал только передачи Шпандау, нахождения своих войск в Кюстрине. Дворянство Уккермарки, Пригница, Хафельланда заключало договор со шведами об обязательстве платить контрибуцию³¹.

Георг Вильгельм, находившийся в Пейце, стоял перед необходимостью договариваться со Швецией. Свою супругу и дочерей курфюрст отослал в спокойную Пруссию и мог следовать за ними туда³².

В ноябре 1636 г. в Пейце состоялось совещание тайного совета Бранденбурга, который принял решение отклонить предложение Врангеля о передаче шведам двух крепостей. В ответе шведскому генералу говорилось, что крепости не могут быть предоставлены, так как они принадлежали не курфюрсту, а империи. Пока шли переговоры маркграфа Сигизмунда с Врангелем о перемирии, несколько императорских полков из Силезии объединились с войсками Клицинга и двинулись на Франкфурт. Врангель был вынужден отступить в Померанию³³.

Сразу после заключения Пражского мира император принял решение избрать своего сына, короля Венгрии, победителя шведов при Нёрдлингене римским королём. Он просил саксонского и бранденбургского курфюрстов прибыть на собрание коллегии курфюрстов в Регенсбург. 12 декабря 1636 г.

---

²⁷ *Droysen J.G. Op. cit. S. 158.*

²⁸ *Ibid. S. 159–160.*

²⁹ *Neugebauer W. Op. cit. S. 145–146.*

³⁰ *Droysen J.G. Op. cit. S. 162.*

³¹ *Ibid. S. 163.*

³² *Ibid. S. 164.*

³³ *Ibid. S. 165–166.*

Фердинанд III был избран наследником своего отца. Думали, что вопрос решился столь легко благодаря тому, что Бранденбургу предоставлены определенные гарантии по Померании и Юлиху. Оказалось, что Георг Вильгельм получил императорский патент генералиссимуса. Это льстило его тщеславию, хотя как военный он не мог находиться в седле из-за травмы бедра. Назначение Георга Вильгельма выводило его из подчинения саксонцам, но он ещё более попадал в политическую зависимость от императорского двора, что делало невозможным сближение со Швецией³⁴.

Наконец, на Регенсбургском собрании курфюрстов 1636 г. был установлен имперский налог. Это было неслыханным нарушением имперской конституции, но Георг Вильгельм был союзником императора и не мог позволить себе голосовать иначе³⁵.

С самого начала Пражский мир вызвал в Бранденбурге большое неодобрение. Битва при Витштоке и продвижение войск Врангеля только прибавили симпатий шведам. Шварценберг тянул теперь курфюрста полностью на сторону императора, и пропасть между страной и сувереном только увеличивалась³⁶.

После отъезда курфюрста в Кёнигсберг наместником в Курмарке оставался Шварценберг. Он рекомендовал сместить с поста канцлера и члена тайного совета Гетца – сторонника шведской ориентации. Пфуэль и Лейхтмар также лишились места в совете и покинули страну. Их места не замещались, канцлер и директор тайного совета не назначались³⁷. Шварценберг отодвинул тайный совет, который был во власти местного бранденбургского дворянства, и деспотично управлял с помощью недворянских членов совета. Тайные советники, происходившие из старых бранденбургских родов, в частности, полковник Конрад фон Бургдорф, были оттеснены в сторону. К 1640 г. Тайный совет прекратил функционировать в системе управления Бранденбурга. Шварценберг установил налоги, не консультируясь с сословиями, и использовал войска, чтобы вымогать эти налоги для обслуживания армии. Он запланировал введение налога на предметы потребления, акцизы, однако сословия отклонили это, и только во второй половине столетия это было введено. Комиссариаты, созданные в период правления Фридриха Вильгельма, имели истоки в организации управления, созданной Шварценбергом. Методы правления, использовавшиеся Шварценбергом, впоследствии были восприняты Великим курфюрстом и получили дальнейшее развитие³⁸.

Католик Шварценберг всегда был чужим во враждебной ему лютеранско-кальвинистской среде. Его политика после 1635 г. казалась реалистичной ввиду конфронтации со Швецией из-за Померании. Упреки Шварценбергу в том, что

---

³⁴ Ibid. S. 152, 166–167.

³⁵ Preußens Herrscher... S. 91.

³⁶ Droysen J.G. Op. cit. S. 167.

³⁷ Ibid. S. 167–168.

³⁸ Carsten F.L. Op. cit. S. 179–180.

он пытался разорвать Курмарку в интересах императора и католической партии в Империи, неосновательны. Передовой боец абсолютизма он всегда оставался лояльным династии Гогенцоллернов, защищал интересы Бранденбурга в Померании, несмотря на возражения многих бранденбургских чиновников³⁹.

Цена за смену союзника, тем не менее, была высокой: страна пустела, поля не засеивались, а люди умирали с голоду. После победы шведов при Витштоке (октябрь 1636 г.) они захватили Курмарку, затем в 1637 г. – были вытеснены оттуда. Лишь несколько крепостей (Шпандау, Кюстрин, Пейц) оставались в руках курфюрста⁴⁰.

10 марта 1637 г. умирает последний герцог Померании Богислав XIV. Ещё в период болезни герцога в Померанию курфюрстом был назначен штатгальтер, которым стал дворянин из города Путбус Ф. Вольф. В этой должности он оставался до своей смерти в 1638 г.⁴¹ После смерти герцога Шварценберг привёз из Регенсбурга согласие императора на передачу Померании курфюрсту. Одновременно начиналась подготовка к походу против шведов.

В самой Померании происходило волнение населения, желавшего освободиться от шведов, которые мало заботились о свободах и правах сословий. Померанцы надеялись, что сразу после смерти герцога маркграф Сигизмунд приедет в Штеттин принимать присягу новому суверену и подтвердит прежние привилегии. Шведская сторона возражала против встречи в Штеттине.

Швеция ни в коем случае не оспаривала наследственные права Бранденбурга, но до выполнения шведских претензий (сатисфакции) Померания согласно договору 1630 г. остаётся оккупированной. Но всё же померанские сословия требовали подтверждения своих прав⁴².

С этими заявлениями депутаты сословий прибыли под Кюстрин к курфюрсту. Они объясняли, что нуждались в подтверждении земельного княжеского наследства и территориального суверенитета Бранденбурга над Померанией. В ответ им было объявлено, что договор 1630 г. никогда не признавался бранденбургской стороной, в том числе статья 14, которая перевела Померанию без предварительного согласия герцога в залоговое имущество⁴³.

Для того, чтобы утвердиться в Померании, по мнению Шварценберга, нужна была сильная армия. Он послал Блюменталья на переговоры с императорским двором. Они завершились 12 июня в Праге. Результат заключённого договора Шварценберг охарактеризовал следующим образом: «деньгами императора бранденбургские войска должны быть завербованы».

³⁹ *Neugebauer W.* Op. cit. S. 146–147.

⁴⁰ *Preußens Herrscher...* S. 91–92.

⁴¹ *Шаклеин О.С.* Политика курфюрстов Бранденбурга в отношении Пруссии. «Прусский вопрос» в 1603 – 1660 годах. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. С. 110.

⁴² *Droysen J.G.* Op. cit. S. 169–170.

⁴³ *Ibid.* S. 170.

Значительные денежные средства для вербовки солдат предоставил император⁴⁴.

Но Георг Вильгельм оказался неспособен вернуть утраченное наследство, что вполне объяснимо, учитывая состояние маркграфства к концу его правления. Показателен такой пример: в 1638 г. по плану в Бранденбурге необходимо было поставить под ружьё 25 тыс. человек. Однако удалось набрать, в том числе за счёт гарнизонов крепостей, лишь 9 тысяч, да и те практически сразу разбежались⁴⁵.

Эти войска должны были быть созданы через 3 месяца. В тексте служебной присяги говорилось о том, что они возвратят Померанию её наследному владельцу и будут верны не только курфюрсту, но и императору. Если захват Померании не удавался ему, то император был свободен от своих обязательств; если это удавалось, то это была армия императора, которая возвратила эту страну⁴⁶.

Между тем война приняла новый оборот. Весной-летом 1637 г. императорские войска вступили в Переднюю Померанию. Даже острова Узедом и Воллин попали в руки имперцев. Только в Штральзунде, Грейфсвальде, Анкламе и в мекленбургских портовых городах держались ещё шведские войска. Казалось бы цель похода – возвращение Померании её законному владельцу будет вот-вот выполнена. Однако на других направлениях шведские союзники потеснили бранденбургско-саксонские войска⁴⁷.

В 1639 году шведы захватили Ландсберг, Дризен и Франкфурт. Нельзя было сопротивляться врагам, но и от друзей не было пользы. Император всё больше склонялся к передаче Померании Швеции. Бранденбург, таким образом, должен был оплачивать издержки имперского мира⁴⁸.

Когда 1 декабря 1640 г. Георг Вильгельм умирал, положение в стране было очень неутешительно. Самуэль фон Винтерфельд, когда-то тайный советник, изгнанный Шварценбергом, злословил: «Померания туда, Юлих сюда, мы имеем Пруссию как угря на хвосте, и мы хотим марок также *vermarquetendiren*»⁴⁹.

Боруссианская историография критически оценивает политику Георга Вильгельма. Но в настоящее время произошёл определенный пересмотр оценок его деятельности. Теперь он не столь категоричен. Как высказался немецкий историк А. Готхард, «если политика – это искусство возможного, Георг Вильгельм сделал неплохую политику. Он достиг для страны немного, но как раз то, что возможно»⁵⁰.

---

⁴⁴ Ibid. S. 171.

⁴⁵ Шаклеин О.С. Указ. соч. С. 110.

⁴⁶ Droysen J.G. Op. cit. S. 172–173.

⁴⁷ Ibid. S. 176–177.

⁴⁸ Ibid. S. 187.

⁴⁹ Preußens Herrscher... S. 92.

⁵⁰ Ibid. S. 94.

Это не является заслугой этого курфюрста. Колебания и политические шарахання Георга Вильгельма между двумя воюющими коалициями в Тридцатилетней войне делали Бранденбург не очень-то надежным союзником⁵¹.

Литература

1. *Ивонин Ю.Е.* Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495 – 1806. Т. 1. М.: РКонсульт, 2004.
2. *Шаклеин О.С.* Политика курфюрстов Бранденбурга в отношении Пруссии. «Прусский вопрос» в 1603 – 1660 годах. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
3. *Bär M.* Die Politik Pommerns während des dreißigjährigen Krieges. Leipzig: Hirzel, 1896.
4. *Carsten F.L.* The origins of Prussia. Oxford: The Clarendon press, 1954.
5. *Droysen J.G.* Geschichte der preussischen Politik. Bd. 3. Abth. 1. Leipzig: Veit und Comp., 1861.
6. *Gebauer J.H.* Kurbrandenburg und das Restitutionsedikt von 1629. Halle: Max Niemeyer, 1899.
7. *Hintze O.* Die Hohenzollern und ihr Werk. 500 Jahre vaterlandischer Geschichte. Berlin: von Paul Parey, 1915.
8. *Koser R.* Geschichte der brandenburgisch-preussischen politik. Bd. 1. Stuttgart, Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1913.
9. *Küsel A.* Der Heilbronner Convent. Halle a. S.: Max Niemeyer. 1878.
10. *Lorenz G.* Die Dänische Friedensvermittlung beim Westfälischen Friedenskongress // Forschungen und Quellen zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges / Hrsg. K. Repgen. Münster, 1981.
11. *Neugebauer W.* Die Hohenzollern. Bd. 1. Stuttgart: Kohlhammer, 1996.
12. *Press V.* Kriege und Krisen: Deutschland 1600–1715. Frankfurt am Main: Büchergilde Gutenberg, 1991.
13. Preußens Herrscher: Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II / Hrsg. von Kroll Frank – Lothar. München: Beck, 2001.
14. *Prutz H.* Preußische Geschichte. Bd. 1. Stuttgart: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1900.
15. *Schindling A.* Der Große Kurfürst und das Reich // Ein sonderbares Licht in Teutschland. Berlin, 1990.
16. *Vahtola J.* Brandenburgs Annäherung an Schweden zu Beginn der Regierungszeit Kurfürst Friedrich Wilhelm. 1640 – 1641. Rovaniemi: Pohjoissuomen hist. yhdistys, 1984.

---

⁵¹ *Ивонин Ю.Е.* Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. Т. 1. М.: РКонсульт, 2004. С. 341.

CHOICE OF ALLIES: GEORG WILHELM ELECTOR OF BRANDENBURG BETWEEN SWEDEN AND THE EMPEROR (1629–1640)

M.P. Belyaev

Russian University of Cooperation, Mytishi

Annotation. The article deals with the Allied policy of Brandenburg Elector Georg Wilhelm during the Thirty Years' War. Showing hesitation policy: the transition from Habsburg to block anti-Habsburg coalition and back. Seeks to uncover the reasons for such inconsistent policies and the impact on other sovereigns of the Elector and his entourage.

Keywords: *Elector of Brandenburg, Frederick William, Prague world, Gustavus Adolphus.*

Об авторе:

БЕЛЯЕВ Михаил Петрович

Российский университет кооперации, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, e-mail: babek-han@mail.ru

About the author:

BELJAEV Mikhail Petrovich

Russian University of Cooperation, Department of Theory and History of State and Law, Candidate of History Sciences, e-mail: babek-han@mail.ru

РАЗДЕЛ III. VARIA

УДК 94(395.5)

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РИМА С АРМЕНИЕЙ

А.Р. Панов

Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г.
Арзамас

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства установления контактов армянского царя Артаксия с римлянами на заключительном этапе Сирийской войны. Анализируя информацию источников, автор приходит к выводу, что объединяющей основой для римско-армянского взаимодействия стала борьба против общего противника – Антиоха III, и это взаимодействие, скорее всего, представляло собой провозглашение дружбы и признание римлянами Артаксия в качестве самостоятельного правителя. Однако в последующем отсутствие общих интересов привело к замораживанию контактов вплоть до начала I в. до н.э.

Ключевые слова: *Артаксий (Арташес I), Великая Армения, древний Рим.*

Установление первых контактов Рима с армянами связывается с так называемой Сирийской войной, которая оказала сильное воздействие на развитие римской внешнеполитической деятельности: ее итогом стало крушение мощи царства Селевкидов¹ и усиление римского влияния в Восточном Средиземноморье, что открыло путь к последующей экспансии Римской республики на Востоке. Помимо прочего, одним из последствий войны явилось зарождение римско-армянских отношений.

Источником информации по интересующему нас вопросу служит Страбон. Согласно автору «Географии», два полководца Антиоха III Артаксий и Зариадр управляли армянскими землями по поручению царя (Strabo, XI, 14, 5; 15). Однако после того как Антиох потерпел поражение от Рима, они, «перейдя на сторону римлян, получили независимость, провозглашенные царями (προσθέμενοι Ῥωμαίοις καθ' αὐτοὺς ἐτάττοντο βασιλεῖς προσαγορευθέντες)» (Strabo, XI, 14, 15). Чуть выше Страбон также упоминает, что Артаксий и Зариадр стали царями после поражения Антиоха, и идентифицирует их территориальные владения: Зариадр управлял Софеной, а Артаксию принадлежала «страна вокруг Артаксаты», т.е. Великая Армения (Strabo, XI, 14,

---

¹ По выражению Т. Моммзена, держава Селевкидов «была вычеркнута из числа великих держав» (Моммзен Т. История Рима. Т. I. СПб.: Наука, Ювента, 1997. С. 578).

5). Краткость и недостаточная определенность формулировок Страбона породили немало спорных вопросов, тем более что остальные наши источники умалчивают о каком-либо участии армян в Сирийской войне и послевоенном урегулировании. Безусловно, общая канва повествования Страбона о возникновении Великой Армении имеет исторический характер, и Артаксий (Арташес I) действительно стал основателем династии армянских царей Арташесидов, но сложно определить, какую именно роль играли в этом римляне.

Условия мира после Сирийской войны определялись Апамейским договором 188 г. до н.э., содержание которого достаточно подробно излагают Полибий (XXI, 45), Тит Ливий (XXXVIII, 38–39) и Аппиан (Syr., 38–39)². Римская победа над Антиохом, а также разгром галатов должны были произвести сильное впечатление на государства и племена в Малой Азии, многие из которых поспешили выразить свое благожелательное отношение к римлянам, показавшим свою мощь. К римскому полководцу Гнею Манлию Вульсону, действовавшему в Азии на заключительном этапе войны и самовольно организовавшему победоносную кампанию против галатов, прибывали многочисленные посольства с поздравлениями и дарами (Polyb., XXI, 43; Liv., XXXVIII, 37, 1–6), и реакция римлян на эти знаки уважения, разумеется, была благосклонной. Количество подобных миссий было значительным, поскольку и Полибий, и Тит Ливий говорят обо «всех» или «многих» городах, государствах и народах, особо выделяя лишь посланников Антиоха, галатов и каппадокийского царя Ариарата, который ранее выступал на стороне царства Селевкидов и теперь ожидал решения своей судьбы от римлян.

Очевидно, что выступление Артаксия и Зариадра, произошедшее после сокрушительной для Антиоха битвы при Магнезии, не носило проримского характера, и целью их действий было оформление собственной независимости, так что объединяющей почвой для армяно-римского взаимодействия служило только враждебное отношение к Антиоху. Также едва ли возможно допустить какую-либо причастность римлян к событиям в Армении: мятежные управители сатрапий действовали самостоятельно, рассчитывая только на свои силы. При этом нельзя отрицать, что римские победы в определенной мере способствовали их успеху, поскольку ослабленный Антиох начал утрачивать контроль над окраинами своей державы и не смог предотвратить отпадение северных областей.

После открытого выступления против своего бывшего сюзерена Артаксий и Зариадр были заинтересованы в признании своего положения со стороны Рима, так как это являлось средством легитимизации их власти на

---

² Об Апамейском договоре см.: McDonald A.H. The Treaty of Apamea (188 B.C.) // The Journal of Roman Studies. 1967. Vol. 57. № 1/2. P. 1–8; McDonald A.H., Walbank F.W. The Treaty of Apamea (188 B.C.): The Naval Clauses // The Journal of Roman Studies. 1969. Vol. 59. № 1/2. P. 30–39.

международном уровне, а кроме того – установление дружественных отношений с римлянами могло в идеале стать гарантией римской поддержки в случае каких-либо антиармянских посягательств со стороны Селевкидов, хотя на практике добиться этого было крайне сложно. Вероятнее всего, инициатива установления контактов исходила именно от армян, что в сочетании с разрывом их отношений с династией Селевкидов вполне могло восприниматься как переход на сторону римлян.

С другой стороны, римляне в своем продвижении на Востоке также охотно вступали в отношения с государствами, оказывавшимися в сфере их расширяющихся интересов, тем более что в рассматриваемый период они использовали маску защитников свободы и независимости греческих полисов и малых эллинистических государств против агрессии со стороны «великих держав» – Македонии и царства Селевкидов. При этом, разумеется, римляне не горели желанием обременять себя обязательствами к новоявленным партнерам. Основной формой установления отношений с новыми контрагентами было состояние дружбы, которая не обязательно предусматривала наличие письменного договора и предполагала лишь невраждебные отношения³. Такая дружба (*amicitia*) была самой ранней и достаточно слабой формой поддержания контактов Рима с другими странами, и хотя она имела тенденцию к закреплению связей подписанием союзного договора, сама по себе дружба обычно не накладывала каких-либо союзных обязательств.

Хотя в научной литературе высказываются предположения, что статус Артаксия и Зариадра как царей был зафиксирован в рамках Апамейского договора⁴, источниками это никак не подтверждается. Гораздо более вероятно, что представители Артаксия и Зариадра были среди тех безымянных посланников, которые упоминаются Полибием и Ливием. Исходя из общей внешнеполитической практики римлян, можно полагать, что какие-то договоренности существовали, причем не обязательно они имели письменную форму. По мнению С.Д. Литовченко, было заключено устное соглашение о дружбе, предусматривавшее лишь дружественный нейтралитет, а не союзный договор⁵, и это представляется вполне правдоподобным.

С установлением отношений с римлянами связан и вопрос о наделении Артаксия и Зариадра царским титулом. Нужно заметить, что наиболее обширные возможности для установления и поддержания римского контроля над теми или иными государствами давало право утверждения монарха. При

---

³ *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220 – 146 годах до н.э. М.: Греко-латинский Кабинет, 1993. С. 227–28; *Kallet-Marx R.* Hegemony to Empire: The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1995. P. 185.

⁴ *Toutanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Washington: Georgetown University Press, 1963. P. 74; *Лэнг Д.* Армяне. Народ-созидатель. М.: Центрполиграф, 2008. С. 146.

⁵ *Литовченко С.Д.* Римско-армянские отношения в I в. до н.э. – начале I в. н.э.: Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Харьков, 2003. С. 56.

этом принципиально можно выделить две формы признания власти правителя: после того, как он заявил о своих властных полномочиях, и до того. В первом случае претендент самостоятельно занимал престол путем наследования или захвата и утверждал свою власть принятием соответствующего титула, после чего Риму предоставлялось право признать занявшего трон правителя *post factum*. Вторая форма предполагает наделение претендента властными полномочиями с римской стороны: фактически в этом случае римляне даже не признавали, а назначали правителя, который не мог без римской санкции использовать титулы, и тем самым он изначально оказывался в зависимости от Рима.

Очевидно, что акт признания царями Артаксия и Зариадра можно отнести именно к первому типу: они самостоятельно провозгласили себя царями и действовали как независимые правители⁶. Страбон в одном из своих пассажей использует форму глагола *προσαγορεύω* (*προσγορεύθεντες*), говоря об отношении к ним римлян, что означает, что Артаксий и Зариадр были названы царями, приветствованы в качестве царей (XI, 14, 15); в другом же месте античный автор пишет о них как о царях, никак не связывая это с римлянами, а упоминая лишь о поражении Антиоха (XI, 14, 5). Безусловно, для возвышения Артаксия и Зариадра ключевым действием было их выступление против сюзерена и способность силой утвердить свою власть: именно таким образом происходило обычно формирование новых династий в эллинистическую эпоху, причем сами Селевкиды не являлись исключением⁷. Царская доблесть проявлялась с помощью силы, в чем преуспели Артаксий и Зариадр, а власть, созданная победой, могла исчезнуть при поражении, как это и произошло с Антиохом. Показательно, что Страбон после того как обозначает Артаксия и Зариадра в качестве царей, рассказывает об их завоеваниях и расширении владений за счет соседних народов (XI, 14, 5).

По отношению к собственным подданным Артаксий и Зариадр своими силами утвердились во властном положении, и следующим их шагом было получение признания со стороны других государств, для чего они и обратились к римлянам. Несмотря на то, что ряд исследователей допускают участие сената в формальном признании армянских правителей⁸, вполне возможно, что римская позиция ограничилось волеизъявлением Манлия Вульсона, который приветствовал Артаксия и Зариадра в качестве царей, что означало одобрение их

---

⁶ *Habicht C.* The Seleucids and their rivals // *The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. VIII.* Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 351.

⁷ Подробнее см.: *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985. С. 13–14.

⁸ *Asdourian P.* Die Politischen Beziehungen zwischen Armenien und Rom von 190 v.Chr. bis 428 n.Chr. Venice: Mechitaristenbuchdruckerei auf San Lazzaro, 1911. S. 12; *Patterson L.* Rome's Relationship with Artaxias I of Armenia // *The Ancient History Bulletin.* 2001. Vol. 15. № 4. P. 154.

действий. Для римлян это было логично, поскольку поступая таким образом, они следовали своему курсу на ослабление царства Селевкидов⁹.

Тем самым, произошедший контакт был чем-то вроде обмена любезностями по поводу успехов против общего противника: армянские правители должны были поздравить римлян с победой, а те, в свою очередь, могли выразить свое благосклонное отношение к выступлению Артаксия и Зариадра и признать легитимность их власти. Предположение о том, что Артаксию и Зариадру требовалось получить также санкцию сената, для чего было отправлено армянское посольство в Рим¹⁰, никак источниками не подтверждается и выглядит довольно натянутым. Более того, в свете того, насколько самовольными воспринимались действия Манлия Вульсона, который решился напасть на галатов без разрешения сената, за что был подвергнут острой критике со стороны своих легатов и лишь с большим трудом отстоял право на триумф¹¹ (Liv., XXXVIII, 45–50), его установление дружбы с армянами вполне могло быть обойдено молчанием при обсуждениях в сенате.

Объективно ни та, ни другая стороны не были готовы к углублению сотрудничества, коль скоро с окончанием войны с Антиохом их интересы мало что связывало. Л. Паттерсон считает, что после установления первых контактов римляне хотели отвести Армении такую же роль как, например, Пергаму и Каппадокии – поддержание баланса сил в регионе для обеспечения стабильности¹², но с этим мнением трудно согласиться. Бесспорно, если говорить о последних десятилетиях Республики и периоде Империи, то Армения, действительно, имела ключевое значение в римской восточной политике, став составной частью римско-парфянского противостояния, но применительно к началу II в. до н.э. нет оснований полагать, что римляне связывали с новообразованным Армянским царством свои внешнеполитические планы. Риму в Малой Азии пришлось быть втянутым в сложный клубок межгосударственных противоречий с большим числом участвующих сторон, и вплоть до создания провинции Азия римляне избегали прямого участия в конфликтах, отводя себе роль верховного арбитра как во время войн, так и в послевоенном устройстве. Долгое время римляне действовали не слишком активно: например во время Первой Вифинской и Понтийской войн их позиция была не вполне ясной и определенной: сенат ограничивался отправкой дипломатических миссий для

---

⁹ Frankfort T. Le Sophène et Rome // *Latomus*. 1963. T. 22. Fasc. 2. P. 182; Traina G. Épisodes de la rencontre avec Rome (IIe siècle av. J.-C. – IIIe siècle ap. J.-C.) // *Iran and the Caucasus*. 1999/2000. Vol. 3/4. P. 61.

¹⁰ Asdourian P. Op. cit. S. 12.

¹¹ Флор вообще утверждает, что в триумфе ему было отказано (I, 27). Подробнее об этом обсуждении в сенате и его значении см.: Pittenger M.R.P. *Contested Triumphs: Politics, Pageantry, and Performance in Livy's Republican Rome*. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2008. P. 215–228.

¹² Patterson L. Op. cit. P. 155.

выяснения положения дел и последующего урегулирования конфликта¹³, не прибегая к силовому вмешательству. И если в отношении Пергама, Каппадокии, Вифинии, Понта мы имеем свидетельства об их устойчивых контактах с Римом на протяжении II в. до н.э., то развитие римско-армянских отношений вплоть до правления Тиграна II нашими источниками никак не освещается, что может свидетельствовать об их незначительной интенсивности.

Кроме уже упомянутых сведений Страбона, в работах античных авторов сохранилось еще несколько упоминаний об Артаксии, но без какой-либо привязки к отношениям его с Римом. Во-первых, армянский царь стал участником договора 179 г. до н.э., подведшего итоги Понтийской войны, о чем сообщает Полибий: по его словам, «в договор внесены были из владык азиатских Артаксий, правитель большей части Армении» (XXV, 2, 12–13). О позиции по ходу войны армянского царя и других нижеупомянутых греческим историком правителей и городов ничего не сообщается, что породило различные интерпретации¹⁴, однако в любом случае римляне не приняли прямого участия в мирном урегулировании, и сам договор оценивается как чисто эллинистический, без заметного римского влияния¹⁵.

Во-вторых, около 165 г. до н.э. Антиох IV Эпифан выступил против армянского царя Артаксия и добился военных побед, которые, впрочем, не означали крушения Армянского царства (App., Syr., 45). Никакой реакции римлян на это не последовало: очевидно, что римские интересы не были задеты данным столкновением, тем более что условия Апамейского мира Армении не касались, и обвинить Селевкида было не в чем. Л. Паттерсон полагает, что римляне сознательно отказались вмешаться ввиду агрессивности армянского царя, проявленной им ранее¹⁶, но это объяснение отнюдь не бесспорно. Хотя из «Географии» Страбона можно узнать, что экспансия Артаксия развивалась и в направлении царства Селевкидов (XI, 14, 5), в данном военном конфликте роль нападающей стороны принадлежала все же Антиоху IV. Такой же пассивной

---

¹³ Габелко О.Л. Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 141.

¹⁴ Например, К.М. Колобова считает, что участники договора поддерживали Фарнака (Колобова К.М. Фарнак I Понтийский // Вестник древней истории. 1949. № 3. С. 35); А.И. Болтунова, напротив, полагает, что они действовали против понтийского царя (Болтунова А.И. Греческие надписи Армавира // Известия Армянского филиала Академии наук СССР. 1942. № 1–2 (15–16). С. 49). Наиболее распространенным все же является мнение, что цари и города, названные в соглашении, выступали в качестве гарантов его выполнения, сохраняя нейтралитет во время войны (Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 273; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996. С. 82; Молев Е.А. Политическая история Боспора в период эллинизма (III – пер. пол. I в. до н.э.): Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Нижний Новгород, 1994. С. 234).

¹⁵ Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1984. P. 554.

¹⁶ Patterson L. Op. cit. P. 159–160.

была позиция римлян и во время армяно-каппадокийского столкновения, произошедшего около 163 г. до н.э.

В-третьих, Страбон и Плутарх рассказывают, что Ганнибал после бегства от Антиоха нашел приют в Армении и принимал участие в основании Арташаты (Strabo, XI, 14, 6; Plut., Luc., 31). Хотя этот факт и может быть поставлен под сомнение¹⁷, показательное отсутствие в источниках каких-либо суждений относительно реакции римлян на подобное поведение Артаксия.

Наконец, нужно обратить внимание на то, что при описании римско-армянской войны, завершившейся капитуляцией Тиграна II в 66 г. до н.э., нигде не упоминается о том, что предшественники этого армянского царя находились в состоянии дружбы с римским народом, хотя античные авторы, рассказывая о взаимоотношениях римлян с другими государствами, обычно не опускали подобные детали: например, Аппиан применительно к Митридату VI обращает внимание, что и сам Митридат, и его отец имели статус друзей Рима (Mithr., 10, 12).

Такое полное молчание источников относительно развития римско-армянских отношений после установления первых контактов едва ли является случайностью, и скорее всего это отражает действительное положение вещей: в течение последующего столетия соприкосновение интересов Рима и Армянского царства отсутствовало, что и не позволяло их взаимоотношениям эволюционировать в сторону сближения. Вполне можно согласиться с тем, что географическая удаленность Рима и Великой Армении и отсутствие общих интересов привели к прекращению прямых римско-армянских отношений¹⁸. Лишь образование державы Тиграна II, поглотившей даже остатки царства Селевкидов, не могло не обеспокоить Рим, и потому армяно-римское столкновение неизбежно наступило.

Таким образом, хотя установление прямых армяно-римских отношений датируется началом 80-х гг. II в. до н.э., значение этого факта не стоит переоценивать, поскольку декларирование состояния дружбы имело формальный характер, и это не наложило сколько-нибудь заметного отпечатка ни на римскую восточную политику, ни на дальнейшее развитие Армянского царства. Сближение Рима и Армении было кратковременным, в рамках борьбы против одного и того же противника – Антиоха III. Разумеется, основной удар по державе Селевкидов нанесли римляне, и самопровозглашенным армянским правителям необходимо было выразить уважение Риму и получить одобрение своего выступления против Антиоха, что и было сделано. Кроме этого,

---

¹⁷ Впрочем, обычно данная информация все же не воспринимается как однозначно недостоверная, и этот эпизод упоминается в работах, посвященных как Ганнибалу, так и истории Армении (Кораблев И.Ш. Ганнибал. М.: Наука, 1976. С. 320–321; Hoyos D. Hannibal's Dynasty: Power and Politics in the Western Mediterranean, 247–183 BC. New York: Psychology Press, 2005. P. 206; Chahin M. The Kingdom of Armenia. A History. Abingdon: Routledge, 2013. P. 193).

¹⁸ Литовченко С.Д. Указ. соч. С. 57.

оснований для укрепления связей не просматривалось, что и привело к консервации армяно-римских отношений вплоть до начала I в. до н.э.

Литература

1. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985.
2. Болтунова А.И. Греческие надписи Армавира // Известия Армянского филиала Академии наук СССР. 1942. № 1–2 (15–16).
3. Габелко О.Л. Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства // Вестник древней истории. 2005. № 4.
4. Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220 – 146 годах до н.э. М.: Греко-латинский Кабинет, 1993.
5. Колобова К.М. Фарнак I Понтийский // Вестник древней истории. 1949. № 3.
6. Кораблев И.Ш. Ганнибал. М.: Наука, 1976.
7. Литовченко С.Д. Римско-армянские отношения в I в. до н.э. – начале I в. н.э.: Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Харьков, 2003.
8. Лэнг Д. Армяне. Народ-созидатель. М.: Центрполиграф, 2008.
9. Молев Е.А. Политическая история Боспора в период эллинизма (III – пер. пол. I в. до н.э.): Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Нижний Новгород, 1994.
10. Моммзен Т. История Рима. Т. I. СПб.: Наука, Ювента, 1997.
11. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996.
12. Asdourian P. Die Politischen Beziehungen zwischen Armenien und Rom von 190 v.Chr. bis 428 n.Chr. Venice: Mechitaristenbuchdruckerei auf San Lazzaro, 1911.
13. Chahin M. The Kingdom of Armenia. A History. Abingdon: Routledge, 2013.
14. Frankfort T. Le Sophène et Rome // Latomus. 1963. T. 22. Fasc. 2.
15. Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1984.
16. Habicht C. The Seleucids and their rivals // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
17. Hoyos D. Hannibal's Dynasty: Power and Politics in the Western Mediterranean, 247-183 BC. New York: Psychology Press, 2005.
18. Kallet-Marx R. Hegemony to Empire: The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1995.
19. McDonald A.H. The Treaty of Apamea (188 B.C.) // The Journal of Roman Studies. 1967. Vol. 57. № 1/2.
20. McDonald A.H., Walbank F.W. The Treaty of Apamea (188 B.C.): The Naval Clauses // The Journal of Roman Studies. 1969. Vol. 59. № 1/2.
21. Patterson L. Rome's Relationship with Artaxias I of Armenia // The Ancient History Bulletin. 2001. Vol. 15. № 4.

22. *Pittenger M.R.P.* Contested Triumphs: Politics, Pageantry, and Performance in Livy's Republican Rome. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2008.

23. *Toumanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Washington: Georgetown University Press, 1963.

24. *Traina G.* Épisodes de la rencontre avec Rome (IIe siècle av. J.-C. – IIIe siècle ap. J.-C.) // Iran and the Caucasus. 1999/2000. Vol. 3/4.

25. *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford: Oxford University Press, 1979.

THE ESTABLISHMENT OF POLITICAL RELATIONSHIP BETWEEN ROME AND ARMENIA

A.R. Panov

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

Annotation. In the article the circumstances of establishment of contacts between Armenian king Artaxias and Romans on the final stage of Syrian war are investigated. Analysing information of our sources, the author comes to the conclusion, that basis for Roman-Armenian cooperation was a struggle against a general opponent – Antiochus III, and this cooperation, probably, was the proclamation of friendship and Roman recognition of Artaxias as an independent ruler. Subsequently the absence of joint interests resulted in suspension of contacts up to beginning of I B.C.

Keywords: *Artaxias (Artashes I), Great Armenia, ancient Rome.*

Об авторе:

ПАНОВ Александр Ростиславович

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра всемирной истории, доктор исторических наук, e-mail: panov_alexandr@mail.ru

About the author:

PANOV Aleksandr Rostislavovich

The State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of World History, Doctor of History sciences, e-mail: panov_alexandr@mail.ru

УДК 94(37)

**ALEXANDRIA AD AEGYPTUM/IN AEGYPTO: О НЕКОТОРЫХ
АСПЕКТАХ ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДА РИМСКИМИ АВТОРАМИ В
СЕРЕДИНЕ I В. ДО Н.Э. – НАЧАЛЕ II В. Н.Э.***

М.С. Чисталев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

Аннотация. В статье рассматривается восприятие римскими авторами Александрии как самодостаточного, отделенного от остального Египта, города, интеллектуальной столицы эллинистического мира и одновременно Александрии как неотъемлемой части Египта, которая порой являлась синонимом государства в целом. Отмечается, что восприятие Александрии как синонима Египта преимущественно связано с событиями противостояния между Антонием и Октавианом, что нашло свое отражение в римской литературе конца I в. до н.э. – I в. н.э.

Ключевые слова: *Древний Рим, Египет, Александрия, восприятие иноземной культуры.*

История Египта римского периода – обширная тема, представленная многочисленными исследованиями, хронологически охватывающая около пяти веков: от поздней республики до утверждения христианства в Римской империи. Однако, вплоть до второй половины XX в. в зарубежном антиковедении не было специальных работ, посвященных формированию образа «чужой» культуры в римском обществе. Вопросы кросс-культурных коммуникаций между Египтом и Римом, несмотря на очевидную популярность среди историков, продолжали рассматриваться преимущественно с позиции проникновения культов Исиды и других египетских богов в Рим, и лишь начиная с 1980-х гг. стали появляться труды, посвященные отдельным аспектам формирования образа египтян в римском обществе.

Новый этап интереса к теме взаимоотношений между Египтом и Римом, начавшийся в середине 1990-х и продлившийся вплоть до начала 2000-х гг., внес немалый вклад в изучение межкультурных контактов между Египтом и Римом, поставив под сомнение целый ряд устоявшихся концепций и интерпретаций¹. Тем не менее, в историографии крайне незначительное число

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Международный конкурс РГНФ – Государственный комитет по науке Министерства образования Республики Армения 2014 “Цивилизационные и кросскультурные аспекты формирования римского мира в период перехода от республики к

работ посвящено изучению образа Египта в римской литературе. Примечательно, что большая часть исследований по данной тематике увидела свет в периодических изданиях и сборниках статей, что еще раз подчеркивает отсутствие масштабных исследований в этом направлении. Из последних работ можно выделить статьи К. Бертхелот², Х. Мэхлера³ и С. Нимиса⁴. К. Бертхелот и С. Нимис исследуют, прежде всего, представления о Египте в римской литературе, а также стереотипы, заложенные греческими авторами, но, в отличие от К. Бертхелот, С. Нимис делает главный акцент на образе царицы Клеопатры. Наиболее фундированной является работа Х. Мэхлера, который концентрирует свое внимание на образе Египта в римской поэзии и анализирует влияние пропаганды Октавиана на римских авторов I–II вв. н.э.

В целом, несмотря на различие в концептуальных подходах к изучению римского восприятия Египта и египетской культуры, можно выделить несколько общих ключевых моментов. Во-первых, особое влияние на формирование римских представлений о египетской культуре оказывала греческая традиция, особенно в том, что касалось истории Египта⁵. Во-вторых, в римской литературе Египет часто рассматривался через призму переломных событий второй половины I в. до н.э., а именно: убийства Помпея, отношений Клеопатры с Цезарем и Антонием, битвы у м. Акций и завоевания Египта Октавианом. Третьим не менее важным аспектом является неприятие традиционных зооморфных египетских верований. Египетские культы животных подвергались постоянным нападкам и резко осуждению со стороны римских авторов, что непременно привлекало внимание читательской аудитории, учитывая в целом одинаковое отношение к зооморфным культам в античном мире⁶. Наконец, четвертым аспектом можно считать увлечение

принципату»», проект № 14-21-20003. Работа также частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

¹ Например, С. Такаш, рассматривая проблему интеграции культа Исиды в римскую религиозную систему и утверждение Исиды и Сераписа в качестве государственных богов Рима, развенчала мнение о том, что консервативные круги Рима, опекавшие традиции римской религии, старались всячески препятствовать укреплению влияния культа Исиды (*Takács S.A. Isis and Sarapis in the Roman world. Leiden, 1997*).

² *Berthelot K. The Use of Greek and Roman Stereotypes of the Egyptians by Hellenistic Jewish Apologists, with Special Reference to Josephus' Against Apion // Internationales Josephus-Kolloquium Aarhus 1999 / Hrsg. J.U. Kalms. Münster, 2000. P. 185–221.*

³ *Maehler H. Roman poets on Egypt // Ancient perspective on Egypt / Ed. R. Matthews, C. Roemer. L., 2003. P. 203–216.*

⁴ *Nimis S. Egypt in Greco-Roman history and fiction // Journal of comparative poetics. 2004. Vol. 24. P. 34–67.*

⁵ *Vasunia P. The Gift of the Nile: Hellenizing Egypt from Aeschylus to Alexander. Berkeley, 2000; Gruen E.S. Rethinking the Other in Antiquity. Princeton, 2010. P. 76–114.*

⁶ Об отношении к египетским зооморфным культам в античном мире см.: *Hemelrijk E.A., Smelik K.A.D. Who knows not what monsters demented Egypt worships? Opinions on Egyptian animal worship in Antiquity as part of the ancient conception of Egypt // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Tl. II. Bd. 17.4. B., N. Y., 1984. P. 1852–2000; Sonnabend H. Fremdenbild*

египетской культурой как восточной экзотикой, следствием которой явилось широкое распространение египетских и египтизированных предметов и артефактов не только на территории Рима и Италии, но и всей Римской империи⁷.

Таким образом, исходя из характера выбранной темы, задача данной статьи – на основе литературных источников исследовать восприятие римскими авторами Александрии как самостоятельного, отделенного от остального Египта, города, интеллектуальной столицы эллинистического мира и одновременно Александрии как неотъемлемой части Египта, которая порой являлась синонимом государства в целом, учитывая, что подобное двойственное восприятие Египта сохранялось на протяжении всего периода существования Римской империи⁸.

Фактически в римском обществе представления об Александрии, как отдельной самостоятельной части Египта сводились к особому отношению к александрийскому гражданству и выделению жителей столицы Египта среди прочих египтян. Положение «александрийских граждан» (Ἀλεξανδρεῖς) как при Птолемах, так и позднее, когда Египет стал частью Римской империи, существенно отличалось в правовом отношении от других групп населения Египта⁹. Александрийские граждане имели ряд привилегий, именно поэтому наблюдался разнонаправленный процесс: не обладавшие гражданством стремились его получить, а граждане в свою очередь ревниво относились к своему статусу и всячески препятствовали этому действию¹⁰. Эта характерная особенность нашла свое отражение и в римских литературных источниках.

Уже Цицерон выделяет александрийцев как вполне самостоятельную этнополитическую общность. Так, выступая против земельного закона народного трибуна Публия Сервилия Рулла, Цицерон обращается к теме завещания Птолемея XI Александра II (Agr. II. 43): речь идет о том, что

---

und politik. Vorstellungen der Römer von Ägypten und dem Partherreich in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. B., 1986; *Capriotti Vittozzi G.* Note sulla comprensione dell'Egitto nel mondo romano // *Rivista storica dell'Antichità*. 2000. №30. P. 121–139.

⁷ Подробнее о взаимосвязи между распространением *Aegyptiaca Romana* и политическими, экономическими, религиозными и культурными отношениями между Египтом и Римом см. *Versluys M.J.* *Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt*. Leiden, 2002.

⁸ Подробный анализ двойственного восприятия Египта см.: *Bell H.I.* *Alexandria ad Aegyptum* // *The Journal of Roman Studies*. 1946. Vol. 36. P. 130–133; *Fraser P.M.* *Alexandria ad Aegyptum Again* // *The Journal of Roman Studies*. 1949. Vol. 39. P. 56; *Clarke D.* *Alexandria ad Aegyptum* // *Bulletin of the Faculty of Arts, Farouk I University*. 1951. Vol. 5. P. 97–102; *Abdullatif A. Aly.* *Egypt and the Roman Empire through the Papyri (in Arabic)*. Beirut, 1972. P. 53–56.

⁹ *Ковельман А.Б.* Эллинизм и еврейская культура. М., 2007. С. 15.

¹⁰ Подробнее об Александрийском гражданстве см.: *Delia D.* *Alexandrian Citizenship during the Roman Principate*. Atlanta: Scholars Press, 1991; *El-Abbadi M.A.H.* *The Alexandrian Citizenship* // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1962. Vol. 48. P. 106–123; *Whitehouse J.* *Becoming an Alexandrian Citizens* // *Comunicazioni dell'Istituto Papirologico G. Vitelli*. 2001. Vol. 4. P. 23–34; *Harker A.* *Roman Alexandria from the Perspective of the Papyri* // *Alexandria: Real and Imagined* / Ed. A. Hirst, M. Silk. Aldershot, Hampshire: Ashgate, 2004. P. 79–111.

правитель Египта, получивший власть при поддержке Суллы, якобы завещал свое царство римскому народу¹¹. Сам Цицерон, по всей видимости, скептически относился к существованию подобного документа¹², что, однако, не помешало ему оспаривать возможность принятия решения по завещанию децемвирами, согласно закону, предложенному Публием Руллом. Для нас наибольшее значение в данной речи римского оратора представляет его формулировка: Цицерон говорит не просто о Египте, а выделяет отдельно Египет и Александрию (*Alexandrea cunctaque Aegyptus. Agr. II. 43*)¹³, подчеркивая тем самым принципиальную разницу в восприятии между столицей и остальным царством.

В другой речи «В защиту Гая Рабирия Постума» Цицерон негативно описывает Александрию с целью оклеветать противников своего подзащитного (*Rab. Post. 35*). Этот случай определенно можно назвать «Египетским делом»: он хорошо иллюстрирует политические взаимоотношения между государствами в I в. до н.э. Гай Рабирий Постум занимался денежными спекуляциями: в то время как свергнутый египетский царь Птолемей XII Авлет продолжал жить роскошной жизнью в Риме, Рабирий ссужал ему денежные средства¹⁴. Когда Птолемею XII при помощи подкупов различных влиятельных лиц в Риме удалось вновь утвердиться на престоле Египта, его долг Рабирию намного превышал годовой бюджет страны. Рабирий был назначен первым казначеем в Александрии, чтобы удостовериться, что римские кредиторы, в числе которых наиболее значимыми кроме него были Авл Габиний и Помпей, смогут получить свои деньги¹⁵. На своем посту Рабирий позволил себе столь бесцеремонные вымогательства, что Птолемей вынужден был его арестовать. Рабирий бежал в Рим, но здесь он был обвинен в вымогательствах (*repetundae*) как участник незаконных деяний Габиния. Цицерон на защите Рабирия пытался доказать, что последний «пал жертвой» заговора¹⁶. Безусловно, критика Цицерона была направлена именно на александрийцев, а не на этнических египтян. Даже Птолемея XII Авлета он называл не иначе как «царь Александрии» (*rex Alexandrino. Rab. Post. 2. 4*). Хотя следует отметить, что, по меткому замечанию Дж. Балсдона, многие римляне «едва различали собственно египтян и египетских греков»¹⁷.

¹¹ Цицерон неоднократно косвенно подтверждает наличие такого завещания: *Agr. I. 1; Agr. II. 43*.

¹² *Maehler H.* In memory of Sir Eric Turner: Egypt under the last Ptolemies // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1983. Vol. 30. Iss. 1. P. 2, 12.

¹³ Высказываясь о возможности присуждения децемвирами египетской державы римскому народу и предполагаемых последствиях, он снова разделяет Александрию и Египет: *Ergo idem ex sua lege vendet Alexandream, vendet Aegyptum (Agr. II. 43)*.

¹⁴ *Alexander M.C.* The Case for the Prosecution in the Ciceronian Era. *Ann Arbor*, 2003. P. 118.

¹⁵ *Ibid.* P. 119.

¹⁶ *Tyldesley J.A.* Cleopatra: Last Queen of Egypt. L., 1998. P. 34.

¹⁷ *Balsdon J.P.V.D.* Romans and Aliens. Chapel Hill, 1980. P. 68. См. также: *Lewis N.* Life in Egypt under Roman Rule. Oxford, 1999. P. 31–32.

Однако, при всем довольно значительном объеме критических высказываний об Александрии, у Цицерона можно встретить и достаточно благоприятные отзывы о столице Египта, как, например, в уже упомянутой речи против земельного закона Публия Сервия Рулла, где Цицерон называет Александрию великолепным городом (*urbis copiosissimae pulcherrimorumque*. Agr. II. 43). Тем более нужно учитывать, что многие негативные характеристики, которые римский оратор давал египетской столице, зачастую имели судебную (как это было, например, с речью в защиту Гая Рабирия) или политическую подоплеку.

Автор *Bellum Alexandrinum* неоднократно подчеркивает, что военные действия велись против александрийцев, и именно их он называет «лживым народом» (*fallacem gentem*. Bell. Al. 24). Как верно отметил Э. Грюэн, данную характеристику ни в коем случае нельзя воспринимать как относящуюся к «египетскому национальному характеру»: она применима только к александрийцам¹⁸.

В правление Августа по значимости александрийское гражданство занимало третье место после гражданства римского и латинского¹⁹. Особый статус Александрии подчеркивался и в обозначении римского наместника: так в известной трехязычной надписи Гая Корнелия Галла, автор называет себя *praefectus Alexandriae et Aegypti* (CIL. III. 14147. 5; ILS. 8995). Сам город также обозначался *Alexandria ad Aegyptum*, тем самым подчеркивалось, что столица Египта была, по сути, полисом, большим и процветающим, но совершенно оторванным от жизни остального государства, существовавшим в нем как «инородное тело»²⁰.

В правление Антонинов, по всей видимости, ценность александрийского гражданства еще более возросла, что нашло отражение в переписке Плиния Младшего и Траяна. Важно отметить, что жители Египта могли получить римское гражданство только став гражданами Александрии²¹, хотя в виде исключения, как показывает упомянутая переписка, могло быть и наоборот. Плиний просил даровать своему врачу Гарпократу римское гражданство и император удовлетворил его просьбу (Plin. Ep. X. 6). Однако как пишет сам Плиний, «опытные люди заметили, что он сначала должен был просить для него александрийского гражданства, а уже затем римского» (*admonitus sum a peritioribus debuisse me ante ei Alexandrinam civitatem impetrare, deinde Romanam*. Plin. Ep. X. 6. 1). Дабы исправить ситуацию, Плиний обратился к Траяну с просьбой дать Гарпократу и александрийское гражданство (*Rogo itaque, ut beneficio tuo legitime frui possim, tribuas ei et Alexandrinam civitatem et Romanam*. Plin. Ep. X. 6. 2). Подчеркивая значимость особого статуса граждан

¹⁸ Gruen E.S. Op. cit. P. 108.

¹⁹ Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М., Л., 1949. С. 493; Reinhold M. Studies in Classical History and Society. Oxford, 2002. P. 36.

²⁰ Bell H.I. Op. cit. P. 130–132.

²¹ Sherwin-White A.N. The Roman Citizenship. Oxford, 1973. P. 391.

Александрии, в ответном письме Плинию Младшему Траян писал, что согласно установлению прежних правителей, он решил «давать александрийское гражданство с оглядкой» (*Civitatem Alexandrinam secundum institutionem principum non temere dare proposui*. Plin. Ep. X. 7). Примечательно отсутствие подобного рода комментариев со стороны Траяна относительно дарования тому же Гарпократу римского гражданства.

В целом, особый правовой статус гражданина Александрии коррелирует с отношением к нему в римских литературных источниках. Действительно для Цицерона александрийцы являлись вполне самостоятельной этнополитической общностью, но можем ли мы однозначно утверждать, что они аналогичным образом воспринимались его читательской аудиторией? Ответ на этот вопрос можно дать скорее отрицательный, чем положительный. То, что значительная часть римлян, к примеру, не видела или не хотела видеть разницы между греческим и коренным египетским населением уже в правление Августа, подтверждает даже Тит Ливий, который писал, что македоняне, основавшие в Египте Александрию, выродились в конце концов в египтян (*Macedones, qui Alexandriam in Aegypto, qui Seleuciam ac Babyloniam, quique alias sparsas per orbem terrarum colonias habent, in Syros Parthos Aegyptios degenerarunt*. Liv. XXXVIII. 17. 11). Отчасти подобное отношение подтверждает и Плиний Младший: когда он просит Траяна даровать Гарпократу александрийское гражданство, то подчеркивает, что не знал о существовании различий между египтянами (а не александрийцами!) и остальными чужестранцами (*Ego autem, quia inter Aegyptios ceterosque peregrinos nihil interesse credebam*. Plin. Ep. X. 6. 2).

Разумеется, с географической точки зрения Александрия всегда являлась неотъемлемой частью Египта, и этот факт не оспаривался античными авторами, особенно в той части упоминаний египетской столицы, которая касалась истории ее основания или некоторых географических аспектов описания самого Египта. Приведем лишь несколько примеров. Об Александрии *in Aegypto* пишет Тит Ливий, рассказывая о предании, связанном с основанием города (*Eodem anno Alexandream in Aegypto proditum conditam*. Liv. VIII. 24. 1)²². Плиний Старший, рассматривая лекарства из морских животных, в списке городов также использует аналогичную фразу (*Alexandriae in Aegypto*. Plin. Nat. XXXII. 54). Схожее высказывание употребляет и автор III в. н.э. Гай Юлий Солин (*Alexandriam in Aegypto*. Sol. XL. 5).

Однако, что касается аспекта восприятия Александрии как синонима Египта, то он преимущественно связан с событиями противостояния между Антонием и Октавианом и нашел свое отражение в римской поэзии конца I в. до н.э. – I в. н.э., а также некоторых других литературных источников эпохи

---

²² Аналогичная фраза присутствует в уже упомянутом фрагменте о «вырождении» македонян в египтян: *Macedones, qui Alexandriam in Aegypto* (XXXVIII. 17. 11).

принципата, тяготевших к повторению многочисленных отрицательных clichés в отношении Египта.

Не случайно, что именно поэзия становится средством политической пропаганды, поскольку на правление Октавиана Августа пришелся расцвет творчества великих римских поэтов – Горация, Вергилия, Овидия, Проперция. Как отметил Я.Ю. Межерицкий, они «приветствовали власть Августа, так или иначе выступив глашатаями идеологии нового режима»²³. И.Ш. Шифман подчеркивал, что создав через Мецената свой литературный кружок, Октавиан сумел «превратить крупнейших и авторитетнейших писателей эпохи в рупор тех общественных идей и настроений, которые были нужны режиму, являлись его идеологическим фундаментом»²⁴.

Поэзия эпохи Августа не была, в сущности, направлена на очернение образа Египта, но основой политической тактики Октавиана являлось преобразование в умах общественности де факто гражданской войны против Марка Антония и его сторонников в *bellum externum* против Клеопатры, царицы Египта²⁵, которая изображалась как демоническая женщина, завлекшая в свои сети и погубившая благородного, но чрезмерно увлекающегося римского полководца²⁶.

Как подчеркивает В.Н. Парфенов, своими действиями Октавиан вынудил Антония проводить такую политику, которую позднее он представлял и критиковал как измену родине и полнейшее безумие²⁷. Октавиан развернул пропагандистскую кампанию против Антония, сыграв на патриотических чувствах сограждан. Когда в 32 г. до н.э. стало известно о желании Антония быть похороненным в Александрии (Suet. Aug. 17. 1; Plut. Ant. 58; Dio LIII. 3–5.), то эта новость с подачи Октавиана была воспринята в римском обществе как прямая измена Риму²⁸.

---

²³ Межерицкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М., Калуга, 1994. С. 326.

²⁴ Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 148. См. также: Little D. Politics in Augustan Poetry // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. T I. II. Bd. 30.1. B., N. Y., 1982. P. 255.

²⁵ Wallman P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur Politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat (43–30 v. Chr.)*. Frankfurt, 1989. S. 249.

²⁶ Циркин Ю.Б. Гражданские войны в Риме. Победенные. СПб., 2006. С. 274.

²⁷ Парфенов В.Н. Битва при Акции: легенда и действительность // *Античный мир и археология*. 1986. Вып. 6. С. 117.

²⁸ При этом сам Октавиан всячески подчеркивал свое уважительное отношение к традициям республиканского Рима: показательным примером может служить строительство усыпальницы Августа – мавзолея, которое началось в 30 г. до н.э. Совершенно очевидно, что столь молодому правителю было незачем думать о месте своего вечного упокоения, но как показал К. Крафт, Октавиан преследовал в первую очередь идеологические цели (Kraft K. *Der Sinn des Mausoleums des Augustus* // *Historia*. 1967. Bd. 16. Hft. 2. S. 193). П. Цанкер указывает, что несмотря на то, что строительство мавзолея началось уже после смерти Антония, нельзя недооценивать значимость данного события в пропагандистской войне между триумвирами. По его мнению, «неважно, когда мавзолей начали строить, гораздо

Существенную перемену в восприятии Египта и египтян римской элитой принесла битва у мыса Акций в 31 г. до н.э. Естественно, что во время пропагандистской войны²⁹ тема Египта становится ключевой. Овидий, называя Клеопатру египтянкой, супругой римского вождя, высмеивает желание египетской царицы подчинить себе Рим (*Romanique ducis coniunx Aegyptia taedae*. Ovid. Met. XV. 826–828). Используя Капитолий и Каноп (пригород Александрии) в качестве синонимов Рима и Египта, Овидий создает эффектное риторическое противопоставление символов двух государств. Каноп как место, по мнению Сенеки, несовместимое с добрыми нравами (*Sen. Ep. LI. 2*), многократно упоминается вместе с Александрией, являясь фактически в восприятии римлян своеобразным «сателлитом» столицы Египта. В этой связи не выглядит случайным, что именно этот город становится наряду с Александрией одним из наиболее часто упоминаемых в связи с именем Клеопатры в литературе эпохи Октавиана³⁰. Подтверждение того, что для Овидия Александрия – это символ Египта, мы находим и в его Скорбных элегиях. Он пишет: Я не мечтаю, сойдя в Александровом городе славном, видеть улады твои, о жизнерадостный Нил (*non ut Alexandri claram delatus in urbem delicias uideam, Nile iocose, tuas*. Ovid. Tris. I. 2. 79–80). Здесь важно отметить, что образ Нила в представлении римлян неразрывно связан с образом Египта³¹, поэтому ассоциируя Александрию с местом, где можно созерцать «жизнерадостный Нил» (*Nile iocose*), Овидий тем самым показывает Александрию как символ Египта в целом.

Для Проперция, равно как и для Горация и для Вергилия, Египет был неразрывно связан с событиями гражданской войны (*Eleg. IV. 6. 14–60*). Называя Клеопатру царицей, Проперций тут же добавляет, что она правительница кровосмесительного Канопы (*scilicet incesti meretrix regina Canopi*), единственная имеющая дурную славу из династии Птолемеев, ведущей свое происхождение от прославленных Македонских царей (*una Philippeo sanguine adusta nota*. *Eleg. III. 11. 39–40*). Он возмущен тем, что главный враг Рима – женщина³² (*Eleg. III. 11. 30*). Правление царицы автор связывает с двумя египетскими городами, которые ассоциировались у римлян с обманом, предательством и кровопролитием: Александрией и Мемфисом (*noxia*

важнее, когда сообщили о намерении возвести данное сооружение» (*Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988. S. 74–76*).

²⁹ Термин «пропагандистская война» неоднократно употребляет в своей диссертации С.Н. Ахиев, при этом аргументация и выводы автора не оставляют сомнения в обоснованности использования этого термина применительно к событиям конца 30-х гг. до н.э. (*Ахиев С.Н. Политическая пропаганда времени Второй гражданской войны в Риме, 49–30 гг. до н. э.: Дис. канд. ист. наук: 07.00.03. Саратов, 2001*).

³⁰ *Hemelrijk E.A., Smelik K.A.D. Op. cit. P. 1929.*

³¹ *Manolaraki E. Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus. B., 2013. P. 3–10.*

³² *Fantham E. The Image of Woman in Propertius' Poetry // Brill's Companion to Propertius / Ed. H.-C. Gunther. Leiden, 2006. P. 198.*

Alexandria, dolis aptissima tellus, et totiens nostro Memphi cruenta malo. Eleg. III. 11. 33–34). В кульминации своего повествования Проперций иллюстрирует столкновение национальных символов, богов, рек Нила и Тибра и, наконец, самих правителей (Eleg. III. 11. 47–50), но при этом он не противопоставляет Александрию остальному Египту и, более того, ставит ее в один ряд с древним египетским городом Мемфисом. Очевидно, что оскорбления в адрес Клеопатры, обвинение Египта в бессмысленной агрессии и кровопролитии, связанном со смертью Помпея, являлись для Проперция неким объединяющим мотивом, благодаря которому он не выделяет Александрию на фоне остального Египетского царства. Отношение к столице у него такое же негативное, как и ко всему Египту в целом. Возможно, именно покровительство Мецената, приближенного к Октавиану и старавшегося направить деятельность римских авторов в сторону прославления Рима и Августа, предопределило «шовинистический» настрой элегии Проперция. Отсюда же происходит и его ярко выраженный патриотизм, схожий по своему эмоциональному накалу с чувствами Вергилия и Горация³³.

Учитывая, что среди поэтов и прозаиков I века н.э. преобладает преимущественно отрицательный образ Египта и египтян, неудивительно, что они в основном повторяют многочисленные стереотипы, сформулированные еще в I в. до н.э., при этом сохраняя аналогичное отношение и к Александрии как символу Египта. Сенека использует один из излюбленных стереотипов авторов I в. до н.э., связанный с убийством Помпея. Он пишет, что Помпей, обманутый александрийским вероломством, подставил горло под нож последнего из рабов (*at idem postea Alexandrina perfidia deceptus ultimo mancipio transfodiendum se praebuit*. Brev. Vit. X. 13. 7), тем самым подчеркивает лживый и предательский характер египтян. Каноп – город в устье Нила, место отдыха жителей Александрии, он называет не иначе как «курортом порока» (*deversorium vitiorum*. – Epist. LI. 3). Сенека, проживший в Египте несколько лет³⁴, имел возможность побывать не только в Александрии, но и в Верхнем Египте, и как мы можем предположить, получил достаточно впечатлений о Египте, чтобы сделать собственные выводы о египетской культуре. В целом, негативное отношение к Египту для Сенеки, также как и для Проперция, является естественным лейтмотивом, на фоне которого Александрия не воспринимается как отделенный от остального Египта город.

В уже упомянутой *Historia Naturalis* Плиния Старшего Александрия выступает в статусе символа Египта не только в тех случаях, когда автору нужно было подчеркнуть, что речь идет именно об Александрии египетской, а не ином городе, носящем имя Александра. Римский автор называет правителей Египта – царями Александрии (*Alexandreae et Pergami reges*. Plin. Nat. XXXV. 10. 1), однако, в отличие от Цицерона, который нарекая Птолемея XII Авлета

³³ Maehler H. Op. cit. P. 210.

³⁴ Грималь П. Сенека, или Совесть империи. М., 2003. С. 124.

гех Alexandrino, подчеркивал тем самым перипетии его взаимоотношений с Римом и обстоятельства, связанные с его возвращением на престол, Плиний Старший не вкладывает в эту фразу подтекста, предполагающего восприятие Александрии как самостоятельной части Египта, напротив, он использует название столицы Египта в качестве синонима всего египетского царства.

Резюмируя, необходимо отметить, что римские авторы практически не посещали Египет, а их осведомленность о стране и ее культуре основывалась на слухах и домыслах, что делало эти знания чрезвычайно ограниченными и поверхностными. Не проявляя истинного глубокого интереса к египетской культуре, большинство из них заимствовали друг у друга не только предвзятое мнение о Египте, но и наиболее популярные топосы, связанные с его восприятием. Однако, если отношение к Александрии как к самодостаточному полису, фактически оторванному от остального Египта, сохранялось в римском обществе на протяжении всего периода существования Imperium Romanum, то топос восприятия Александрии как синонима Египта зародился лишь в период противостояния между Антонием и Октавианом, получив еще большее распространение в римской литературе после битвы при м. Акций. Именно в поэзии эпохи Октавиана, а также в близкой к ней по своему «антиегипетскому» содержанию литературе периода принципата Александрия предстает такой же частью Египта, как и иные древние города, символизируя собой не только Египет в целом, но и его царицу, Нил, египетских богов. Впрочем, уже к концу I в. н.э. внимание римских авторов постепенно переходит от образа Клеопатры и битвы у м. Акций к различным сочетаниям старых предубеждений, считавшихся среди римской интеллигенции на протяжении длительного времени банальными³⁵. Подобная трансформация образа Египта в римской литературе, вызванная в первую очередь хронологическим отдалением от событий эпохи войны против Клеопатры, равно как и становлением Египта в качестве римской провинции, сказалась и на восприятии Александрии, постепенно сводя на нет упоминания о столице Египта как о синониме государства в целом.

Литература

1. *Ахиев С.Н.* Политическая пропаганда времени Второй гражданской войны в Риме, 49–30 гг. до н. э.: Дис. канд. ист. наук: 07.00.03. Саратов, 2001.
2. *Грималь П.* Сенека, или Совесть империи. М., 2003.
3. *Ковельман А.Б.* Эллинизм и еврейская культура. М., 2007.
4. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М., Л., 1949.
5. *Межеричкий Я.Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М., Калуга, 1994.

---

³⁵ Versluys M.J. Op. cit. P. 42.

6. *Парфенов В.Н.* Битва при Акции: легенда и действительность // Античный мир и археология. 1986. Вып. 6.
7. *Циркин Ю.Б.* Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб., 2006.
8. *Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990.
9. *Abdullatif A. Aly.* Egypt and the Roman Empire through the Papyri (in Arabic). Beirut, 1972.
10. *Alexander M.C.* The Case for the Prosecution in the Ciceronian Era. Ann Arbor, 2003.
11. *Balsdon J.P.V.D.* Romans and Aliens. Chapel Hill, 1980.
12. *Bell H.I.* Alexandria ad Aegyptum // The Journal of Roman Studies. 1946. Vol. 36.
13. *Berthelot K.* The Use of Greek and Roman Stereotypes of the Egyptians by Hellenistic Jewish Apologists, with Special Reference to Josephus' Against Apion // Internationales Josephus-Kolloquium Aarhus 1999 / Hrsg. J.U. Kalms. Münster, 2000.
14. *Capriotti Vittozzi G.* Note sulla comprensione dell'Egitto nel mondo romano // Rivista storica dell'Antichità. 2000. № 30.
15. *Clarke D.* Alexandria ad Aegyptum // Bulletin of the Faculty of Arts, Farouk I University. 1951. Vol. 5.
16. *Delia D.* Alexandrian Citizenship during the Roman Principate. Atlanta: Scholars Press, 1991.
17. *El-Abbadi M.A.H.* The Alexandrian Citizenship // Journal of Egyptian Archaeology. 1962. Vol. 48.
18. *Fantham E.* The Image of Woman in Propertius' Poetry // Brill's Companion to Propertius / Ed. H-C. Gunther. Leiden, 2006.
19. *Fraser P.M.* Alexandria ad Aegyptum Again // The Journal of Roman Studies. 1949. Vol. 39.
20. *Gruen E.S.* Rethinking of the Other in Antiquity. Princeton, 2010.
21. *Harker A.* Roman Alexandria from the Perspective of the Papyri // Alexandria: Real and Imagined / Ed. A. Hirst, M. Silk. Aldershot, Hampshire: Ashgate, 2004.
22. *Hemelrijk E.A., Smelik K.A.D.* Who knows not what monsters demented Egypt worships? Opinions on Egyptian animal worship in Antiquity as part of the ancient conception of Egypt // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Tl. II. Bd. 17.4. B., N. Y., 1984.
23. *Kraft K.* Der Sinn des Mausoleums des Augustus // Historia. 1967. Bd. 16. Hft. 2.
24. *Lewis N.* Life in Egypt under Roman Rule. Oxford, 1999.
25. *Little D.* Politics in Augustan Poetry // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Tl. II. Bd. 30.1. B., N. Y., 1982.
26. *Maehler H.* In memory of Sir Eric Turner: Egypt under the last Ptolemies // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1983. Vol. 30. Iss. 1.

27. *Maehler H.* Roman poets on Egypt // Ancient perspective on Egypt / Ed. R. Matthews, C. Roemer. L., 2003.
28. *Manolaraki E.* Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus. B., 2013.
29. *Nimis S.* Egypt in Greco-Roman history and fiction // Journal of comparative poetics. 2004. Vol. 24.
30. *Sherwin-White A.N.* The Roman Citizenship. Oxford, 1973.
31. *Sonnabend H.* Fremdenbild und politik. Vorstellungen der Römer von Ägypten und dem Partherreich in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. B., 1986.
32. *Takács S.A.* Isis and Sarapis in the Roman world. Leiden, 1997.
33. *Tyldesley J.A.* Cleopatra: Last Queen of Egypt. L., 1998.
34. *Vasunia P.* The Gift of the Nile: Hellenizing Egypt from Aeschylus to Alexander. Berckley, 2000.
35. *Versluys M.J.* Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt. Leiden, 2002.
36. *Wallman P.* Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur Politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat (43-30 v. Chr.). Frankfurt, 1989.
37. *Whitehouse J.* Becoming an Alexandrian Citizens // Comunicazioni dell' Istituto Papirologico G. Vitelli. 2001. Vol. 4.
38. *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988.

ALEXANDRIA AD AEGYPTUM/IN AEGYPTO: ABOUT SOME ASPECTS OF PERCEPTION OF THE CITY BY THE ROMAN AUTHORS IN THE MIDDLE OF THE 1st CENTURY BC – THE BEGINNING THE 2nd CENTURY AD.

M.S. Chistalev

The State University of Nizhny Novgorod, Department of ancient history and
classical languages

Annotation. This paper considers the perception of Alexandria by the Roman authors as self-sufficient, separated from the rest of Egypt, the intellectual capital of the Hellenistic world and, at the same time as an integral part of Egypt which sometimes was a synonym of the state as a whole. It is noted that perception of Alexandria, as a synonym of Egypt, primarily connected with events of the confrontation between Antony and Octavian, as reflected in the roman literature of the late I century BC – I century AD.

Keywords: *Ancient Rome, Egypt, Alexandria, appreciation of the alien culture.*

Об авторе:

ЧИСТАЛЕВ Марк Сергеевич

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории древнего мира и классических языков, аспирант, e-mail: marcus7@mail.ru.

About the author:

CHISTALEV Mark Sergeevich

The State University of Nizhny Novgorod, Institute of International Relations and World History, Department of ancient history and classical languages, post-graduate student, e-mail: marcus7@mail.ru.

УДК 94(47).02

РАБОТОРГОВЛЯ ДРЕВНИХ РУСОВ

А.Н. Белохвостов

Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал,
г. Арзамас

Аннотация. В статье исследуется характер торговых операций древних русов. На основе данных различных письменных источников выдвигается предположение, что главным предметом торговли русских купцов являлись рабы. Также показывается значение работорговли в Древнерусском государстве.

Ключевые слова: *торговля, купцы, рабы, пленники, русы, славяне, Древнерусское государство.*

В исторической литературе неоднократно отмечалось, что русы в раннесредневековых источниках предстают народом, весьма непохожим на современных им славян по уровню военно-политической организации и роду занятий. В отличие от славянских земледельцев русы приоритетное внимание уделяли торговле, в том числе на далекие расстояния, и военным предприятиям, которые, как правило, преследовали цели грабежа и захвата пленников, обращаемых в рабов¹.

---

¹ Например, А.Л. Никитин, реконструируя социум русов, определяет их как «находников», паразитирующих на славянских племенах и занятых в основном войной, торговлей, наемничеством и мореплаванием. См.: *Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты.* М.: Аграф, 2001. С. 318–319.

В книге арабского географа Ибн Русте, где содержатся самые ранние в арабской географической литературе сведения о русах², говорится, что все набеги и походы русы совершают на кораблях. По его словам, «если русы нападают на другой народ, то не отступают, пока не уничтожат его полностью», истребляя или обращая в рабство. Подобный воинственный образ жизни воспитывался с детства: «Когда у них рождается сын, то он [рус] дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ним и говорит: “Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом”»³.

О захвате рабов как цели военных походов русов свидетельствует арабский ученый Ибн Мискавайх, описывая нападение на город Бердаа (Бардаа) в 944–945 гг. Покидая этот город, русы увели «женщин, юношей и девушек, сколько хотели»⁴.

Еще один арабский географ Ибн Фадлан встретил русских работорговцев на берегах Волги во время путешествия в 921–922 гг. Ибн Фадлан сообщает, что правитель Волжской Булгарии с каждого десятка рабов, привозимых для продажи русами, забирал «одну голову». Главным товаром, который предлагали русские купцы в Волжской Булгарии, являлись девушки-рабыни: «Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атыле (Волге – А.Б.), – а это большая река, – и строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается [их] в одном [таком] доме десять и двадцать, – меньше или больше. У каждого [из них] скамья, на которой он сидит, и с ними [сидят] девушки-красавицы для купцов...»⁵.

Русские работорговцы упоминаются и в западноевропейских источниках. В Раффельштеттенском⁶ таможенном уставе, составленном вероятнее всего в 904–906 гг., зафиксировано, что русские (из «Ругии») купцы платили подати «с одной рабыни по тремиссе», а «с каждого раба по сайге»⁷. В уставе говорится о купцах, приходящих в города Верхнего Дуная из «Ругии». (Традиционно преобладало мнение, что речь идет о купцах из Киевской Руси. Но некоторые

---

² Данные о русах и славянах Ибн Русте, по-видимому, заимствовал из так называемой «Анонимной записки о народах Восточной Европы», датированной примерно 70–90-ми годами IX в. См: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники. Сост. части I – Т. М. Калинина, И.Г. Коновалова; части II – В.Я. Петрухин. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 43.

³ Там же. С. 48–49.

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники ... С. 104.

⁵ Там же. С. 67–69.

⁶ Раффельштеттен располагался на правом берегу Дуная несколько ниже устья реки Траун.

⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том IV: Западные европейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 33–34.

историки видят в этих купцах подунайских ругов, давних переселенцев из Прибалтики)⁸. Замечено также, что в одной из исландских саг упоминается купец Гилли «Русский» («Гардский», дословно «из Гардов»), привозивший рабынь для продажи на торгу в устье реки Гетаэльв в Западной Швеции (X в.)⁹. Прозвище «Гардский» (от наименования Руси в скандинавских землях) носят в сагах купцы, плавающие на Русь¹⁰. Гилли считался самым богатым из торговых людей в регионе. В данном случае показательно, что купец, торговые интересы которого напрямую связаны с Русью, выступает как богатейший работорговец.

Важным рынком для торговцев живым товаром, несомненно, являлась Византия. О закованных в цепи рабах, привозимых русскими купцами для продажи в Константинополь, писал Константин Багрянородный¹¹.

По-видимому, значительная часть пленников-рабов из Киевской Руси поступала на внешний рынок, образуя одну из важнейших статей экспорта. В русской летописи рабы перечислены наряду с такими товарами как меха, воск и мед. В 969 г. Святослав объяснял стремление перенести княжескую резиденцию в город Переяславец на Дунае следующим образом: «...туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии – серебро и кони, из Руси же – меха и воск, мед и рабы»¹². Однако большое количество рабов оставалось на Руси, где рабовладельческий уклад получил существенное развитие. Древнерусские источники довольно часто упоминают «челядь» – людей, попавших в рабство через плен. Челядин состоял в полной и безусловной собственности господина, власть которого над ним признавалась без малейших оговорок. В статье 16 Краткой Правды челядин – бесправное существо, покупаемое и перепродаваемое много раз. Статья 38 Пространной Правды показывает, что челядин не скот лишь потому, что в отличие от животного умеет говорить. Обращенных в рабство пленников использовали как домашнюю прислугу для военных целей и в качестве кровавых жертв, приносимых языческим богам. Еще одна сфера применения рабского труда – наложничество¹³. Вторым термин для обозначения раба в Древней Руси – «холоп». Холопы происходили из среды соплеменников. Источники холопства – продажа в холопство неоплатного должника, самопродажа, поступление в домашнее услужение без специального

---

⁸ Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. С. 275.

⁹ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Как была крещена Русь. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 305–307.

¹⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том V: Древнескандинавские источники. Сост. частей VI, IX, X – Г.В. Глазырина; частей III, IV, V, VII, VIII, XI – Т.Н. Джаксон; частей I, II, XII – Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 213.

¹¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. С. 49.

¹² Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. Серия «Литературные памятники». СПб: Наука, 2007. С. 32.

¹³ Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб: Издательство СПбГУ, 1996. С. 104–156.

договора. Холопом автоматически становился сбежавший или проворовавшийся закуп. Будучи выходцами из местных людей, холопы пользовались некоторыми послаблениями сравнительно с челядью. Они могли заключать сделки по торговле и кредиту, а в суде выступать как свидетели, хотя и с некоторыми ограничениями¹⁴.

В целом в эпоху раннего средневековья работорговля процветала в русских и славянских землях, а также по всей Европе. Известны крупные центры работорговли. Значительным рынком рабов для продажи пленников из Северо-Восточной и Восточной Европы являлся Верден. Крупными рынками работорговли непосредственно на славянской границе были Магдебург и Хедебю, в славянских землях Рерик и Прага. В Булгаре располагался большой сборный пункт рабов для торговли по волжскому пути¹⁵. Вероятно, основными покупателями рабов из Восточной и Северной Европы являлись Византия и арабские халифаты Северной Африки, Передней и Средней Азии¹⁶.

В поставках «сакалиба» на восточные рынки, по-видимому, активное участие принимали русы. Об этой стороне славяно-русских отношений прямо пишет Ибн-Русте: «Они [русы] нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются и забирают их в плен, везут в Хазаран (Итиль – *А.Б.*) и Булкар (Булгар – *А.Б.*) и там продают. У них нет пашен, а живут они лишь тем, что привозят из земли славян... С рабами обращаются хорошо, заботятся об их одежде, потому что торгуют [ими]»¹⁷. Военно-политическое превосходство русов явно прослеживается в тех регионах, где славяне и русы являлись соседями или создавали общие государственные структуры. В составе правящей социальной верхушки на начальном этапе существования державы Рюриковичей русы являлись более заметным элементом. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что среди княжеских послов и купцов, подписавших договоры с Византией, преобладали лица с именами, не характерными для славянских языков (Фарлаф, Гуды, Руар, Лидул, Стемид и т.п.)¹⁸. Похожая тенденция отмечена и в балтийском регионе, где русы, жившие на острове Рюген, доминировали по отношению к соседним славянским племенам. Например, в тексте Гельмольда можно прочесть: «Они [руяне] занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм»¹⁹. «Русские» правители Рюгена в европейских хрониках именовались

---

¹⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб: Издательство СПбГУ, 1999. С. 227–233.

¹⁵ Херрман Й. Славяне и норманны... С. 305.

¹⁶ Там же. С. 303.

¹⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники... С. 48–49.

¹⁸ Повесть временных лет ... С. 154–160. Анализ имен социальной верхушки Древнерусского государства см.: Кузьмин А.Г. Начало Руси... С. 313–332.

¹⁹ Гельмольд. Славянская хроника. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 100.

королями (гех), в то время как правители славянских объединений балтийского побережья назывались исключительно князьями²⁰.

Таким образом, раннесредневековые источники рисуют вполне определенный социальный облик русов. Они преимущественно мореплаватели и торговцы, обладавшие развитой для того времени политической и военной организацией. Предметом торговли древних русов являлись товары, добытые в ходе военных походов или собираемые в виде дани и выкупа на обширных землях Восточной и Северной Европы. Народы, населявшие эти земли, зачастую не могли соперничать с русами в военном отношении, поэтому в процессах политогенеза на славянской территории Восточной Европы главную роль играли русы. Избегая производительного труда, русы получали доход в результате морской и речной торговли. Наибольшую прибыль им приносила работоторговля, поскольку в источниках, как было показано выше, русские купцы чаще всего выступали продавцами живого товара.

Литература

1. *Азбелев С.Н.* Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. Сборник статей и монографий / Составл. и ред. В.В. Фомина. М.: Русская панорама, 2010.
2. *Гельмольд.* Славянская хроника. М.: Издательство АН СССР, 1963.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники. Сост. части I – Т. М. Калинина, И.Г. Коновалова; части II – В.Я. Петрухин. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том IV: Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том V: Древнескандинавские источники. Сост. частей VI, IX, X – Г.В. Глазырина; частей III, IV, V, VII, VIII, XI – Т.Н. Джаксон; частей I, II, XII – Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
6. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1989.
7. *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003.
8. *Никитин А.Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М.: Аграф, 2001.
9. Повесть временных лет / Под. Ред. В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. Серия «Литературные памятники». СПб: Наука, 2007.

---

²⁰ *Азбелев С.Н.* Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. Сборник статей и монографий / Составл. и ред. В.В. Фомина. М.: Русская панорама, 2010. С. 598–618.

10. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб: Издательство СПбГУ, 1999.

11. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб: Издательство СПбГУ, 1996.

12. Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Как была крещена Русь. М.: Издательство политической литературы, 1988.

THE SLAVE TRADE OF ANCIENT RUSS

A.N. Belohvostov

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

Annotation. The article explores the nature of the trading operations of ancient Russ. Based on data of various written sources it supposes that the main subject of Russian merchant's trade were slaves. It also shows the value of the slave trade in the Ancient Russian State.

Keywords: *trade, merchants, slaves, prisoners, Russ, Slavs, Ancient Russian State.*

Об авторе:

БЕЛОХВОСТОВ Андрей Николаевич

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории России, кандидат исторических наук, e-mail: andry1979b@mail.ru.

About the author:

BELOHVOSTOV Andrey Nikolayevich

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas Branch, Department of Russian History, Candidate of History Sciences, e-mail: andry1979b@mail.ru.

ДОМ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ ГЕНРИХА II ПО СВЕДЕНИЯМ ВЕНЕЦИАНСКОГО ПОСЛА ДЖАКОМО СОРАНЦО

М.В. Третьякова

Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал,
г. Арзамас

Аннотация. Статья посвящена описанию Дома французского короля Генриха II (1547–1559) по данным итогового отчета венецианского нобиля Джакомо Соранцо (1518–1599), посла Венеции во Франции в 1554–1558 гг. В центре внимания автора статьи находятся структура и состав Дома короля Франции с точки зрения восприятия венецианским дипломатом этого института. Автор статьи приходит к выводу, что венецианский посол, обладая профессиональной наблюдательностью, привел основные составляющие функционала Дома короля, что позволяет выявить специфику последнего и определить круг лиц, входивших в Дом французского короля.

Ключевые слова: венецианский посол, Джакомо Соранцо, Франция, XVI век, Дом французского короля Генриха II, дипломатическая миссия.

В 1554–1558 гг. представителем Венецианской республики при дворе французского короля Генриха II (1547–1559) был венецианский нобиль Джакомо Соранцо (1518–1599). Информация, собранная им во время своего пребывания во Франции, была представлена как в депешах, отправляемых им регулярно на родину, так и в итоговом отчете, который был сделан по возвращению в Венецию.

Особую ценность отчет венецианского дипломата Д. Соранцо¹ представляет как свидетельство очевидца функционирования и структуры Дома короля. Так, он отмечает, что заслуживают внимания порядки, существующие при французском дворе. Как пишет Джакомо Соранцо: «Мне кажется, не лишним, сейчас напомнить Вашей Светлости² о порядках в Доме

---

¹ Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo Tornato ambasciatore da quella corte nel 1558 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Firenze: Tipografia e calcografia all' insegna di Clio, 1840. Serie I. Volume II. Далее – Relazione. Надо отметить, что, как пишет Е. Альбери, отчет, помещенный в эту серию под именем Джованни Соранцо, на самом деле является отчетом Джакомо Соранцо. См.: Alberi E. Cenni biografici intorno a Giakomo Soranzo // Le Pelazioni degli Ambasciatori veneti al Senato durante il Secolo decimosesto / Ed. E. Albéri. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze: Società Editrice Fiorentina, 1857. P. 125.

² Джакомо Соранцо обращается к дожу Лоренцо Приули (1479–1559), догат с 14 июня 1556 г. по 17 августа 1559 г. См.: Бек К. Венеция. М.: Весь мир, 2002. С. 182.

короля»³. Как известно, к этому времени в основном сложились придворный этикет и структура французского королевского двора⁴, частью которого являлся институт, именуемый в исторической литературе «Домом короля» (*La maison du roi*). Исследователи считают, что внимание в большей степени укладу королевского двора будет уделено при последующих французских королях, начиная с правления Генриха III, который в 1578 и 1585 гг. издал документы, регламентировавшие порядок и состав Дома короля. Нужно сказать, что под Домом короля исследователи понимают военную, гражданскую и духовную администрацию монарха, и термин «*Maison du roi*» обозначает в целом организацию и отдельных лиц, обслуживающих персону короля, занимавшихся удовлетворением его личных потребностей. Точный состав и обязанности подразделений Дома короля неоднократно менялись с течением времени. Тремя основными подразделениями Дома короля являлись: гражданский дом (*maison civile du roi de France*), военный дом (*maison militaire du roi de France*) и духовный дом (*Maison ecclésiastique du roi de France*)⁵.

В состав гражданского Дома короля входили лица, занимавшие должности *Grands officiers de la maison du roi de France*. Это – главный распорядитель двора (*Grand maître de France*), являвшейся главой гражданской части Дома короля. Ему подчинялись главный хлебопар (*Grand panetier de France*), главный кравчий (*Grand bouteiller de France*) и главный виночерпий (*Grand échanton de France*). Главному распорядителю двора подчинялись также первый распорядитель двора (*Maître d'hôtel*)⁶, мясник короля (*Bouches du roi*), первый стольник (*Écuier tranchant*)⁷.

---

³ *Relazione*.... P. 438.

⁴ *Leathes S. M.* Habsburg and Valois (II) // *The Cambridge Modern History / Planned by Lord Acton / Ed. by Adolphus W. Ward.* Cambridge: Univ. Press. Vol. II. The Reformation. 1903. [Электронный ресурс]. // <http://www.uni-mannheim.de/mateo/camenaref/cmh/cmh.html#cmh2>. Date accessed 10 July 2014; *Сказкин С.Д.* Франция первой половины XVI века // *История Франции*. Т. 1. М.: Наука, 1972. С. 158–159.

⁵ См.: *Salmon J.H.M.* Society in Crisis: France in the Sixteenth Century. Methuen: London, 1975; *Solnon J.-F.* La cour de France. Paris, 1987; *Bluche F.* L'Ancien régime: Institutions et société. Collection: Livre de poche. Paris: Editions de Fallois, 1993; *Barbiche B.* Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne, XVIe – XVIIIe siècle, Paris: PUF, 1999. 2nd edition, 2001; *Пименова Л.А.* Дворянство Франции в XVI–XVII вв. // *Европейское дворянство XV–XVII вв.: Границы сословия*. М.: Археографический центр, 1997; *Шишкин В.В.* Эволюция французского королевского двора в конце XVI – первой трети XVII вв. // *Средние века*. Вып. 59. М., 1997; *Шишкин В.В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб.: Евразия, 2004. [Электронный ресурс]. <http://coollib.net/b/179560/read>. Дата обращения 21 июля 2014; *Элиас Н.* Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 200–201.

⁶ В его ведении находился стол короля.

⁷ Он разрезал мясо.

Джакомо Соранцо пишет, что главным министром короля (*gran maestro*), «он же синьор коннетабль» являлся «синьор Монморанси»⁸, что «его должность самая главная среди прочих», что «он определяет все порядки в этом доме, и все министры ему служат, и когда король публично ест, то у *gran maestro* есть обязанность идти впереди кушаний и нести в руке жезл, сделанный в форме цветка лилий (флер де лис) (*un bastone lavorato a fior di gigli*) и за счет короля держать стол, за которым едят многие синьоры и обычно послы, пришедшие на аудиенцию»⁹.

Следующей должностью гражданского Дома короля была должность обер-камергера. Обер-камергер Франции (*Grand chambellan de France*) отвечал за внутреннее состояние королевских покоев и королевскую трапезу, следил за снабжением двора и его финансами. Ему подчинялись камердинеры, гардеробщики, мебелировщики, цирюльники, обойщики, часовщики, библиотекари, вся королевская обслуга. По статусу они назывались *valets de chambre*. Кроме того, в ведении этой службы находились *officiers de santé* – хирурги, аптекари и прочее. Обязанностью обер-камергера было присутствовать на утреннем вставании короля и подавать ему сорочку. Если король обедал в своих покоях, то прислуживал ему обер-камергер. По протоколу обер-камергер обязан был находиться на заседаниях королевского суда, занимая место у ног короля, на торжественных церемониях и королевских выходах размещался справа от короля. Ему подчинялись четыре первых *valets de chambre*, которые были в подчинении первого дворянина королевской палаты. Существовала должность распорядителя гардероба (*Grand Maître de la garde-robe*)¹⁰.

По свидетельству венецианского посла, «комнаты короля находятся в ведение камергера, эту должность занимает монсеньор де Гиз»¹¹, первым *gentilumio della camera* являлся маршал де Сент-Андре¹², который обязан спать в комнате короля, и ему подчинялись двенадцать пажей»¹³. К этой структуре королевского двора, по словам Джакомо Соранцо, относились и «около ста джентилуomini комнаты короля (*gentiluomini della camera*), имевших

---

⁸ Анн де Монморанси (1492–1567) – барон, затем 1-й герцог де Монморанси (1551), маршал Франции (1522), затем коннетабль Франции (1538), пэр Франции (1551). Приходился троюродным братом королю Генриху II. С 1557 г. по 1559 г. находился в испанском плену после поражения французских войск в сражении при Сен-Кантене в 1557 г. Должность *Grand maître de France* занимал в 1526–1558 гг.

⁹ *Relazione...* P. 438–439.

¹⁰ Элиас Н. Придворное общество... С. 200–201.

¹¹ Франсуа I Лотарингский (1519–1563) – 2-й герцог де Гиз (1550–1563), граф, затем герцог Омальский и пэр Франции, маркиз де Майенн, барон, затем принц де Жуанвиль, великий камергер и великий ловчий Франции, генерал-лейтенант Франции.

¹² Жак д'Альбон, сеньор де Сент-Андре, маркиз де Фронсак (1512–1562) – близкий товарищ («миньон») французского короля Генриха II, губернатор области Лионнэ и маршал Франции. После сражения при Сен-Кантене попал в плен, освобожден в 1559 г.

¹³ *Relazione...* P. 439.

благородное происхождение и получавшие каждый по 1 200 франков жалованья»¹⁴. Джакомо Соранцо пишет, что у многих лиц гражданского Дома короля («ministri») есть «валеты (valletti), часть из них служит в комнатах короля, другая часть заботится о гардеробе, иные заботятся о книгах, есть среди них привратники, цирюльники, прачки, и прочие, они имеют жалованья 600 флоринов каждый»¹⁵.

Следующую ступень в придворной иерархии, по мнению венецианца, «занимают двести джентилуomini (gentiluomini) сервентов с жалованьем в 400 флоринов каждый, их главой является великий хлебодар, эту должность занимает маршал де Бриссак¹⁶, эти люди делятся на три порядка. Первые – держат кушанья за столом, и называются «пекари» (panattieri), вторые – подают напитки королю, и называются «резчиками» (trincianti), третьи – другие министры (ministri), которые прислуживают королю по необходимости и разным службам. Кроме того, у короля много медиков, которые всегда находятся при дворе, главный из них получает 1 200 флоринов в год, другие – 800 каждый, есть хирурги, главный из них имеет 800, другие 240 флоринов в год»¹⁷.

Еще одной должностью из персонала гражданского Дома короля являлась должность обер-шталмейстера (Grand écuyer de France), отвечавшего за состояние королевских конюшен. Ему подчинялись все прочие шталмейстеры и пажи, а также штат конюшен, где были свои казначеи, интенданты, лакеи и проч. В этой же структуре Дома короля проходили обучение молодые пажи. Ниже по рангу обер-шталмейстера был первый шталмейстер Франции (écuyer de France).

По словам венецианского дипломата, должность главного конюшего занимал «синьор Бюсси¹⁸, под его началом находится большое количество знатоков конюшни, получают они в год 400 флоринов каждый»¹⁹. В этом же ведомстве, по свидетельству Джакомо Соранцо, было «много разных других специалистов, стремянных конюхов, герольдов, трубачей, барабанщиков/тамбуринщиков, и прочих»²⁰, включая и «пятьдесят пажей, в обязанность которых входило участвовать в кавалькадах, их король дважды в год одевает в свою ливрею, ... и каждому король дает лошадь и 50 скуди»²¹.

В гражданский Дом короля входили обер-егермейстер Франции (Grand Veneur), управлявший королевской охотой, особенно охотой на оленя; главный

---

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Шарль де Коссе, граф де Бриссак (1505–1563), должность великого хлебодара Франции занимал с 1547 по 1562 гг.

¹⁷ Relazione... P. 439.

¹⁸ Луи де Клермон, сеньор д'Амбуаз, граф де Бюсси (1549–1579).

¹⁹ Relazione... P. 440.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

сокольничий Франции (Grand Fauconnier de France), отвечавший за королевскую охоту с ловчими птицами; главный великий егермейстер Франции (Grand Louvetier), ведавший королевской охотой на волков и медведей; главный распорядитель придворных церемоний (Grand maître des cérémonies), контролировавший придворные церемонии и протокол; главный maréchal des logis, обеспечивавший размещение короля и королевского двора; Grand Provost Франции, возглавлявший придворную полицию.

Особым пристрастием Генриха II была охота. Для этих целей у французского короля, по данным венецианского дипломата, был создан специальный штат: «есть много министров (ministri per la caccia) для охоты, которые ведают лесами и животными в них, они все подчиняются великому егерю и великому сокольничему (al gran cacciatore ed al gran falconiere), а именно герцогу Гизу, и каждый имеет жалованье сообразно своей должности»²².

К военному Дому короля принадлежали люди, занимавшие должности: капитана личной охраны, капитана-полковника солдат швейцарской гвардии французских королей, генерал-полковника швейцарцев (должность появилась при Карле IX), капитана-полковника королевской стражи, капитана-лейтенанта вооруженных всадников гвардии, капитана-лейтенанта рейтар (chevau-légers) гвардии, полковника мушкетеров гвардии, капитана-лейтенанта первой компании мушкетеров гвардии, капитана-лейтенанта конных гренадеров (grenadiers à cheval) гвардии²³. Большая часть должностей этого придворного ведомства оформилась при преемниках Генриха II.

Во всяком случае, по сведениям венецианского дипломата, гвардия короля состояла из «200 джентилуomini с секирами, в обязанности которых входит сопровождать короля, они имеют в год 400 флоринов жалованья каждый, их возглавляют два капитана», из «400 лучников, 300 – французов, охранявших двери дворца короля, и 100 – шотландцев, днем и ночью охранявших персону короля, они имеют 165 флоринов жалованья и подчиняются четырем капитанам, из 200 «швейцарцев с алебардами, они имеют 10 флоринов в месяц на каждого, и дважды в год меняют свою ливрею, полученную ими от короля»²⁴.

---

²² Ibid. P. 441.

²³ Шишкин В.В. Эволюция... С. 145. Должность Colonel général de l'infanterie, или colonel-général des Bandes françaises в период правления Генриха II занимали: в 1547 г. – Гаспар Колиньи (1519–1572), в 1555 г. – Франсуа Колиньи, д'Андело (1521–1569), в 1558 г. – Блез Монлюк (1502–1577). Во время итальянских войн (1494–1559) должность была разделена на colonel général de l'infanterie «au-delà des monts» и colonel général de l'infanterie «en deçà des monts».

²⁴ Relazione... P. 440–441.

Кроме того, по словам венецианского нобиля, эскорт короля во время его передвижений по стране составляли «6 тысяч всадников, 12 тысяч пехотинцев, готовых всегда куда-либо отправиться и сопровождать короля...»²⁵.

Третья часть Дома короля – это его духовный Дом (*maison ecclésiastique du roi de France*). К нему относились лица, занимавшие должности великого раздатчика милостыни (*Grand aumônier de France*²⁶) и его штата. Великий раздатчик милостыни был главой церковной службы двора. Он имел сан епископа, считался первым епископом Франции и являлся одним из самых влиятельных лиц французской церкви. Обычно лица, занимавшие эту должность, носили титул кардинала. Ему подчинялись духовник короля, глава придворной церкви и другие духовные лица при дворе. Главный раздатчик милостыни являлся главой королевской часовни. Должность великого раздатчика милостыни была создана Франциском I. В его ведении находилось обслуживание королевской часовни, которая скорее являлась не строением, а институтом двора. В его функции входило проведение месс, бракосочетаний, крещений членов королевской фамилии, раздача милостыни и осуществление благотворительности от имени короля. Великому раздатчику милостыни помогал первый раздатчик милостыни. Другими официальными этой службы были: ординарные раздатчики милостыни (*aumôniers ordinaires*), они в основном отвечали за службы в часовне; проповедники короля (*prédicateur du roi*) и королевский духовник. Королевская часовня состояла также из и иных лиц: духовных и музыкантов для религиозной службы, делившихся на две секции: часовню и ораторию (*chapelle et oratoire*), возглавлявшуюся *maître de l'Oratoire*, который вел мессы; и великую часовню (*grande chapelle*), управлявшуюся *maître de la chapelle*, который проводил мессы в форме григорианского хора²⁷.

Венецианский посол пишет, что есть и должности, которые занимают представители духовенства. Например, «там есть много прелатов с титулом раздатчика милостыни, и главный среди них называется великий раздатчик милостыни (*il grande elemosinano*), это епископ Мо²⁸, самый старый епископ при дворе, он имеет 1 200 флоринов жалованья, свою должность он получил от короля, проводит мессы, и имеет помощников, а также капелланов, канторов, прекрасных музыкантов»²⁹.

---

²⁵ Ibid. P. 441.

²⁶ От лат. *Almosunartius* – «милостынник», альмосунартий.

²⁷ Шишкин В.В. Эволюция... С. 146.

²⁸ В период правления Генриха II великими альмонасуртиями были: в 1547–1548 гг. – Филипп де Коссе-Бриссак (1509–1548), епископ Кутанса; в 1548–1552 гг. – Пьер дю Шастель (ум. в 1553 г.), епископ Макона до 1552 г. и Орлеана в 1551 г.; в 1552–1556 гг. – Бернар де Рути (ум. в 1556 г.), аббат Понлевуа; в 1559–1559 гг. – Луи III де Брезе (ум. в 1589 г.), епископ Мо.

²⁹ *Relazione*... P. 440.

Среди высших магистратур Франции особое место занимают коронные должности³⁰. Коронными должностями Франции считались должности коннетабля Франции (*connétable de France*) и канцлера Франции (*chancelier de France*). Первоначально коннетабль являлся помощником сенешаля, заведующего конюшнями, постепенно коннетабль становится военным советником короля и начальником королевских рыцарей. В XIV в. коннетабль стал первым лицом государства после короля и принцев королевской крови. Должность коннетабля Франции считалась наследственной, ее чаще всего занимали представители нескольких семей Франции, например, Монморанси³¹.

В обязанности канцлера Франции входило составление государственных актов, отправление правосудия, хранение государственной печати. К сожалению, деятельность этой персоны не нашла отражения на страницах отчета венецианского посла³².

К коронным должностям относились и должности лиц Дома короля – главного распорядителя двора (*Grand maître de France*), обер-камергера Франции (*Grand chambellan de France*), обер-шталмейстера (*Grand écuyer de France*).

Коронными должностями считались также должности адмирала Франции (*amiral de France*) и маршала Франции (*maréchaux de France*).

Чин адмирала, так же, как и чин коннетабля, был наследственным. Например, должность адмирала была принадлежностью семьи Шатильон – Колиньи. Джакомо Соранцо пишет, что должность адмирала, ответственного за морские дела в бассейне Атлантического океана, занимал «синьор Шатильон», а должность адмирала, ведавшего морскими делами в бассейне Средиземного моря, была в руках «графа Тенда», родственника адмирала Колиньи³³.

Титул маршала Франции являлся почетным титулом и давался четырем самым заслуженным маршалам. Так, при Генрихе II маршалами Франции были Жак д'Альбон, сеньор де Сент-Андре (1512–1562), маршал Франции с 1547 г., Роббер IV де Ла Марк (1520–1556), маршал Франции с 1547 г., Карл I Коссе-Бриссак (1505–1563), маршал Франции с 1550 г., Пьетро Строчи (1500–1558),

---

³⁰ Высшие коронные чины Франции (*grands offices de la couronne de France*) – главные должности при французском королевском дворе. Их обладатели имели право заседать в королевском совете. Многие из них стали наследственными должностями.

³¹ Коннетабль // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 807.

³² Во время правления Генриха II канцлером Франции был Франсуа Оливье (1487–1560), эту должность он занимал с 28 апреля 1545 г. по 30 марта 1560 г.

³³ *Relazione...* Р. 419. Речь идет о Гаспаре Колиньи (1519–1572), занимавшем посты с 1547 г. – генерального полковника французской пехоты, с 1551 г. – губернатора Парижа и Иль-де-Франс, с 1555 г. – губернатора Пикардии, с 1552 г. – адмирала Франции, и о Клоде Савойском, графе Тенде (1507–1569). В свою очередь, Гаспар Колиньи являлся родственником коннетабля Анна де Монморанси.

маршал Франции с 1554 г., Поль де Ла Барт де Термес (1482–1558), маршал Франции с 1558 г.³⁴

Венецианский посол отметил, что «над всеми военными стоит коннетабль, после него идет лейтенант, а затем идут три маршала, это – Сент-Андре, Бриссак, и Строцци, которые имеют большую власть над военными, но более ограниченную, чем коннетабль, и их доходы составляют 12 тысяч франков у каждого»³⁵. В силу того, что Поль де Ла Барт де Термес свою должность маршала получил уже после отъезда Джакомо Соранцо из Франции, его имя не упоминается в отчете венецианского посла.

Помимо этих магистратур коронными чинами Франции также считались должность хранителя печати (*garde des sceaux*)³⁶, должность великого раздатчика милостыни (*grand aumônier de France*), должность Генерал-полковника инфантерии (*colonel general de l'infanterie*).

Исследователи отмечают, что высшие коронные чины по большей части не имели отношения к сановникам Дома короля за исключением верховного распорядителя двора, обер-камергера и верховного шталмейстера, в то время как некоторые должности Дома короля ранее входили в число высших коронных чинов, а именно: великий сенешаль (*Grand sénéchal*) или сенешаль Франции (*Sénéchal de France*)³⁷; главный казначей (*Grand chambrier de France*)³⁸; командующий стрелками (*Grand maître des arbalétriers*)³⁹; главный сокольничий (*Grand fauconnier de France*); главный кравчий Франции (*Grand bouteiller de France*); главный виночерпий (*Grand échançon de France*); главный хлебопар Франции (*Grand panetier de France*); главный повар (*Grand queux de France*)⁴⁰.

Многие персоны при дворе замещали несколько должностей одновременно, например, Анн де Монморанси, герцог Франсуа Гиз, так же, как и Шарль де Коссе-Бриссак, который был и *Grand panetier*, и *Grand Fauconnier de France*, и маршалом Франции, и *Grand maître de l'artillerie de France*, и *Gouverneur militaire de Paris*.

³⁴ Он же занимал должность *Chevalier de l'ordre du roi, capitaine de 50 hommes*, губернатора Парижа и Иль-де-Франса.

³⁵ *Relazione...* Р. 419.

³⁶ Эта магистратура была в 1551 г. выделена из должности канцлера. Хранитель печати оставался в подчинении канцлера. Эта должность, в отличие от прочих коронных чинов, была отчуждаемой. Ее с 22 мая 1551 г. по 10 июля 1559 г. занимал Жан де Бертран (1482–1560).

³⁷ В обязанности сенешалей входила организация пиров и придворных церемоний, а также управление слугами, сенешаль отправлял суд, под его началом находились королевские армии домена, в то время как король командовал войском всего королевства. В 1191 г. эта должность была упразднена решением Филиппа-Августа, опасавшегося слишком большой концентрации власти в одних руках. Обязанности сенешаля разделили между собой коннетабль, камерарий и верховный распорядитель двора. См.: Сенешаль // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 759.

³⁸ Должность упразднена в 1545 г., полномочия переданы сюринтенданту финансов.

³⁹ Магистратура впоследствии стала должностью командующего артиллерией.

⁴⁰ См. *Solnon J.-F. La cour de France...*; *Шушнин В.В. Королевский двор ...*

По сведениям венецианского посла, содержание двора обходилось французской короне в 2 миллиона 512 тысяч флоринов, которые слагались из расходов: «на дом короля – 100 000 флоринов; на охоту и дичь, и егерей/лесников – 200 000 флоринов; на содержание придворных, министров короля – 500 000 флоринов; на содержание 200 джентилуomini, вооруженных секирами, что есть гвардия короля – 88 000 флоринов; на содержание 400 лучников на лошадях, 100 из которых шотландцы, что есть гвардейский корпус – 120 000 флоринов; на содержание 200 швейцарцев с алебардами – 24 000 флоринов; на нужды королевы – 200 000 флоринов; на нужды дофина и его братьев – 200 000 флоринов; на нужды Маргариты, сестры короля, – 50 000 флоринов; на нужды шотландской королевы – 30 000 флоринов; на содержание всех министров короля, которые управляют королевством, 1 200 000 флоринов»⁴¹.

Правда, сюда можно добавить и некоторую сумму из статьи расходов, которая называлась в отчете венецианского посла как – «на дары, вознаграждения, и другие экстраординарные расходы, составившей в общей сложности 500 000 флоринов»⁴². Общая же сумма ординарных расходов французского королевства, по данным Д. Соранцо, составила «12 миллионов и 400 000 флоринов, что около 5 миллионов с половиной золотом»⁴³.

Таким образом, в отчете венецианского посла-резидента во Франции Джакомо Соранцо отражены реалии французского двора, выделена в основном структура Дома короля, названы лица, занимавшие ключевые и почетные придворные должности, их функционал, степень их близости к королю. Можно сказать, что Джакомо Соранцо, обладая профессиональными качествами дипломата, уловил особенности функционирования этого института французского королевского двора.

Литература

1. Бек К. История Венеции. М.: Весь мир, 2002.
2. Коннетабль // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1965.
3. Сказкин С.Д. Франция первой половины XVI века // История Франции. М.: Наука, 1972. Т. 1.
4. Пименова Л.А. Дворянство Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XV–XVII вв.: Границы сословия. М.: Археографический центр, 1997.
5. Сенешаль // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1969.

---

⁴¹ Relazione... P. 421–422.

⁴² Ibid. P. 422.

⁴³ Ibid. P. 421.

6. *Шишкин В.В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб.: Евразия, 2004. [Электронный ресурс]. <http://coollib.net/b/179560/read>. Дата обращения 21 июля 2014.
7. *Шишкин В.В.* Эволюция французского королевского двора в конце XVI – первой трети XVII вв. // Средние века. Вып. 59. Москва, 1997.
8. *Шоссинан-Ногаре Г.* Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей. М., 2003.
9. *Элиас Н.* Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002.
10. *Alberi E.* Cenni biografici intorno a Giacomo Soranzo // Le Pelazioni degli Ambasciatori veneti al Senato durante il Secolo decimosesto / Ed. E. Albéri. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze: Società Editrice Fiohentina, 1857.
11. *Barbiche B.* Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne, XVIe – XVIIIe siècle, Paris: PUF, 1999. 2nd edition, 2001.
12. *Bluche F.* L'Ancien régime: Institutions et société. Collection: Livre de poche. Paris: Editions de Fallois, 1993.
13. *Leathes S. M.* Habsburg and Valois (II) // The Cambridge Modern History / Planned by Lord Acton / Ed. by Adolphus W. Ward. Cambridge: Univ. Press. Vol. II. The Reformation. 1903. [Электронный ресурс]. <http://www.uni-mannheim.de/mateo/camenaref/cmh/cmh.html#cmh2>. Date accessed 10 July 2014.
14. Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo Tornato ambasciatore da quella corte nel 1558 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Firenze: Tipografia e calcografia all' insegna di Clio, 1840. Serie I. Volume II.
15. *Salmon J.H.M.* Society in Crisis: France in the Sixteenth Century. Methuen: London, 1975.
16. *Solnon J.-F.* La cour de France. Paris, 1987.

THE HOUSEHOLD OF THE FRENCH KING HENRY II ACCORDING TO THE VENETIAN AMBASSADOR GIACOMO SORANZO

M.V. Tretyakova

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

Annotation. The article is devoted to the description of the household of the french king Henry II (1547–1559) according to the report Giacomo Soranzo (1518–1599), the Venetian diplomat in France in 1554–1558. In the center of the author's attention is the structure and membership of the King's Household as the Venetian ambassador observed this institution. The author comes to conclusion, that the venetian diplomat, due to his proffessional observation, draw the basic components of King's Household. It helps to reveal its specific character and to define the official and family circle of the King's Household.

Keywords: *venetian ambassador, Giacomo Soranzo, nobil, France, XVI century, the househould of the French king Henry II, legation.*

Об авторе:

ТРЕТЬЯКОВА Марина Владимировна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра всемирной истории, кандидат исторических наук, e-mail: marinatretyakova@mail.ru.

About the author:

TRETYAKOVA Marina Vladimirovna

The State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of World History, Candidate of History sciences, e-mail: marinatretyakova@mail.ru.

УДК 94(4)"1492/1914"/82.3

СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНАХ Г. ФИЛДИНГА: ЖИЗНЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ДЖОНАТАНА УАЙЛЬДА ВЕЛИКОГО

М.А. Ковалёв

Владимирский государственный университет, г. Владимир

Аннотация. Статья посвящена выявлению социальных симпатий торийского сатирика XVIII в. Генри Филдинга на материале его романа «История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого». Автор приходит к выводу, что главным персонажем является деклассированный аристократ, чей моральный облик был обезображен буржуазной действительностью.

Ключевые слова: *Генри Филдинг, торы, аристократия, средний класс, капитализм, Англия, Просвещение*

Английская литература середины XVIII в. характеризуется расцветом реалистического романа, в котором отражены фактически все стороны жизни тогдашнего общества¹. Утверждение капиталистического способа производства знаменовалось разрывом привычных социальных связей, кризисом традиционной системы ценностей; возросшая социальная мобильность вызвала к жизни новые общественные типы, а роли товарно-денежного обращения – социальные контрасты, преступность, коррупцию, политические махинации².

---

¹ История английской литературы. Т. 1. Вып. 2. М., 1945. С. 388.

² Морган К.О. История Великобритании. М., 2008. С. 380–381.

Своеобразным лейтмотивом реалистического искусства стало *овеществление* общественных отношений³. Крупнейшие реалисты того времени – Дж. Свифт, Г. Филдинг, Т. Смоллет, Л. Стерн – придерживались, как правило торийской ориентации, в чём можно усмотреть оппозиционный настрой по отношению к вигской олигархии⁴. Однако был ли их «торизм» принципиальной позицией или держался только на «антивигизме»? И хотя социально-политические мотивы у данных авторов встречаются часто, вычленить из их критики правящего режима собственную конструктивную позицию довольно непросто. К примеру, в рамках только советской историографии одни авторы считают Свифта озлобленным последышем отмирающей аристократии⁵, другие – «плебейским оратором» и чуть ли не революционером⁶.

Из указанного комплекса источников мы остановились на конкретном романе Г. Филдинга по следующим причинам. Во-первых, его творчество больше всего отвечает канонам реализма, занимая органичное место между сатирической фантастикой Свифта и ранним сентиментализмом Смоллета. Во-вторых, роман «История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого», созданный в бурный в политическом отношении период рубежа 1730–1740-х (1743 г.) сильнее других насыщен социально-политической тематикой и тесно примыкает к его ранним остросоциальным комедиям⁷. В оценке романа отечественная историография довольно единодушна: мало кто осмеливался столь откровенно показать жизнь социального дна и развращающую власть капитала в образе бездушного грабителя и убийцы Джонатана Уайльда. Хотя А.А. Елистратова и замечает, что социальную опору автор, возможно, видел в сельских сквайрах⁸, это не меняло отношения к нему как преимущественно «народному трибуну». В то же время, некоторые зарубежные учёные делают вывод о его реакционности⁹. Наша задача заключается в том, чтобы, по крайней мере, поставить вопрос: действительно ли творчество Филдинга представляло собой критику капитализма «слева»¹⁰? И в чём могла в тех условиях заключаться критика капитализма «справа»?

Типичным для Филдинга способом представления социальной реальности является форма «дорожного романа», где главные герои, путешествуя по стране, сталкиваясь с представителями различных слоёв, высказывая мнения по множеству встающих перед ними вопросов, создают таким образом «слепок» с

³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 32–33.

⁴ История английской литературы... С. 409, 437–438, 527.

⁵ Мирский Д.П. Свифт // Статьи о литературе. М., 1987. С. 78.

⁶ Дубашинский А.И. Памфлеты Свифта. Рига, 1968. С. 168.

⁷ Елистратова А. А. Реализм Фильдинга // Из истории английского реализма. М., 1941. С. 93.

⁸ Просветительское движение в Англии. М., 1991. С. 307.

⁹ Там же. С. 303.

¹⁰ Елистратова А. А. Фильдинг. М., 1954. С. 3; Алексеев М.П. Сатирический театр Фильдинга // Фильдинг Г. Комедии. М., 1953. С. VI.

социальной реальности¹¹. Однако «Джонатан Уайльд», написанный на раннем этапе творчества автора, представляет собой довольно простой сюжет-повествование о «карьере» известного уголовника (имевшего прототипа среди современников). На таком примере удобно проследить истоки формирования подобных социальных типов и их ментальности, а также выявить авторскую оценку данных явлений.

В первую очередь бросается в глаза нарочитая карикатурность головореза Уайльда. На первый взгляд, он просто животное: деньги, власть, слава, развлечения – предметы его болезненной страсти¹². В отношении морали, обычаев, норм он полнейший нигилист, в религии – атеист¹³. Повешение – это пляска без музыки, – считает он. Любовь – не более чем аппетит к филе с гарниром¹⁴. Характерен эпизод, где персонаж во время морской бури пытается изнасиловать женщину, чтобы вырвать у смерти последний «лакомый кусок», чем приводит в ужас видавшего виды капитана¹⁵. Таким образом, один пласт материала рисует его абсолютным антигероем.

Возможно, такая карикатурность объясняется влиянием филдинговских комедий и фарсов с их традиционной «масочностью», изображающей не людей, а типы¹⁶. Однако не следует ли говорить о характерной для английского просветительского реализма самоиронии? В последнем случае получает объяснение другой пласт информации, которой, как ни странно, намекает на «рыцарственность» (!) Уайльда. Среди его всех устремлений главным является величие, он убеждён, что знаменитый вор не менее славен, чем великий полководец или правитель¹⁷. Презирает свободу, гуманность, порядочность, семейные ценности и прочие пуританские добродетели, считая их помехой на пути к величию. Своего антипода, прекраснодушного мещанина-лавочника Хартфри он не переносит органически, а его верную жену определяет как «убогое малоразвитое домашнее животное»¹⁸. Он прекрасный оратор, то и дело пускается в философствования. «Рыцарственно» провожает дам и пишет им галантные письма. От оскорбителя требует «удовлетворения». Это человек железной воли и педантичной дисциплины. В собственной шайке устанавливает законы «чести», моральные авторитеты, строгие порядки. Уайльд ещё и талантливый политик, умело сталкивающий лбами собственных «коллег»¹⁹. Т.е. Уайльд – человек глубоко *принципиальный*, подчинивший свою

¹¹ История английской литературы... С. 419.

¹² Харитонов В. А. Разный Фильдинг // Фильдинг Г. Избранные сочинения. М., 1988. С. 19.

¹³ Фильдинг Г. История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого // Фильдинг Г. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1954. С. 347, 424.

¹⁴ Там же. С. 341, 428.

¹⁵ Там же. С. 344–345.

¹⁶ Кагарлицкий Ю. О фарсах вообще и фарсах Фильдинга в частности. [Электронный ресурс]. http://lib.ru/INOOLD/FILDING/fielding0_4.txt. Дата обращения 2.04.2014.

¹⁷ Фильдинг Г. Указ. соч. С. 292.

¹⁸ Там же. С. 319, 323, 360, 375, 391–392.

¹⁹ Там же. С. 341, 366, 345, 359, 365, 333–334.

жизнь служению высшей, по его мнению, идее – идее величия. Поистине неподражаемым является начало его хрестоматийной речи к ворами «о шляпах» – излюбленной у исследователей Филдинга и поражающей своим цинизмом. Он зачинает, словно благородный кавалер в каком-нибудь салоне: «Джентльмены, мне совестно видеть...». Но что самое интересное, обывателей – объект насилия воров – он презрительно именует «чернью»²⁰.

На наш взгляд, дело не только в том, что Филдинг подтрунивал над «высшим обществом», ставя знак равенства между ним и шайкой воров²¹. Как мы выяснили, у Уайльда есть своя собственная система ценностей, глубоко враждебная официальной. В чём её специфика? Почему такой маргинал вдруг предстаёт «рыцарем»? В этом нет ничего удивительного, ведь Джонатан Уайльд принадлежит к числу деклассированных аристократов, ведущих происхождение от англосаксонских завоевателей, но прогоревших в коммерческом деле²². Англия XVIII в. представляла картину неуклонного упадка землевладения, а потому была полна подобного рода примерами²³. У самого Филдинга в виде второстепенных персонажей они встречаются неоднократно. (Кстати, сам автор – той же классовой природы)²⁴. Господство буржуазии приносит с собой новые понятия, которые вытесняют на обочину старые понятия чести, верности и т.д., равно как и их носителей²⁵. Поэтому приоритеты Уайльда являются не просто отрицанием общепринятых норм, а представляют своего рода уголовно-богемную «контркультуру». По его словам, лучше стоять на вершине навозной кучи, чем у подножия райского холма²⁶.

Интересно рассмотреть своеобразную «политэкономия» Уайльда (кстати, недалёкую от реальности), которую он красноречиво, со ссылкой на Аристотеля, развивает, убеждая поделщика отдать ему награбленное. Все люди делятся на два разряда: обывателей, которые работают честно, т.е. во благо общества, и своего рода «элиты», которая облагает их «рентой». Между ними существует прослойка рядовых воров, исполнителей, которые получают «заработную плату» у организаторов²⁷. Именно к последним относил себя Уайльд, галантный кавалер, гедонист, вольнодумец, циник и, конечно, «антиобщественный элемент» для буржуазного общества. Похожие типажы находились у власти в эпоху реставрации Стюартов, когда ощущавшая свою недолговечность аристократия искала забвения в моральном разложении и

---

²⁰ Там же. С. 335.

²¹ История английской литературы... С. 415–416.

²² Филдинг Г. Указ. соч. С. 284, 320.

²³ Яснитский Н.А. О политической ситуации в Англии XVIII века. [Электронный ресурс]. <http://pish.ru/blog/articles/articles2012/1866>. Дата обращения 2.04.2014.

²⁴ История английской литературы... С. 408.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 47.

²⁶ Филдинг Г. Указ. соч. С. 292–294.

²⁷ Там же. С. 299–300, 316, 318.

нигилизме²⁸. Ричардсоновский Ловелас – враг буржуазных добродетелей – также списан с натуры: его прототипом был кавалер Лавлейс, сражавшийся на стороне Карла I и воспевавший в стихах мимолётные радости жизни²⁹.

Джонатан Уайльд, безусловно, злодей, но злодей, вызывающий понимание. (Кое-какие его «стратегемы» позаимствовал даже А.В. Суворов!)³⁰. В тексте проскальзывают мотивы нравственной борьбы: он, богохульник и безбожник, то убеждает себя гордо смотреть в лицо смерти, то в последний момент отказывается от «триумфального» завершения своей жизни на виселице, пытаясь отравиться ядом³¹. Сама жизнь его похожа на вывернутую наизнанку классицистскую трагедию (а Филдинг, как известно, пародировал классицизм)³², где подвиги героя заканчиваются его апофеозом³³. В данном случае – позорной казнью. В конце романа приведён «кодекс чести» этого «рыцаря», наиболее примечательные положения которого таковы: зло слишком ценно, чтобы бросаться им попусту; люди выставляют напоказ свои добродетели как купцы – свои товары; сердце сохрани для ненависти, а любовь и дружбу носи на лице³⁴. В известном смысле этот персонаж напоминает комедийного Дон Кихота того же Филдинга (Сервантес серьёзно повлиял на его творчество)³⁵. Тот выведен добродушным чудаком, не адекватным сложившимся реалиям. Его принимают не только за безумца, но даже мошенника и разбойника! Однако Дон Кихот верен своей правде: для него настоящее безумие – это одержимость деньгами, а отправившись на поиск чудовищ, он нашёл их в буржуазной Англии даже чересчур много. Ведь власть у «Рыцарей Печального Образа» перехватили «Рыцари Длинного Кошелька»³⁶.

Таким образом, филдинговский фарсовый «негодяй» куда сложнее и глубже, нежели простой социальный тип эпохи первоначального накопления капитала. Он – продукт разложения феодальной аристократии, а потому имеет оттенок упаднического романтизма. В каком-то смысле предок байронического героя (что немаловажно, поскольку Филдинг повлиял на Байрона)³⁷. Острая вспышка политической борьбы 1730-х гг. к моменту написания романа затихла: виги сохранили власть, часть оппозиции, войдя в элиту, предалась точно таким же хищениям³⁸, Болингброк разочаровывается политической деятельностью³⁹,

²⁸ Эрлихсон И.М. Английская общественная мысль второй половины XVII века. М., 2008. С. 80–81.

²⁹ История всемирной литературы. Т. 5. М., 1988. С. 53.

³⁰ Харитонов В.А. Указ. соч. С. 19.

³¹ Фильдинг Г. Указ. соч. С. 347, 421–422, 428, 429.

³² Елистратова А.А. Реализм Фильдинга ... С. 80.

³³ Фильдинг Г. Указ. соч. С. 427.

³⁴ Там же. С. 431–432.

³⁵ Алексеев М.П. Сатирический театр Фильдинга // Фильдинг Г. Комедии. М., 1953. С. LXVII.

³⁶ Фильдинг Г. Дон Кихот в Англии // Фильдинг Г. Комедии. М., 1953. С. 173, 182–183, 196, 213.

³⁷ Елистратова А.А. Фильдинг. М., 1954. С. 91.

³⁸ Алексеев М.П. Сатирический театр Фильдинга ... С. LV.

реалисты-тори дрейфуют в сторону асоциального сентиментализма (сам Филдинг – в последнем романе «Амелия»)⁴⁰. Автор представляет нам два мировоззрения: одно – официальное, буржуазное, другое – феодальное, маргинализирующееся. Апелляция к «среднему слою» (сквайрам, фригольдерам, мелким собственникам), содержащаяся в оппозиционном торийском журнале «Крафтсмен»⁴¹ и эпизодически встречающаяся у торийских литераторов, не имеет отношения к защите интересов народных масс. Она представляет собой попытку сплотить самые широкие слои населения вокруг стремительно разоряющегося землевладельческого дворянства. Головорез Уайльд – это не исковерканный буржуазной действительностью труженик, а исковерканный ею же дворянин – носитель традиционного менталитета. Поэтому филдинговская критика либерального капитализма есть критика «справа», а не «слева».

Литература

1. *Алексеев М. П.* Сатирический театр Фильдинга // *Фильдинг Г.* Комедии. М., 1953.
2. *Доброва Е.А.* Английское Просвещение и борьба тори и вигов в 30-е годы XVIII века // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1981.
3. *Дубашинский А.И.* Памфлеты Свифта. Рига, 1968.
4. *Елистратова А.А.* Реализм Фильдинга // Из истории английского реализма. М., 1941.
5. *Елистратова А.А.* Фильдинг. М., 1954.
6. История английской литературы. Т. 1. Вып. 2. М., 1945.
7. История всемирной литературы. Т. 5. М., 1988.
8. *Кагарлицкий Ю.* О фарсах вообще и фарсах Фильдинга в частности. [Электронный ресурс]. http://lib.ru/INOOLD/FILDING/fielding0_4.txt. Дата обращения 2.04.2014.
9. *Кутявин Д.В.* Торийская партия в Англии конца XVII – начала XVIII вв. и министерство 1710–1714 гг.: Дис. канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2006.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3. М., 1955.
11. *Мирский Д.П.* Свифт // Статьи о литературе. М., 1987.
12. *Морган К. О.* История Великобритании. М., 2008.
13. Просветительское движение в Англии. М., 1991.
14. *Фильдинг Г.* Дон Кихот в Англии // *Фильдинг Г.* Комедии. М., 1953.
15. *Фильдинг Г.* История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого // *Фильдинг Г.* Избранные сочинения. Т. 1. М., 1954.

---

³⁹ *Кутявин Д.В.* Торийская партия в Англии конца XVII – начала XVIII вв. и министерство 1710–1714 гг.: Дис. канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2006. С. 144.

⁴⁰ История английской литературы... С. 432–433.

⁴¹ *Доброва Е.А.* Английское Просвещение и борьба тори и вигов в 30-е годы XVIII века // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1981. С. 33–35.

16. Харитонов В.А. Разный Фильдинг // *Фильдинг Г.* Избранные сочинения. М., 1988.

17. Эрлихсон И.М. Английская общественная мысль второй половины XVII века. М., 2008.

18. Яснитский Н.А. О политической ситуации в Англии XVIII века. [Электронный ресурс]. <http://pish.ru/blog/articles/articles2012/1866>. Дата обращения 2.04.2014.

SOCIAL MOTIVES IN HENRY FIELDING'S NOVELS: A VIEW OF LIFE OF JONATHAN WILDE THE GREAT

M.A. Kovalyov

Vladimir State University, Vladimir

Annotation. The article is devoted to the investigation social preferences of eighteenth century tory satirist Henry Fielding on the matter of his novel «The Life and Death of Jonathan Wild, the Great». The author concludes that the main character is a declassed aristocrat, whose moral portrait was uglified by the bourgeois reality.

Keywords: *Henry Fielding, tory, aristocracy, middle class, capitalism, England, Enlightenment.*

Об авторе:

КОВАЛЁВ Максим Александрович

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, кафедра всеобщей истории, аспирант, e-mail: mkovalyov.89@mail.ru.

About the author:

Kovalyov Maxim Alexandrovich

Vladimir State University, Department of World History, postgraduate student, e-mail: mkovalyov.89@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белохвостов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета (далее – Арзамасский филиал ННГУ)

Беляев Михаил Петрович, кандидат исторических наук, Российский университет кооперации, г. Мытищи

Берлизов Алексей Сергеевич, аспирант, Пензенский государственный университет

Зотов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Арзамасский филиал ННГУ

Ивонин Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, Смоленский государственный университет (далее – СГУ)

Ивонина Людмила Ивановна, доктор исторических наук, СГУ

Ковалёв Максим Александрович, аспирант, Владимирский государственный университет

Кузнецов Евгений Васильевич, доктор исторических наук, Арзамасский филиал ННГУ

Панов Александр Ростиславович, доктор исторических наук, Арзамасский филиал ННГУ

Сорокина Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, Арзамасский филиал ННГУ

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, Арзамасский филиал ННГУ

Чисталев Марк Сергеевич, аспирант, Нижегородский государственный университет

Шандра Антон Владимирович, кандидат исторических наук, Арзамасский филиал ННГУ

Щелокова Наталия Вячеславовна, кандидат исторических наук, Арзамасский филиал ННГУ

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, Рязанский государственный университет

Яблонская Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, Арзамасский филиал ННГУ

Editor's Preface

Dear colleagues!

This is the ninth issue of the collection of scientific articles «Political Life of Western Europe: Antiquity, the Middle Ages, Modern and Contemporary Times». The Seventh scientific seminar of the same name with the collection was held in October 2014.

Scientists from various universities of Russia – Nizhny Novgorod, Smolensk, Ryazan, Vladimir, Penza, Mytishi, Arzamas – took part in the seminar. In total, the collection includes the works of sixteen authors who traditionally participate in this seminar.

The structure of the collection has become traditional. It consists of three sections. The first section contains articles which examine the features of the socio-political development of England in the middle ages, early modern, modern and contemporary times. The second section contains articles that deal with the social and political development of other Western countries in modern and contemporary times. The last section of the collection includes articles that determine its title – «Varia».

Without going into detail on the characteristics of the articles, we note that the works reflect the research interests of their authors.

We hope that our collection will be of interest to the reader.

**Иллюстрация на последней странице обложки
взята из Strong R. The Story of Britain. L., 1996. P. 339.**

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ:
античность, средние века, новое и новейшее время**

Выпуск 9

Межвузовский сборник научных трудов.

В авторской редакции

Технический редактор С.П. Никонов

Верстка, оформление и вывод оригинала макета А.Р. Панов

Подписано в печать 28.10.2014. Формат 60х84/16.

Усл. печ. л. 8,3 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 32/14.

Издательство Арзамасского филиала ННГУ

607220, г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, 36

Участок оперативной печати

607220, г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, 36.